

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 29

Москва
2005

ББК 81
Я410

К 250-летию МГУ имени М.В. Ломоносова

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*

д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её безнонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2005. —
Вып. 29. — 160 с.

ISBN 5-317-01330-5

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г., выпуски 21, 22 – в 2002 г., выпуски 23, 24, 25 – в 2003 г., выпуски 26, 27, 28 – в 2004 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-317-01330-5

© Авторы статей, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

- Филиппова М. М.* Жанры саркастических высказываний
в английском языке4
- Чесноков И. И.* Концепт «мечь» в лингвокультурном аспекте22

ЛИНГВИСТИКА

- Богатырева И. И.* К вопросу о языке животных34
- Панков Ф. И.* К проблеме создания реестра русских наречий.
Статья 1: Введение; фрагмент на букву «А»42
- Шульскис С. А.* Диффузность семантики и структуры в сложном
предложении при устной форме его реализации78
- Бизунова Е. В.* Фразеологизмы и соотношение в них
денотативных и образных составляющих92
- Татарина Л. Н.* Об основных способах терминообразования
в немецкой химической терминологии106
- Ленкова Т. А.* Лексические средства оформления динамизма112

ЛИНГВОПОЭТИКА

- Задорнова В. Я.* Слово в художественном тексте116
- Брандаусова А. В.* Некоторые особенности литературной сказки
в когнитивном аспекте127

ЛИНГВОДИДАКТИКА

- Литвинов А. В.* Виды компетенций, формируемые при обучении
деловому общению студентов-лингвистов136
- Богатырева И. И.* О необходимости создания учебного словаря-
тезауруса лингвистических терминов147
- Караванов А. А.* Методические аспекты преподавания
видов русского глагола иностранным учащимся152
- Караванов А. А.* Программа семинара для иностранных стажеров
«Употребление видов глагола в русском языке»158

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Жанры саркастических высказываний в английском языке

© кандидат филологических наук М.М. Филиппова, 2005

Юмор общепризнанно считается одним из наиболее сложных для понимания элементов национальной культуры. Данная статья – об иронии и сарказме как его важных составляющих, и рассматривается их функционирование на конкретных примерах, взятых из социальной жизни англичан, их литературы и практики межкультурного общения. Задача статьи – дать представление прежде всего о сарказме, об отношении к нему и способах его использования в качестве языкового средства¹.

Активное изучение речевых жанров (далее – РЖ) в последние десятилетия, даже если и не дало окончательного ответа на вопрос о принципах однозначной идентификации РЖ и оставляет открытым важнейший вопрос о членении дискурса на отдельные РЖ, все же предоставляет в распоряжение исследователя довольно подробный научный аппарат и специальный метаязык для анализа устных и письменных речевых ситуаций с этой точки зрения². Для данной темы представляются немаловажными следующие соображения: с точки зрения М.М. Бахтина, человеческая речь в типичных ситуациях отливается в готовые формы РЖ, которые «даны нам почти так же, как родной язык»³; практическое владение набором (основных) РЖ считается существеннейшим аспектом речевой компетенции⁴; то, что «владение речевыми жанрами есть одна из статусных характеристик личности»⁵.

Хотя статья посвящена жанрам саркастических высказываний, однако, как будет понятно из следующего изложения, ирония и сарказм – это настолько взаимосвязанные понятия, что крайне сложно рассуждать об одном, не упоминая другое. Общее впечатление от исследовательских работ такое, что ирония легче поддается описанию как самостоятельное явление⁶, в то время как при определении сарказма авторы часто отталкиваются от понятия иронии, или сравнивают сарказм с иронией, или рассматривают саркастические высказывания на фоне иронических, и т.п.

В качестве одного из обоснований данной темы можно назвать как все возрастающую двусмысленность и «многосмысленность» коммуникации в наше время, так и растущую иносказательность не только ху-

дожественно-эстетической речи, но и самых различных видов дискурса – рекламного, политического и т.п. Можно говорить также о заметно растущем употреблении косвенных средств передачи смысла в общем. Уже отмечалось, что многие стилистические приемы, особенно тропы, которые иногда также называют фигурами переосмысления, обладают функцией создания подтекста, независимо от их положения в тексте и ближайшего окружения. К таким приемам исследователи относят метафору, аллюзию, перифраз, иронию, сарказм и некоторые другие. Свойство этих стилистических приемов создавать подтекст объясняется взаимодействием двух планов содержания. Рассматривая функционирование вышеперечисленных приемов в художественной литературе, следует учитывать то, что все они могут использоваться как средства создания иносказательности в широком смысле. Многие литературоведы, в частности С.И. Кормилов, справедливо считают также, что в современной литературе, например, иносказательность стала намного сложнее, чем, скажем, в период становления тропов⁷.

Понятие речевого жанра (далее – РЖ) приобретает все большую популярность в филологии. Как справедливо отмечает Т.В. Шмелева⁸, этому способствует тот факт, что интуитивно РЖ – довольно ясное понятие. Это впечатление подкрепляется имеющимся почти у всех носителей языка опытом обращения с жанрами художественной речи. Т.В. Шмелева отмечает, что в сознании пишущих обычно присутствует некий ОБРАЗ ЖАНРА, однако предостерегает, что интуитивная очевидность понятия РЖ является иллюзорной. Существующие подходы к проблеме РЖ эта исследовательница обозначает как ЛЕКСИЧЕСКИЙ, который предполагает обращение к именам жанров и толкование их семантики; СТИЛИСТИЧЕСКИЙ, который согласуется с традициями литературоведения и предполагает анализ текстов с точки зрения их жанровой природы, включая композицию, отбор специфической лексики и т.п.; и РЕЧЕВЕДЧЕСКИЙ, обращенный к РЖ как феномену речи и в максимальной степени соответствующий идеям М.М. Бахтина и исходящий из того, что РЖ – это особая МОДЕЛЬ высказывания, из чего следует, что необходимо исследование его в двух направлениях: исчисление моделей и изучение их воплощения в различных речевых ситуациях.

Одной из трудностей при выделении РЖ является определение критериев, на которых может быть основана их классификация. В статье [Дементьев 1999] описывается, каким образом методика компонентного анализа получила новое развитие в работах, посвященных РЖ (в частности, в вышеупомянутой работе Т.В. Шмелевой), в которых в качестве модели их описания и систематизации предлагается «анкета» речевого жанра. Эта анкета включает семь пунктов: «коммуникативная цель жан-

ра»; «концепция автора»; «концепция адресата»; «событийное содержание»; «фактор коммуникативного прошлого»; «фактор коммуникативного будущего» и «языковое воплощение».

Таким образом, если воспользоваться лексическим подходом к изучению жанров, то необходимо прежде всего рассмотреть названия разновидностей саркастических высказываний, которые есть в английском языке. Исходя из его довольно богатых лексических ресурсов в этой семантической сфере, можно назвать отнюдь не полный список следующих существительных для обозначения различных видов шуточных высказываний с ядовитой подоплекой: **barb** (жало, колкость; стрела (остроумия и т.п.)); **chaff** (подшучивание, поддразнивание); *книжн.* **contumely** (оскорбление (действием или словом); дерзость); *разг.* **crack** (остроумная реплика, саркастическое замечание); **derision** (высмеивание, осмеяние); *разг.* **dig** (издевка, колкость, шпилька; наскок); **double entendre** (двойной смысл, двусмысленность; двусмысленное слово или выражение, двусмысленность); **gibe** (насмешка, колкость); **innuendo** (косвенный намек; инсинуация, выпад); **insinuation** (инсинуация, намек, порочащее измышление; выпад); **jeer** (презрительная насмешка, колкость, язвительное замечание; глумление, осмеяние); **mockery** (осмеяние, издевательство; насмешка, пародия; посмешище); **quip** (саркастическое замечание, колкость); **rejoinder** (ответ, возражение; ответ на критику); **repartee** (остроумный ответ; находчивость, остроумие); **retort** (возражение, резкий ответ; находчивый ответ, остроумная реплика); **ridicule** (осмеяние, насмешка; *редк.* предмет насмешек, посмешище; смехотворность); **riposte** (ответный укол или удар (фехтование)); находчивый ответ; ответная мера; \cong удар на удар); **sally** (остроумное, саркастическое замечание; эпиграмма); **scoff** (насмешка, издевка, глумление, сарказм; посмешище, предмет насмешек и глумления); **sneer** (презрительная усмешка, ухмылка; насмешка, глумление, издевательство); **taunt** (ядовитая насмешка; колкость; *уст.* предмет насмешек); **twit** (упрек, попрек; насмешка, язвительное замечание и пр.); *разг.* **wisecrack** (острота, шутка; шпилька, саркастическое замечание). Для большинства перечисленных существительных есть соответствующие глаголы.

Кроме того, существуют фразовые глаголы следующего типа: *разг.* **take off** (передразнивать (чью-либо речь или манеры), подражать юмористически) с синонимами **to have (sb, sth) off**, **hit off** и соответствующим существительным **take-off** (подражание, карикатура); глагол **send up** (высмеивать, разыгрывать (*кого-л.*)); пародировать, изображать сатирически), опять-таки с соответствующим существительным – *разг.* **send-up** (розыгрыш; насмешка, издевательство; пародия; сатира); глагол **run down** (плохо, пренебрежительно отзываться (*о ком-л.*)); третировать (*кого-л.*) с синонимами **cry down**, **do down**; глагол **put down** (*разг.* ос-

меивать, издеваться; осуждать; критиковать; *разг.* одергивать, осаждать, сбивать спесь) с соответствующим существительным – *разг.* **put-down** (резкое замечание; грубый ответ; оскорбительное отношение; поступок, имеющий целью сконфузить, унизить или поставить на место) и его контекстуальные разговорные вариации типа **knock down**; глагол **put on** (*разг.* подшучивать (*над кем-л.*); ставить (*кого-л.*) в смешное положение) с соответствующим существительным **put-on** (пародия, издевательство, карикатурное изображение; глупая шутка; розыгрыш). Фразовые глаголы особенно важны в современном английском языке, поскольку принадлежат к наиболее идиоматичному, чаще всего употребляемому слою английской лексики, ибо они включают в себя исконные англосаксонские элементы – в отличие, скажем, от *ridicule* и *deride*, которые заимствованы из французского и латыни соответственно, появились в языке гораздо позже и вследствие этого менее широко употребительны.

Несмотря на то, что лексические средства языка представляют из себя дискретные единицы, однозначно и недвусмысленно называющие различные виды и типы юмористических и саркастических высказываний, тем не менее строгая категоризация, жесткое разделение и разграничение различных видов юмора едва ли осуществимо и, возможно, даже навряд ли является оправданным, поскольку они, вероятнее всего, не представляют собой строго взаимоисключающие понятия, а скорее, как предлагает считать М. Минский, представляют собой “сетевидную” модель, слегка отличающуюся от аналогичных моделей у других людей: “Юмор, подобно играм, стоит на службе многих потребностей и затрагивает различные механизмы. У юмора нет четких естественных границ, поскольку лежащие в его основе явления сами перекрываются и взаимодействуют друг с другом”¹⁰. И следующее его высказывание: “Впрочем, может быть, вообще бесполезно требовать *точного* ответа на вопрос, что такое юмор. Здесь нам как раз могут оказаться полезными взгляды Кожибского: слово “юмор” вовсе не указывает на какую-то реальную вещь. Скорее, оно указывает на имеющуюся у каждого человека мыслительную “сетевидную” модель, слегка отличающуюся от аналогичных моделей у других людей. Каждый из нас понимает и использует это слово немного по-разному – подобно тому, как каждый из нас смеется над различными шутками”¹¹.

К вышесказанному можно добавить мнение М.Р. Желтухиной, которая рассматривает различные взгляды на объем и содержание категории комического¹². Соглашаясь с М. Минским, она высказывает мнение о том, что у комического нет четких естественных границ, так как лежащие в его основе явления перекрываются и взаимодействуют друг с другом. Она подчеркивает, что при изучении взглядов на иронию и сарказм бросается в глаза то, что исследователи намного более едино-

душны в отношении иронии, демонстрируя гораздо больший разброс мнений в том, что касается сарказма. Эта исследовательница также справедливо отмечает, что при изучении комического часто смешиваются его виды (юмор, ирония, сатира, сарказм), жанры комического (шутка, эпиграмма, памфлет, карикатура, пародия), приемы создания комического эффекта (импровизация, игра слов, олицетворение, смеховая ошибка, опечатка и др.) и качества говорящего (остроумие, сардоническое).

Приняв во внимание взгляды данных авторитетных специалистов, попытаемся посмотреть на приведенный список существительных, обозначающих шуточные высказывания с саркастическим компонентом. Обнаруживается, что некоторые из приведенных лексических единиц весьма легко сводятся в синонимические ряды. Таким образом, в предварительном порядке можно выделить наиболее легко поддающиеся вычленению жанры саркастических высказываний, сгруппировав такие синонимы, как: 1) **rejoinder, repartee, retort, riposte** (находчивый или резкий ответ, остроумная реплика, возражение; ответный укол) – «реактивные» высказывания, так как они являются реакцией на предшествующее высказывание; 2) **innuendo, insinuation** (инсинуация, косвенный намек, порочащее измышление; выпад); 3) **barb, crack, dig, gibe, quip, sally, taunt, twit, wisecrack** (острота, шутка, издевка, насмешка, колкость, шпилька, наскок; остроумная реплика, саркастическое замечание); 4) **derision, mockery, ridicule** (высмеивание, осмеяние; издевательство; насмешка). Кроме того, естественно, существуют литературные жанры в собственном смысле этого слова, такие, как эпиграмма, эпитафия и афоризм, в которых достаточно часто (особенно в первых двух) присутствует саркастический компонент.

Для более четкого разграничения иронии и сарказма полезно изучить материалы словаря синонимов. В частности, если взять один из самых авторитетных словарей синонимов – Webster's New Dictionary of Synonyms¹³ – то можно обнаружить подробную, хорошо проиллюстрированную статью, содержащую слова wit, humour, irony, sarcasm, satire, repartee. Про сарказм в ней сказано:

Sarcasm applies to a savage, bitter form of humour intended to cut or wound. Sarcasm need not imply the use of verbal irony, sometimes suggesting no more than plain speaking, but it regularly implies as its aim the intent to make the victim an object of ridicule < ...in the intercourse of familiar life, he indulged his disposition to petulance and *sarcasm*... – Johnson > < ...the arrows of *sarcasm* are barbed with contempt... – Gladden>¹⁴

В том описании иронии, однако, которое дает Том МакАртур в соответствующей статье в своем словаре английского языка¹⁵, ирония и

сарказм выглядят как довольно близкие явления, которые легко переходят одно в другое:

Irony. 1. In rhetoric, words with an implication opposite to their usual meaning. Ironic comment may be humorous or mildly sarcastic, as for example when, at a difficult moment, an act of kindness makes things worse, and someone says, 'Well, that's *a lot* better, isn't it?' Expressions *heavy with irony* are often used to drive a point home: 'I'm really looking forward to seeing him, *I don't think*'; 'You are pleased to see me? *Pull the other leg /one (it's got bells on)*.' In such usages, irony slides onto sarcasm. ¹⁶

Если же возвратиться к специфически английским способам выражения оценки, осуждения и т.п. и их лексическому выражению, то необходимо также упомянуть словосочетания типа *damning with feint praise* (осуждение, порицание при помощи притворной похвалы). Эта фраза представляется весьма значащей для английской культуры. О явлении, которое она обозначает, говорит, например, знаменитый английский фонетист Дж. Д. О'Коннор в своем курсе английской интонации при обсуждении функций нисходяще-восходящего тона в английском языке.

В качестве одного из примеров берется предложение *She's quite pretty* (Она довольно мила), в котором слово *pretty* произносится с нисходяще-восходящим тоном. О'Коннор объясняет, что это не комплимент, хотя может показаться, что слова подразумевают именно это. Нисходяще-восходящая интонация в данном случае выражает отчетливую оговорку, сдержанное суждение со стороны говорящего, подчеркивает О'Коннор. Получается так, как если бы говорящий продолжил свою речь и сказал нечто вроде «...но она мне не нравится». Эти слова нет необходимости произносить, говорит фонетист, потому что интонационное оформление отчетливо выражает именно эту мысль. Обращаясь к изучающим язык, фонетист говорит о том, что им необходимо четко осознать, что этот подтекст, скрытый смысл (*these implications*) выражается данной интонационной конструкцией совершенно недвусмысленно.

Таким образом, становится понятно, что функционирование сарказма в английском языке можно наблюдать, только если учитывать все компоненты высказывания в их совокупности и взаимодействии: в зависимости от (зачастую мельчайших) нюансов интонационного оформления, лексического состава или контекстуальных параметров, например, можно говорить либо об ироническом, либо о саркастическом высказывании.

Если вернуться к вопросам «анкеты» РЖ, то ответы могут оказаться следующими. При определении КОММУНИКАТИВНОЙ ЦЕЛИ ЖАНРА важно отметить, что все справочные источники единодушны в том,

что подчеркивают стремление человека, говорящего саркастически, причинить боль или ранить собеседника, его намерение сделать свою жертву предметом насмешки, унижить противника, издевательски выразить злую иронию, сконфузить, поставить собеседника на место, поставить человека в смешное положение и т. п. Саркастические высказывания с легкостью могут подорвать самоуверенность, умерить самодовольство и сбить спесь с того, кому они адресованы.

КОНЦЕПЦИЯ АВТОРА саркастического высказывания – это очень непростой вопрос, полноценно ответить на который, наверное, можно только, если провести отдельное самостоятельное исследование. Кратко выражая основные моменты, можно сказать, что говорящий саркастически чаще всего занимает позицию морального превосходства, и его высказывание, как правило, обращено на собеседника (КОНЦЕПЦИЯ АДРЕСАТА), который либо в силу нехватки «языковой изощренности», либо из-за подчиненного статуса, или в силу своей зависимости от собеседника (ребенок в разговоре с родителем, ученик в разговоре с учителем, прохожий и полицейский и т.п.) не может, не умеет, не хочет или опасается дать резкий ответ. В английской культуре всегда приветствуется умеренность и отстраненность, с одной стороны, и существует табу на слишком искреннее выражение эмоций, с другой, что и является предпосылкой любви англичан к саркастическим высказываниям, в том числе и таким, которые, как можно видеть из примеров, весьма оскорбительны.

Если продолжить рассмотрение параметров, составляющих КОНЦЕПЦИЮ АДРЕСАТА, то необходимо отметить следующее: по английским понятиям то, что объект оскорбления не понимает, что над ним издеваются, только добавляет пикантности таким ситуациям. Для говорящего прелесть иронии (и сарказма, в который она может легко трансформироваться, как мы уже имели возможность удостовериться) как раз состоит в том, что те, на кого она направлена, зачастую не чувствуют ее или испытывают двойственные чувства по поводу данного иронического высказывания, не будучи уверены, что ирония подразумевалась. Отсюда необходимость сохранять нейтральное выражение лица, и как можно более ровный (т.е. опять-таки нейтральный) тон голоса.

Как можно будет увидеть ниже, СОБЫТИЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ саркастического высказывания, как правило, представляет собой эпизод светской жизни в частности или социальной жизни в более широком плане. Как видно из многих примеров, для британцев важным фактором является возможность безнаказанно посмеяться над собеседником, посмеяться как бы «в рукав». Это то, что британцы называют 'tongue in cheek' – выражение, которое в функции прилагательного (определения) синонимично слову «иронический» (ironic) или «хитро, скрытно, лице-

мерно, а также тайно или коварно юмористический» (slyly humorous), а в функции наречия (обстоятельства образа действия) можно перевести как «неискренне или иронически» (insincerely or ironically). Когда говорящий (КОНЦЕПЦИЯ АВТОРА) высказывается 'with his tongue in cheek', его собеседник может и не заметить иронию и не станет применять против него никаких санкций (в широком смысле этого слова). Таким образом, ирония и сарказм оказываются социально приемлемым способом канализировать отрицательные эмоции, дать волю своим агрессивным импульсам. Важным фактором является также то, что говорящий может считать себя умнее, если ему удастся высмеять собеседника (КОНЦЕПЦИЯ АДРЕСАТА) так, что тот этого не замечает, т.е. ирония также является способом демонстрации самому себе своего интеллектуального превосходства над собеседником. Существенным моментом, таким образом, является своеобразная «многослойность» иронических высказываний. С одной стороны, есть внешняя серьезность и искренность, с другой стороны, за этой внешней серьезностью и искренностью могут скрываться насмешка, осуждение или отрицательное суждение о собеседнике (т.е. в таких ситуациях будут присутствовать псевдосерьезность и псевдоискренность). Но этот скрытый или тайный характер английской иронии позволяет сохранять гармоничную социальную обстановку. Благодаря иронии говорящий может сохранять светский «лоск» и уравновешенность – poise, что является очень важным понятием для социального, светского общения в рамках не только британской, но и американской культуры.

Вышеприведенные соображения, как представляется, объясняют как ФАКТОР КОММУНИКАТИВНОГО ПРОШЛОГО, так и ФАКТОР КОММУНИКАТИВНОГО БУДУЩЕГО: ирония и сарказм позволяют сохранять гармоничную социальную обстановку, позволяют говорящему сохранять светский «лоск» и уравновешенность (poise). Табу на чрезмерную искренность речи и традиция косвенного выражения недовольства, раздражения и прочих отрицательных эмоций могут быть причиной того, что носители британской разновидности английского языка склонны часто выступать в роли авторов саркастических высказываний.

Как можно увидеть ниже, ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ – это и есть то, что мы назвали жанрами саркастических высказываний: псевдокомплимент (или псевдопохвала), инсинуация, скрытое оскорбление, находчивый резкий ответ (или ответный укол), псевдооговорка и пр. ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ также может подразумевать различные приемы создания комического эффекта: импровизацию, игру слов, олицетворение, смеховую ошибку, опечатку и др.

Так, в качестве примера жанра осуждения при помощи притворной похвалы (можно дать этому жанру название «якобы комплимента», или псевдокомплимента) будет уместно привести пример из Словаря оскорбительных высказываний. Рассказ так и называется – *Damning with Feint Praise*. В нем рассказывается о том, как великий английский режиссер XIX века сэр Генри Ирвинг, прославившийся своими постановками Шекспира, навестил американского актера Ричарда Мэнсфилда сразу же после его выступления в роли короля Ричарда III в одноименной пьесе Шекспира. Сэр Генри, который никогда до этого не видел игры Ричарда Мэнсфилда, нашел его в костюмерной, обливающегося потом после напряженной работы на сцене. Похлопав его по плечу, Ирвинг сказал: «Ну, Дик, дружище! Вижу, что кожа твоя исполняет свою роль (ведет себя) отлично»¹⁷. Притворное добродушие (т.е. псевдолюбезность и псевдодобродушие), фразы, которые только кажутся комплиментами (псевдокомплименты) – это довольно распространенные черты саркастических высказываний такого рода. В данной ситуации понятно, что оценка великим режиссером игры американского актера была уничижительной, раз он не нашел ничего лучше, как пошутить по поводу его кожи, которая якобы прекрасно исполняла свою роль (играла, вела себя, действовала – *acted*) у этого актера. Таким образом, замалчивание того предмета, высказывания о котором ожидают слушатели (естественно, любой актер небезразличен к оценке своей игры великим режиссером, особенно сразу после окончания спектакля), также может быть сильнейшим приемом, выражающим оценку.

К жанру псевдопохвалы или псевдокомплимента принадлежат и следующие реплики в историях из жизни Дугласа Джеррольда (1803 – 1857) – английского драматурга, автора комедий, а также юмористических заметок в журнале «Панч». В день премьеры одной из его пьес некий опытный и преуспевающий драматург стал поддразнивать Джеррольда, поскольку он очень нервничал. «Вот я», – сказал он, – «никогда не нервничаю в день премьеры». «Ну, дружище», – ответил ему Джеррольд, – «уж Вы-то всегда можете рассчитывать на успех. Все Ваши произведения уже испытывались раньше». В другой истории рассказывается, как Джеррольд, беседуя со своим другом о некоем общем знакомом, сказал: «Он добрый человек». Друг возразил: «Ничего себе, он уже много лет не живет со своей семьей и ни разу не послал им ни фартинга. Вы это называете добротой?» «Да, именно это», – ответил Джеррольд. «Беспременной, неослабевающей добротой»¹⁸. В первом рассказе издевательское критическое замечание, замаскированное под комплимент и характеризующееся, в частности, нарочитой скромностью, намекает на то, что произведения преуспевающего драматурга – собеседника Джеррольда состоят из избитых мыслей и хорошо знакомых шуток. Вполне

обоснованно также отнести данную ремарку к категории *innuendo* или *insinuation*, что еще раз показывает справедливость наблюдения о том, что между речевыми жанрами такого рода нет жестких границ, а скорее наблюдаются частичное совпадение и переходы друг в друга. Во втором случае возможны несколько толкований, одно из которых следующее: Джеррольд вовсе не считал этого знакомого добрым, а как раз наоборот, но в результате воспринимал как проявление доброты с его стороны то, что он избавлял свою семью от необходимости общаться с ним. Именно это свое отношение Джеррольд и выразил в приведенной саркастической реплике. Здесь, как и в предыдущих примерах, также можно говорить о притворной искренности (псевдоискренности) и добродушии (псевдодобродушии).

Речевой жанр *innuendo* или *insinuation* (инсинуация, порочащее измышление) также широко представлен в сборниках юмористических цитат. Во время легендарной встречи между Марго Асквит, женой премьер-министра Великобритании от Лейбористской партии, и известной актрисой Джин Харлоу произошел следующий обмен репликами: “Маргот, как мне приятно тебя видеть,” – сказала актриса, подчеркнуто произнеся согласный ‘т’ в конце имени супруги пэра. “Нет, дорогая,” – ледяным тоном сказала ей леди Асквит, “буква *t* немая, она не произносится, как в слове Харлоу.”¹⁹ Косвенный намек леди Асквит основан на звуковом подобии между именем Harlow и словом harlot (*суиц.* проститутка, шлюха; *прил.* распутный, непристойный; низкий; похотливый). На этом примере опять-таки можно наблюдать взаимные переходы и частичное совпадение речевых жанров – в данном случае это жанры *innuendo* или *insinuation*, с одной стороны, и *veiled insult* (скрытое оскорбление), с другой.

Выпады и намеки подобного рода легко запоминаются вследствие своей броскости и косвенного (иронического или саркастического) характера. Средства массовой информации любят давать публике порочащие измышления (при этом не выраженные прямо, дабы не навлечь на себя судебный процесс со стороны жертвы такого вымысла), которые благодаря своей нездоровой сенсационности делают их популярными среди определенных кругов читателей, поэтому колкости и выпады одной знаменитости против другой часто тиражируются в огромных масштабах. Так, широко известно то, что принцесса Диана однажды сказала про Камиллу Паркер-Боулз: «Она запросто сменит галифе на вечернее платье, миновав ванную»²⁰. Это высказывание, растиражированное популярной прессой, определенно принадлежит к категории *innuendo* или *insinuation*. Достаточно очевидно, что у принцессы Дианы не могло быть информации о гигиенических привычках ее соперницы Камиллы Паркер-Боулз, это был ее домысел, использованный как инст-

румент в ее пиаровской войне против супруга. Вместе с тем, порочащий намек такого рода, поскольку он очень прост в смысловом отношении (“Эта женщина неопрятна”) и относится к известной личности, понятен и легко запоминается. Точно так же широко известно, что принцесса Диана во всеуслышание называла Камиллу Ротвейлером²¹. В наши дни, когда такое широкое распространение получили психологические, информационные, пиаровские, рекламные и прочие войны, приемы такого рода оказываются одним из важных средств их ведения.

Вновь обращаясь к лексическим ресурсам английского языка, передающим идею иронического, саркастического и т.п., интересно отметить также, что существуют существительные типа *bitchiness* – злобность; злобность; вредность (характера); стервозность (благодатная тема для феминистов, потому что соответствующих слов, производных от названия мужских особей, в языке нет), от глагола *bitch about*, означающего «критиковать, судить, осуждать, придирается, нападать» и пр. Синоним этого слова *bitchery* используется для обозначения самого процесса, когда говорящий высказывает ядовитые, колкие, резкие замечания, слова, мысли и т.п. Именно этим словом (автор употребляет выражение *sheer bitchiness*) обозначено отношение знаменитой голливудской актрисы Бет Дэвис к молоденькой старлетке в следующем рассказе, встречающемся в нескольких сборниках юмористических цитат: однажды вечером Бет Дэвис сидела в ресторане, тихо кипит от злости из-за того, что за одним из соседних столиков расположилась молоденькая старлетка, которой все уделяли массу внимания. Когда она и группа ее поклонников собрались уходить, взоры всех посетителей ресторана устремились на нее и провожали ее до самых дверей. Однако в тот самый момент, когда она величественно выплывала из ресторана, Бет Дэвис очень громко сказала одному из своих спутников: «Вон пошло чудное развлечение, которое поимели все»²². Как видим, и данная реплика может быть отнесена как к категории инсинуации, так и к категории скрытого оскорбления.

Достаточно легко найти примеры для жанра речи, который мы обозначили как **rejoinder**, **repartee**, **retort**, **riposte** (находчивый или резкий ответ, остроумная реплика, возражение; ответный укол). История английской литературы полна рассказов об остроумных репликах, которые моментально слетали с уст Оскара Уайльда, Бернарда Шоу и других известных писателей. История английской светской жизни также полна рассказами о известных остроумцах и острословах, которые в совершенстве владели мастерством остроумной ответной реплики. Так, знаменитый ученый-классик XIX века доктор У.Х. Томпсон был знаменит своими саркастическими репликами почти так же, как и тем, что он великолепно владел мудростью древних. Собрату-историку, который

утомленно пожаловался ему на то, что у него так много книг, что он не знает, что с ними делать, он посоветовал: «А почему бы Вам не попробовать прочесть некоторые из них?»²³ В данном высказывании можно отчетливо видеть проявление псевдозаботы о собеседнике, псевдоискренности и псевдонаивности со стороны говорящего, что позволяет отнести данную реплику к категории сократовской иронии.

В другом рассказе говорится о том, как лорда Ашбертона, «излагавшего букву закона» присяжным заседателям во время слушания одного из дел, которые он вел, перебил лорд Мэнсфилд, который воскликнул: «Если это закон, тогда я отправлюсь домой и сожгу свои книги по юриспруденции!» «Ваша честь», – ответил ему оппонент, – «Вам лучше пойти домой и почитать их»²⁴. В данном высказывании можно опять-таки наблюдать псевдонаивность говорящего, сопровождающуюся псевдозаботой о собеседнике, однако в нем наблюдаются и черты скрытого оскорбления, и черты инсинуации (порочащего измышления). Еще одна история: «Я никогда не хожу в церковь», – похвастался некий местный помещик епископу Даремскому. «Вы, может быть, заметили это, епископ?» «Да, заметил», – ответил епископ. «Я не хожу в церковь, потому что туда ходят так много лицемеров», – продолжал помещик. «Вам не следует воздерживаться из-за них», – успокоил его епископ. «В церкви всегда найдется место еще для одного»²⁵.

Если обратиться к межкультурной коммуникации, то придется отметить, что коммуникативные неудачи (непонимание, недопонимание и неправильное понимание между собеседниками) довольно часто встречаются в общении между людьми, принадлежащими к разным культурам, когда один из них говорит на родном языке, а для другого участника этот язык является иностранным. Понятно, что жизненный опыт, языковые привычки, стереотипы поведения и восприятия речи, традиционно передаваемые из поколения в поколение взгляды, система ценностей, отношение к тем или иным национальностям и носителям определенных культур и т. п. будут в значительной степени разными. Если можно так выразиться, языковая «этика» и, разумеется, языковой этикет у представителей разных языков неизбежно различны. Часто оказывается, что восприятие иностранцем своей речи чуть ли не диаметрально противоположно тому, как воспринимают его речь естественные носители языка. Однако правила вежливости требуют соблюдать цивилизованные нормы поведения, и раздражение и прочие отрицательные эмоции находят выход в иронии и сарказме.

В идеале, контакты между представителями разных языков и культур могут быть полноценными только в том случае, если участники коммуникации в состоянии понять не только **прямое, непосредственное** содержание того, что они слышат от собеседника, но и вос-

принять **подразумеваемое** содержание. В случае с иностранными учащимися, которые не очень хорошо владеют английским, шутки могут быть не обязательно утонченными и безобидными, а скорее похожими на «лучшие» образцы «колониального» юмора.

Например, за обедом в английской школе для иностранных бизнесменов, на котором присутствовали студенты этой школы – представители деловых кругов Италии, Германии и других стран, а также студентка из Японии, хозяйка школы, сидящая рядом с японкой, сказала: 'We once had a Japanoïd...' и тут же поправилась: '...a Japanese boy staying with us...' Поскольку хозяйка мгновенно исправила свою ошибку, формально упрекнуть ее было не за что – то, что она сказала, выглядело как типичная оговорка, обусловленная опережающим произнесением дифтонга [ɔɪ], содержащегося в слове boy. Однако каждому знающему суффикс -oid совершенно ясно, что слова с этим суффиксом могут иметь резко отрицательное значение: **humanoid**, **Stalinoïd**, **schizoïd**, **paranoïd**, **Mongoloïd** и т.п. (хотя, конечно, есть и слова с нейтральным значением типа **asteroïd**, **rhomboid**, **thyroid**). Хотя выражение лица этой дамы в момент оговорки было милым и любезным, при внимательном взгляде на ситуацию становится понятно, что, по-видимому, это все-таки были псевдовежливость и псевдолюбезность.

Данная «шутка» выражена при помощи достаточно простого морфологического средства – замены одного суффикса на другой. Точно таким же образом можно создать массу «шутливых» наименований: наряду с «японоидом» можно использовать столь же ядовитое слово «англосаксоид», например. Похожая и, к счастью, незлобная шутка получается по-русски присоединением «неположенного» суффикса, например, в словах «французцы», «англичанцы» и т. п. Понятно, что в описанной шутке слово Japanoïd несет отчетливо выраженный пренебрежительный оттенок значения, и насмешка получается злой и унижительной. Хотя Япония никогда не была колонией Англии, такого рода шутку можно с полным правом отнести к разряду «колониального» юмора. С точки зрения теории речевых жанров в данном случае можно, по-видимому, говорить о жанре «якобы оговорки» (т.е. «нечаянной» («непреднамеренной») оговорки), или псевдооговорки.

Если исходить из оппозиции «явно выраженное коммуникативное намерение говорящего» – «скрытое коммуникативное намерение говорящего», то слово «японоид» в вышеупомянутом контексте можно отнести к категории veiled insult (замаскированное, завуалированное оскорбление). Как очевидец ситуации, могу подтвердить, что японская студентка не поняла оскорбления. В социальном общении англичан высоко ценится умение использовать скрытые оскорбления такого рода, психологические выгоды которых довольно очевидны: в безнаказанном

оскорблении есть своя прелесть, когда (скажем, по причине неадекватного знания языка, как в случае с японкой) невозможно уличить оскорбляющего, невозможно схватить его за руку. Да и что можно инкриминировать этой даме – нечаянную оговорку?

Еще одна сторона психологической выгоды скрытого оскорбления для его автора – это то, что говорящий, так изощренно оскорбивший собеседника, считает себя умнее его. Само сочетание слов *veiled insult* – это довольно распространенное выражение, узуальное словосочетание, поэтому можно с некоторой долей обоснованности выделить оскорбления такого рода в особый подкласс высказываний, который можно обозначить как речевой жанр, проявление своего рода языковой игры. В словарях объясняется также выражение *veiled sneer* – замаскированное издевательство.

Здесь можно провести параллель с тем, что русские называют «кукиш (или фи́га) в кармане», хотя для русской культуры «кукиш в кармане» представляется менее распространенным явлением, чем *'veiled insult'* для британской. Тем не менее, нужно сказать, что русские тоже иногда умеют использовать потенциальные возможности нанести скрытое оскорбление. Как пример вспоминается ситуация, когда в англо-русском смешанном браке родилась дочка. Поскольку это происходило в Москве, девочке выдали свидетельство о рождении в российском загсе. Должна признаться, что не помню фамилии, зато помню имя и отчество. Поскольку отца девочки звали Hugh (Хью), работники московского загса так и написали: Анна Хьюевна. В метрике можно было бы написать другой вариант отчества – Hugh является менее формальным или более фамильярным вариантом имени Hugo, поэтому можно было бы, наверное, написать хотя бы Гуговна (хотя нужно признать, что и этот вариант отчества не очень приятен для русского слуха). Известно, что существуют правила благозвучия, которые учитываются при переводе иностранных названий и имен на русский язык (например, знаменитая своими чаями китайская провинция только в последнее время, когда переводы, по-видимому, выполняются не очень квалифицированными переводчиками, стала иногда писаться как Хунань – до этого ее всегда писали как Юнань). Во всяком случае, вполне можно понять родителей, которые почувствовали себя оскорбленными, получив такой документ. Здесь, как представляется, тоже можно наблюдать такие характеристики саркастического высказывания, как псевдовежливость и псевдоофициальность.

Разумеется, встречаются и случаи ненамеренного скрытого оскорбления: ужина с королем Георгом V, некий член кабинета министров отклонил предложенную сигару, сказав: «Нет, спасибо, я курю только в особых случаях»²⁶.

Интересно отметить, что можно обнаружить не только множество языковых материалов, подтверждающих, что «показывание фи́ги в кармане» – это один из излюбленных приемов англосаксов, но также и исторические факты, свидетельствующие о преемственности и о некоторой традиционности англичан в этом вопросе. Можно взять следующий пример: Даниель Дефо, который – так же, как и Джонатан Свифт – был склонен к иронии, однажды написал памфлет под названием «Как проще всего разобраться с диссидентами» (The Shortest Way with the Dissenters), в котором «искренне и серьезно» утверждал, что тех, кто не принадлежит к англиканской церкви, следует подвергать повешению (сам Дефо, естественно, тоже не принадлежал к англиканской церкви). Многие восприняли этот памфлет всерьез, но, когда власти, наконец, поняли, что над ними насмеются, Дефо посадили в тюрьму²⁷. Дефо вообще, как прекрасно известно из его романов, блестяще владел этим приемом – притворно поддерживать серьезный вид (straight-faced pretence) человека, повествующего о реально случившихся с ним событиях, когда на самом деле то, что он рассказывает, это всего лишь его вымысел.

Следует учесть, что многие авторы, пишущие об английской культуре, подчеркивают особый характер английского юмора²⁸. Пишут также о том, что юмор пронизывает всю социальную жизнь англичан; например, социальный антрополог Кейт Фокс утверждает, что более тонкие формы юмора, такие, как остроты, иронические замечания, недомолвки или сдержанные высказывания, подшучивание, подтрунивание, поддразнивание, уколы, направленные против помпезности и прочих недостатков товарищей по работе, являются неотъемлемой частью атмосферы на практически любом рабочем месте²⁹. Разумеется, очень интересно рассмотреть типичные для англичан стереотипы, устойчивые формы речи и речевого поведения. Вполне может оказаться, что, познакомившись с хоть и довольно тонким, однако зачастую совершенно безжалостным юмором разного рода, который пронизывает всю их социальную жизнь, мы научимся более снисходительно относиться и к выпадам против представителей разных наций, дающим основание говорить об их печально известной ксенофобии, и к выпадам, в частности, против русских, которые иногда кажутся столь обидными, несправедливыми и незаслуженными.

Если посмотреть на саркастические высказывания с точки зрения их соотносительности с речевым этикетом, то немаловажным кажется следующий фактор: некоторые исследователи проявлений вежливости в различных культурах считают, что русские критикуют и вмешиваются гораздо чаще, чем носители других языков, например английского³⁰. Может быть, английский юмор – это способ выразить свое отношение,

не вмешиваясь и не критикуя (вернее, критикуя только косвенным образом)?

Примечания

1. Любопытно было бы, например, понять, что подразумевает следующая мораль старинной ирландской сказки: “В старину говорили: Трех вещей опасайся: копыт лошади, рогов быка и улыбки англичанина.” Интересно, почему улыбки англичанина следует опасаться? Что в ней есть такого пугающего, что ее можно даже сравнить с копытами лошади и рогами быка? См. кн.: Сказки народов мира. М.: Детская литература, 1985. С. 371.
2. См., напр.: Жанры речи. Саратов, 1997; *Дементьев В.В.* Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // ВЯ, 1997, № 1. С. 109-121; *Дементьев В.В.* Фатические речевые жанры // ВЯ, 1999, № 1. С. 37-55; *Дементьев В.В.* Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000; *Гольдин В.Е.* Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов, 1997. С.23-34.
3. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979, стр. 237.
4. *Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Вып. 25. Саратов, 1993.
5. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. С. 134.
6. См., напр.: *Арутюнова И.С.* Контрастивный анализ выражения иронии в британском и американском вариантах английского языка (в аспекте филологической фонетики): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002; *Брюханова Е.А.* Когнитивно-историческая обусловленность иронии и ее выражение в английском языке (на материале произведений О. Уайльда, У.С. Моэма, Дж. Барнса): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004; *Иванова О.В.* Ирония как стилеобразующее начало в романе Ф. Соллугуба «Мелкий бес»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000; *Охримович К.В.* Ирония и принцип вежливости в английском диалоге: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004; *Петрова Е.А.* Ирония как феномен культуры. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1998; *Походня С.И.* Языковые виды и средства реализации иронии. Киев, 1989; *Усманова А.И.* Синтагматические средства выражения иронии в английской литературе XIX и XX веков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995 и др.
7. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Главный редактор и составитель *А.Н. Николюкин.* Москва, 2001. Статья «Тропы».
8. *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88-98.
9. Анализ лексических средств английского языка, передающих высмеивание, насмешку см. в монографии: *Карасик В.И.* Указ. соч. С. 102-103.
10. М. Минский. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / Перев. с англ. *М. А. Дмитриевской.* Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / Составление, редакция и вступительная статья *В. В. Петрова* и *В. И. Герасимова.* М.: Прогресс, 1988. С. 298.
11. Там же. С. 300.
12. *Желтухина М.Р.* Объем и содержание категории комического // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. Сборник научных трудов. Волгоград, 2001. С. 132 – 143.
13. Webster's New Dictionary of Synonyms. 1984.
14. *Ibidem*, p. 877: «Сарказм относится главным образом к варварской, резкой (злой) форме юмора, предназначенной для того, чтобы причинять боль или ранить. Сарказм не обязательно подразумевает использование словесной иронии, иногда он не предполагает ничего иного, чем простую, незамысловатую (прямую /откровенную) речь, но он регулярно подразумевает в качестве своей цели намерение сделать свою

жертву предметом насмешки <... во взаимодействиях привычной жизни, он давал волю своей склонности к раздражительности (резким и дерзким высказываниям) и сарказму...– Джонсон>; <...стрелы сарказма покрыты колючками презрения...– Гладден.>».

15. Concise Oxford Companion to the English Language / Edited by Tom McArthur. Oxford, New York, 1998.
16. **Ирония. 1.** В риторике – слова, которые подразумевают нечто противоположное своему значению. Ироническое замечание может быть юмористическим или мягко саркастичным, как, например, когда акт проявления доброты ухудшает положение, и тут кто-нибудь говорит: ‘Well, that’s a lot better, isn’t it?’ (Ну вот это уже гораздо лучше, не так ли?) Выражения, пронизанные иронией, часто используются, чтобы донести смысл до слушающего: ‘I’m really looking forward to seeing him, I don’t think’ (странно звучащая по-русски фраза, поскольку полного аналога ей в русском языке нет – «Я действительно жду не дождусь, когда увижу его; *думаю, нет*»); ‘You’re pleased to see me? Pull the other leg/one (it’s got bells on).’ (Ты рад меня видеть? *Давай, ты будешь дурачить меня по-другому (а этот финт уже двадцать раз известен).*) В случаях такого употребления, ирония плавно перетекает («соскальзывает») в сарказм. – Concise Oxford Companion to the English Language / Edited by Tom McArthur. Oxford, New York, 1998. P. 308.
17. ‘The great nineteenth-century Shakespearean director, Sir Henry Irving, visited the American actor, Richard Mansfield, immediately after his performance as Richard III, which Irving had never seen before. He found Mansfield in his dressing-room, running with sweat after his exertions on stage, and patting him on the shoulder, Irving said: ‘Well, Dick, me boy! I see your skin acts well.’— The Dictionary of Insults. London, 1981. P. 138.
18. ‘On the first night of his first play, *Fifteen Years of a Drunken Life* (1828), a seasoned, successful playwright kidded Jerrold about his nervousness. “I,” he intoned, “never feel nervous on the first night of my pieces.” “Ah, my boy,” replied Jerrold, “you are always certain of success. Your pieces have all been tried before.” ... “He’s a kind man,” Jerrold said to a friend, speaking of a mutual acquaintance. “Why, he has been away from his family for years and never sent them a farthing,” his friend said. “You call that kindness?” “Yes, I do,” replied Jerrold. “Unremitting kindness.”— Hendrickson, Robert. The Wordsworth Book of Literary Anecdotes. Ware, Hertfordshire, 1997. P. 143.
19. ‘The legendary encounter between Margot Asquith, wife of the Liberal Prime Minister and Jean Harlow produced this notorious exchange. “Margot, how lovely to see you,” said the actress stressing the final ‘t’ in the peeress’s name. “No, dear,” Lady Asquith told her icily, “the ‘t’ is silent as in Harlow.”— The Dictionary of Insults. London, 1995. P. 52.
20. *Озеров М.* Звезды Альбиона. Встречи с неприступными знаменитостями. М., 2002. С. 17.
21. Там же. С. 20.
22. ‘Sheer bitchiness from Hollywood star Bette Davis, describing a starlet: “There goes the good time that was had by all.” ’— I Wish I’d Said That. The Greatest One-Liners, Comebacks, Put-Downs, Epitaphs, Quips, Show Stoppers and Wise Cracks of All Time. Secaucus, NJ, 1988, p. 116; ‘Bette Davis was sitting in a Hollywood restaurant one evening quietly fuming at the attention being given to a bright young starlet at a nearby table. When she, and her band of admirers got up to leave, every eye in the restaurant was focused on her and followed her to the door. However, just as she was sweeping out, Miss Davis said to one of her companions in a very loud voice: “There goes the good time that’s had by all.” ’— The Dictionary of Insults. London, 1995. P. 109.
23. ‘The famous nineteenth-century classical scholar, Dr. W.H. Thompson, became as famous for his command of sarcasm as for his mastery of ancient wisdom. To a fellow historian who remarked to him wearily that he had so many books he didn’t know what to do with

- them, Thompson replied: "Why not try reading some of them." '— The Dictionary of Insults. London, 1995. P.33.
24. 'Lord Ashburton was "stating law" to a jury during one of his cases when he was interrupted by Lord Mansfield, who exclaimed: "If that be law, I'll go home and burn my books." "My lord," replied his opponent, "you'd better go home and read them."— The Dictionary of Insults. London, 1995. P. 31.
 25. ' "I never go to church," a member of the local gentry boasted to the bishop of Durham. "Perhaps you've noticed that, Bishop?" "Yes, I have noticed that," the Bishop replied. "I don't go because there are so many hypocrites who do," the man continued. "You shouldn't let them keep you away," the Bishop assured him. "There's always room for one more." '— The Dictionary of Insults. London, 1995. P. 86.
 26. 'An example of the unintentional insult: Dining with King George V, a cabinet minister declined the offer of a cigar, saying: "No thank you, I only smoke on special occasions." '— I Wish I'd Said That! The Greatest One-liners, Comebacks, Put-downs, Epitaphs, Quips, Show Stoppers and Wise Cracks of All Time. Secaucus, New Jersey, 1988. P. 115.
 27. *Burgess Anthony*. English Literature. Harlow, Essex, 2000. P. 154.
 28. *Nickolson H.* The English Sense of Humour and Other Essays. London, 1956.
 29. *Fox K.* Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. London, 2004. P. 179.
 30. *Ратмайр Ренате*. Прагматика извинения. Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М., 2003.

Концепт «месть» в лингвокультурном аспекте

© кандидат филологических наук И. И. Чесноков, 2005

Накопленный традиционной лингвистикой опыт изучения эмоций в последнее время подвергается активному переосмыслению, открывающему широкие перспективы для исследования психического мира человека с лингвокогнитивных и лингвокультурологических позиций.

Эти позиции, в свою очередь, ориентированы на изучение проблемы концептуализации эмоций в связи с участием в этом процессе языка как феномена, способного фиксировать познавательный опыт и вводить в мир человека аксиологические (культуроносные) смыслы, детерминирующие его предметно-практическую и коммуникативную деятельность.

Так, проф. В.И. Шаховский считает: «Поскольку чувственный этап процесса когниции мира человеком и себя в нем соотносится с деятельностью его эмоционального мышления, <...> языковая система (рациональное мышление) выполняет по отношению к непрерывно конструируемому целому функцию кодирования внеязыковых концептов (в т. ч. и эмоциональных переживаний) и функцию манипулирования ими через манипулирование вербальными смыслами» [Шаховский 2002: 41].

Из данного тезиса следует, что концептуализация эмоционального опыта – процесс когнитивно-дискурсивный, затрагивающий фундаментальные основы познания мира и самопознания и опирающийся на языковые знаки, значения которых обуславливают наше отношение к предмету мысли.

А если это так, то, приступая к лингвокультурологическому описанию концепта «месть», необходимо попытаться «разорвать» языковой круг и, опираясь на данные других наук, определить, какой фрагмент глубинной психической жизни человека подвергся концептуализации и каково его «ближайшее окружение», «соседство» с другими, релевантными для его понимания психическими явлениями. Для этого представляется целесообразным обратиться к опыту изучения человека, накопленному в области психоаналитических исследований.

Конечно, психоаналитический опыт не является последней инстанцией, определяющей человеческую сущность.

Во-первых, его содержание подвержено воздействию тех сдвигов, которые происходят и будут происходить в области наук, так или иначе ориентированных на человека.

Во-вторых, наши знания о человеке черпаются не только из научных источников. Многие мы узнаем из религии, изобразительного искусства,

художественной литературы и просто повседневной жизни, а эти знания, в свою очередь, влияют на восприятие обществом научной информации. Более того, социально-культурные факторы не только опосредуют передачу обществу научной продукции, но и сами в значительной степени определяют те направления научных изысканий, которые соответствуют умонастроениям и интересам людей в данный исторический период. Последним обстоятельством (в частности – умонастроением венских буржуа конца XIX – начала XX веков) объясняется зарождение фрейдизма, положившего начало глубинным психологическим исследованиям.

Между тем, психоаналитическое понимание человеческой природы характеризуется отстраненностью от ценностной составляющей этого понятия и потому используется в качестве опоры, на которой строится предпринятое изучение диалектики генетического и этноязыкового кодов.

Известно, что сознание человека, с которым мы обычно связываем свое «Я», составляет лишь поверхностный слой его психической жизни, включающей еще и мощный пласт бессознательного. Важнейшим свойством бессознательного, согласно давним философским и научным традициям, является его энергетическая природа.

Так, З. Фрейд трактовал бессознательное как энергию пола [Фрейд 1991], К. Юнг – как изначальную психическую совокупность связей, представляющую собой поток витально-психической энергии, из которой родилась и в которую включена каждая индивидуальная душа [Юнг 1994]. На энергетическую природу психических процессов указывают и другие ученые: как психологи, так и физики [Уилсон 1999, Гроф 1999; Финкельштейн 1994, Гейзенберг 1987 и др.]. Такого же, энергетического, подхода к психическим процессам придерживаются и философы, рассматривающие бессознательное как безличную (доиндивидуальную) стихию неритмичных пульсаций-желаний, заполняющую все социальное поле, из которого черпают энергию все единичные субъекты [Deleuze, Guattari 1977].

Из общего для названных исследователей понимания энергетической природы бессознательного следует, что и взаимодействие индивида с внешней средой строится по принципу энергетического обмена.

Если импульсы-желания, исходящие от индивида и окружающего его информационного пространства, совпадают, как при совпадении двух фаз волн, то они усиливаются и находят выход вовне, обеспечивая его (индивида) нормальное существование. В случае несовпадения энергия, соответственно, не находит выхода и травмирует единый психо-физиологический организм. То же самое можно сказать и об осоз-

нанных желаниях, неудовлетворение которых ведет к аналогичным психо-физиологическим процессам и травмам.

И в первом, и во втором случаях энергия нереализованного желания может вызывать аффективное состояние (разновидность невроза), которое в обыденном сознании объективируется словом «обида».

Косвенный номинант *дуться* в значении 'обижаться' является подтверждением психоаналитической версии данного состояния. (Метафора, как известно, способна идти к цели по прямой и ухватывать суть обозначаемого, преодолевая семантические пространства формально-логических рассуждений.)

Напомним, что прямой номинант *обида*, восходящий к старославянскому глаголу «обвидети» представляет собой результат переноса имени внешнего по отношению к человеку события на мир его психики. Косвенный номинант *дуться* репрезентирует в языковом сознании психический мир человека изнутри.

Понимание обиды как аффективного состояния в данном случае не ограничивается рамками коммуникативных процессов, в которых она приравнивается к переживаемому предметно-практическому или вербальному оскорблению. Обида, как представляется, может иметь и квази-коммуникативный характер (например, *за державу обидно*), и некомуникативную природу (*В моей душе – обида, тяжесть / В моей душе – тупая боль // За то, что вот уже полгода / Я не в ладах с самим собой*. М.И. Пивоварова. Пилигрим // Газ. «Учитель». 2004, №10).

В любом случае, если травма (обида) достаточно глубока, то это приводит к изменениям в психике индивида, что, в свою очередь, проявляется в его предметно-практическом и коммуникативном поведении. При этом импульс нереализованного желания по закону сохранения и превращения энергии может устремляться в глубины подсознания («системы конденсированного опыта» по С. Грофу), вызывая различные расстройства, в том числе и астенические состояния, которые в той или иной степени поддаются терапевтическому воздействию методом катарсиса (по Й. Брейеру и З. Фрейду).

Но энергия нереализованного желания, помимо вытеснения в область подсознания, может направляться и вовне, превращаясь (как один из вариантов) в vindictive (агрессивный) тип коммуникативного поведения – месть, обеспечивающий индивиду эмоциональную разрядку и самостоятельный выход из психотравматического состояния.

Конечно, психоаналитическая интерпретация эмоциональных состояний и реакций легко поддается критике из-за отсутствия возможности измерить как количество, так и качество энергии, которой обладает индивид в определенный момент времени и которая детерминирует его поведенческие реакции.

Однако представление о том, что в организме существует некая сила, которая совместно с внешними факторами рождает vindиктивное поведение, подтверждается и иными направлениями психологических исследований: фрустрационной теорией агрессии [Berkowitz 1989], социально-интеракционистской теорией принудительных действий [Tedeschi & Felson 1994] и др.

Поэтому, несмотря на уязвимость, психоаналитический подход к изучаемому концепту представляется оправданным, так как расширяет исследовательское поле, включая в него фактор подсознательного (эмоциональную разрядку) и его диалектику с ценностно-нормативными установками культуры.

Эта диалектика, представленная в языковом сознании, и является предметом данного исследования, направленного на выявление смыслового содержания концепта «месть» в русской лингвокультуре.

Материалом исследования в рамках настоящей статьи послужили лексические и фразеологические единицы, репрезентирующие изучаемый концепт в двух векторных проекциях или скриптах, отражающих в сознании реальную или описываемую ситуацию и предписываемый ею план поведения [Демьянков 1994: 72].

Один скрипт направляет vindиктивные действия обиженного против обидчика, другой – против третьего, не имеющего отношения к конфликту, лица.

1. Первый скрипт, представленный в русском этноязыковом сознании библейской идиомой *око за око, зуб за зуб* [Исход, 21, 24], в своем зачаточном состоянии существует как общебиологическое предписание, обеспечивающее выживание индивида во внутри- и межвидовой конкурентной борьбе, а также при взаимодействии со средой обитания (см., например, [Лоренц 1994]).

Дело в том, что психофизиологическая энергетика, дифференцированная дискурсивным мышлением на обиду и месть, уходит своими корнями в эмоциональное бессознательное примитивного человека, когда перцепция и инстинктивная реакция, захватывающая весь психофизиологический организм, были связаны подобием рефлексивной дуги, когда человек действовал целостно, но не имел свободы выбора [Нойман 1998: 345].

Свобода выбирать появляется по мере развития головного мозга, в процессе которого инстинктивный рефлекс стал задерживаться сознательным вмешательством размышления и взвешивания целесообразности тех или иных социальных действий.

Однако глубинная причинно-следственная связь между обидой и местью так и остается психофизиологической основой ЗАКОНА, обеспечивающего выживание всего сообщества, – желания лица или группы

лиц, знаково оформленного и превращенного в правило для всех, неисполнение которого ведет к возмездию (коллективной мести).

Желание-правило, принятое всеми, в свою очередь, формирует у членов сообщества устойчивый архетип границы (или предела), который покоится на страхе ее нарушения и обуславливает семантические преобразования слов, связанных с представлениями о vindиктивном поведении.

Так, в русском языке складывается оппозиция слов **возмездие, мщение (отмщение)** – **месть, отмстка**, дифференцирующих в vindиктивном поведении коллективное (санкционированное обществом) и индивидуальное (спонтанное) начала.

Тут не до частной мести, когда речь идет о народном, общем отмщении.
(Тургенев. Накануне)

Vindиктивное действие, исходящее от Бога или совершаемое от имени сообщества, – возмездие, мщение (отмщение) – воспринимается как направленное на восстановление порядка, мира и согласия и расценивается как добро.

То же действие, совершенное индивидом без санкции сообщества, – месть (отмстка) – рассматривается как подрывающее его устои и определяется как зло.

Данные аксиологические факторы проявляются в семантических синтагматических связях названных слов: **возмездие, мщение (отмщение)** всегда **справедливое, заслуженное, а месть (отмстка)** – **грязная, гнусная, коварная** и т. д.

Наличие в семантических структурах членов оппозиции коннотативных компонентов противоположных оценочных знаков предопределяет возможность их использования в высказывании в качестве контекстуальных антонимов.

Я не за месть, а за справедливое возмездие. (С. Говорухин. «Месть надо подавать холодной». ОПТ, 27.02.2004.)

Такая дифференциация vindиктивного поведения, в свою очередь, детерминирована ценностно-нормативными установками христианства, дискредетирующего все виды агрессии (включая и месть) как таковые. (В культуре рода, как известно, кровная месть – обычай мстить за убитого родственника убийством одного из членов рода убийцы – является нормой.) Можно сказать, что собственно христианское (православное) понимание мести и представлено в русскоязычной научной лексикографии.

Месть – «оплата зломъ за зло, обидой за обиду, злопамятство» [СД., Т. 2: 321]; «намеренное причинение зла с целью отплатить за оскорбление, обиды и т. п.» [МАС-2, Т. 2: 258]; «намеренное причинение зла,

неприятностей с целью отплатить за оскорбление, обиду или страдания» [ТСУ, Т. 2: 194].

В других лингвокультурах «месть» определяется с нейтральных позиций, не выражающих прямых оценок в категориях добра и зла. См., для примера, дефиницию «мести», представленную в англоязычном толковом словаре: «retaliation for offence or injury; desire for this, vindictive feeling; chance to win after earlier defeat» [POD: 640] – «отплата за обиду или вред; желание этого, чувство мести; шанс одержать победу после ранее пережитого поражения» (перевод мой. – *И. Ч.*).

В такой объективной позиции англоязычного интерпретанта выражается наиболее общее отличие рационалистической английской лингвокультуры от мифологизированной и морализованной русской. Ведь «в Христианстве нет никаких “объективных законов”, если под объективностью понимать нравственно нейтральные процессы, идущие помимо борения светлого и темного начал» [Панарин 2002: 211]. А Православие долгое время господствовало в России не только в качестве общегосударственного, но и общенародного круга идей, и прежде всего – в области обобщающей и систематизирующей мысли.

Этот культурологический фактор естественным образом находит выражение и в паремиологическом фонде русского языка (*другу не дружить, а недругу не мстить; лезть да мечь дружны* и др.).

Ценностно-нормативные установки культуры, осуждающие месть как произвол личности, подводят носителя языка к необходимости эвфемизации изучаемого концепта, что обуславливает его обозначение косвенными именами из сферы экономических отношений (*отплатить, свести счеты, вернуть долг, поквитаться*), а также педагогического дискурса (*наказывать, учить (дать урок), воспитывать*).

Энантioseмические преобразования последних, вероятно, и оказываются возможными лишь потому, что существует глубинная причинно-следственная связь между нереализованным желанием (обидой) и vindиктивной поведенческой реакцией (местью). Ведь если наказ как воля, выраженная в слове, не выполняется, то он может обретать и невербальные формы, в том числе и – физического воздействия (см. гипер-гипонимические межуровневые отношения: *наказывать – спускать шкуру, задавать перцу / чесу, вправлять мозги, намылить шею* и др.) Это означает, что глагол *наказывать*, т. е. задавать адресату границы деятельности, содержит скрытую сему ‘кара’, которая и предопределяет возможность его использования в ситуации, когда заданные границы адресатом нарушены (ср. [Монич 1998]).

То же можно сказать и о глаголах / глагольных словосочетаниях *учить (проучить) / дать урок* и *воспитывать / проводить воспита-*

тельную работу, которые употребляются для обозначения различных видов виндиктивного воздействия.

Чтобы проучить Женю, к вечеру, так и не сказав сестренке ни слова, Ольга уехала в Москву. (Гайдар. Тимур и его команда).

[Он] решил дать порядочный урок своенравной актрисе. Один вечер, чуть вышла она на сцену, поднялся шум, гвалт, каждое слово ее встречали свистками и насмешками. (Дружинин. Полянка Сакс).

Использование производных лексико-семантических вариантов названных глаголов и глагольных словосочетаний вместо глагола «мстить» для обозначения данного виндиктивного действия в данной коммуникативно-прагматической ситуации оправдывает производимое действие, акцентируя внимание на его инструментальном характере и закрывая тем самым фактор подсознательного (эмоционально-энергетическую разрядку), который всегда при этом присутствует.

Показательна в этом отношении кульминационная сцена повести А.С. Пушкина «Выстрел». Комментируя представленное в этой сцене поведение Сильвио, респонденты (преподаватели старшего поколения ВГПУ) употребляют глагол *проучил*, если его одобряют, и глагол *отомсти*, если осуждают. (Возможно, что при иных профессиональных, возрастных и прочих параметрах респондентов, и результаты опроса могут быть иными.)

Здесь же важно подчеркнуть то, что выбор слова определяется не его предметной отнесенностью, а позицией интерпретанта, в языковом сознании которого оно занимает аксиологически определенное место, вступая в семантические оппозиции, отражающие общую структуру соответствующего этно- / социо- / культурного сознания.

Необходимо также иметь в виду и то, что, несмотря на ценностно-нормативные установки культуры, осуждающие месть как произвол личности, данная эмоциональная поведенческая реакция остается для индивида неизменно желанной, так как санкционирована и оправдана бессознательным. Ведь когда человек мстит, он возвращает себе отобранное обществом «право» реализовать себя как карающую силу и восстанавливает закон, заложенный в него природой. Можно сказать, что в мести – человек сам себе закон. Отсюда и сочетания слов *жажда мести, наслаждаться мстью, отвести душу*, а также *требовать удовлетворения / сатисфакции*, т. е. вызывать на дуэль, откровенно указывая на вызванный обидой внутренний (энергетический) дискомфорт.

Следует также отметить, что негативный оценочный компонент в слове «месть» остается психологически релевантным лишь до тех пор, пока деятельность людей ориентирована на установление мира внутри

сообщества, и меняет свое качество в ситуации военного типа, когда данное сообщество преобразуется в единую силу, направленную против чужого закона. Тогда индивидуальное (месть) не противоречит общественному (возмездие, отмщение), так как векторы их совпадают, а отрицательный оценочный компонент в слове «месть» меняет свой знак на противоположный (*народные мстители* – о партизанах).

2. Глубинные причинно-следственные связи между «обидой» и «местью», однако, не ограничиваются логикой «диалогического единства» и не вписываются в ветхозаветный тезис «око за око, зуб за зуб».

Коммуникативные процессы в обществе подчиняются более сложным психологическим закономерностям, согласно которым обидчик и ответчик очень часто не являются одним и тем же лицом. Такой коммуникативный крен находит свое объяснение в эволюционных процессах, связанных со становлением человеческого сознания. Дело в том, что первые проявления разума, разбивающего рефлекторную дугу, связывающую «обиду» и «месть», сводились, вероятно, к соотношению собственных сил индивида с силами противника, чем и определялась целесообразность «ответного удара». Если индивиду противостояла намного превосходящая его сила, то «удар» направлялся в наиболее безопасное, подсказанное инстинктом самосохранения, русло – на того, кто слабее. Так, собственно, и рождается второй скрипт, который в научном сознании обозначается термином «переориентированное действие» [Лоренц 1994].

Данный скрипт лежал в основе первых форм религиозного поведения, когда люди не задавались вопросом о природе насилия и преследовали чисто практическую цель – установить мир в сообществе, направив разновекторную vindиктивную агрессию его членов на объект, за которым не последовало бы ответного насилия [Girard 1972]. Таким замещающим объектом, как известно, становится жертва, а жертвоприношение как осуществляемая в заданном направлении энергетическая разрядка общества начинает выполнять миротворческую функцию.

В этом, с психоаналитической точки зрения, можно усмотреть эффект двойного дна: ритуальное действие своей внешней стороной обращено к богам, а внутренней – к разрядке либидо, в данном случае – желания убивать. Жертва, при таком подходе, также характеризуется двойственной природой: с одной стороны, сакрализуется, становится объектом всеобщего почитания, так как служит общественному благополучию (например, будущему обильному урожаю), а с другой – притягивает к себе тем, что аккумулирует агрессию сообщества без возможных vindиктивных последствий.

Тревогой сообщества за такого рода последствия можно объяснить и эволюцию жертвоприношений – от людей-членов данного сообщества

до военнопленных, рабов, животных и, наконец, бескровных жертв. Но какую бы форму ни приобретала жертва, каким бы сакральным содержанием ни наполнялась и в каких бы высоких целях ни приносилась, она всегда оказывалась платой за мир, так как освобождала сообщество, хотя и на время, от круговорота насилия [Girard 1982].

Несмотря на многовековую культурную эволюцию, данный скрипт остается психофизиологической и поведенческой константой, которая и сегодня эксплуатируется в политической и психотерапевтической практиках для снятия эмоционального напряжения общества / пациента. Для этого используются различные аккумулирующие агрессию человека эрзац-объекты, в политике – исторические памятники ушедших лидеров (для войны с прошлым), в психотерапии – надувные куклы для битья, такие, как клоун Бобо (см. [Крэйхи 2003]) и др.

В русском этноязыковом сознании данный скрипт репрезентирован фразеологическими единицами: *козел отпущения*, *виноват стрелочник*, *валить с большой головы на здоровую*, *в чужом пиру похмелье* и др. Эти единицы имеют условно-символический характер и не столько указывают, сколько намекают на стоящую за ними когнитивную структуру.

Поскольку скрипт состоит из действующих лиц, сюжета и ситуации [Демьянков 1994], то для его непрямого наименования дискурсивному мышлению достаточно опоры на одну из его составляющих, имеющую статус прецедента и способную воспроизвести в сознании носителя языка всю ситуативную динамику. Прецедент при этом понимается как «дискурсивно обусловленный факт, имевший ранее место в лингвокогнитивной деятельности членов определенного культурно-языкового сообщества и служащий образцом для последующих подобных фактов» [Алефиренко 2002].

Известно, что у иудеев существовал обряд отпущения грехов, согласно которому первосвященник возлагал обе руки на голову живого козла в знак возложения на него всех грехов еврейского народа, после чего козел изгонялся в пустыню.

Благодаря Библейским текстам имя действующего лица обряда – *козел отпущения* – становится прецедентным, метафоризируется и приобретает условно-символический характер.

Почему же я и вот эти несчастные должны сидеть тут за всех, как козлы отпущения? (Чехов. Палата №6.)

Как метафора, идиома связана с эталоном сравнения – ветхозаветным козлом, действующим лицом известного обряда.

Как символ, идиома имеет двойную референцию: с одной стороны, отсылает к заместительной жертве, а с другой – (и это особенно важно) к общечеловеческой психологической закономерности – эмоциональной

разрядке, проявляющейся в vindиктивных действиях против того, кто слабей; последнее обстоятельство и позволяет рассматривать идиому как условно-символический репрезентант данного скрипта в целом.

Так же, условно-символически, представляет изучаемый скрипт и идиома *виноват стрелочник*. Однако, если ее именной компонент употребляется самостоятельно, то его репрезентативные функции относительно скрипта оказываются контекстуально ограниченными.

Судя по данным расследования, тюремные сроки грозят лишь стрелочникам. (Человек и закон. ОРТ. 30.11.2004.)

В структуре высказывания диагностировать значение слова *стрелочник* не представляется возможным. Лишь зная, что оно является частью комментария по поводу расследования убийства депутата Госдумы, можно определить и символический характер имени, отсылающий к скрипту.

Фразеологизм *валить с больной головы на здоровую* описывает, вероятно, прецедентный обряд (возложение грехов на голову козла). Отрываясь от своего денотата и обретая условно-символический характер, он начинает употребляться для обозначения самых разнообразных vindиктивных поведенческих реакций, направленных на замещающий объект.

Но валить с больной головы на здоровую все-таки не годится: Тургенев и Базаров во всяком случае не виноваты в том, что критик не умеет защищать молодое поколение и что роль первого критика в «Современнике» не соответствует теперешним размерам его сна. (Писарев. Реалисты.)

Фразеологизм *в чужом пиру похмелье* представляет скрипт через этнопрецедентную коммуникативно-прагматическую ситуацию, оказавшись в которой гость может иметь неприятности из-за вины других. Особенностью этой идиомы является то, что она представляет vindиктивные действия в аспекте цепной реакции.

Амалия Ивановна, когда в нее...попал стакан, тоже не выдержала в чужом пиру похмелья.... Как бешеная, кинулась она к Катерине Ивановне, считая ее во всем виноватой. (Достоевский. Преступление и наказание)

Приведенные выше фразеологизмы можно считать универсальными в том смысле, что их означаемые (лица, сюжеты, ситуации) являются означаемыми универсальной поведенческой реакции, направленной на замещающий (обидчика) объект.

Что же касается этноэдемической специфики представления универсальных единиц инвариантного эмоционально-смыслового поля (термин В.И. Шаховского), то данная проблема могла бы составить предмет специального исследования.

Анализ материала, таким образом, показывает, что

- заданная природой эмоциональная реакция, вступая в знаковое инобытие, обретает аксиологические смыслы, которые, в свою очередь, являются производными от человеческой деятельности, предопределяющей формы культурно-исторического бытия и конкретные коммуникативно-прагматические ситуации;
- семантическая валентность ключевого слова (месть) отражает конфликт между подсознательным и ценностно-нормативными установками культуры;
- как поведенческая реакция, месть реализуется в двух скриптах, отражающих человеческую внутривидовую конкурентную борьбу и структурирующих общественные отношения; в русском этноязыковом сознании данные скрипты представлены условно-символически – посредством дискурсивных идиом.

Л и т е р а т у р а

1. *Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002.
2. *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. М., 1987.
3. *Гроф С.* Холотропное сознание. (Пер. с англ.) М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996.
4. *Демьянков В.З.* Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке. М., 1994.
5. *Делез Ж.* Логика смысла. (Пер. с фр.) М.: Академия, 1995.
6. *Красных В.В.* Концепт «Я» как репрезентант русского культурного пространства // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Волгоград: Изд-во ЦПО «Центр», 2004.
7. *Крэйхи Б.* Социальная психология агрессии. СПб.: Питер, 2003.
8. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.
9. *Монич Ю.В.* Проблемы этимологии и семантики ритуализованных действий // Вопросы языкознания. 1988, №1.
10. *Нойман Э.* Происхождение и развитие сознания. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1998.
11. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.
12. *Уилсон Р.* Квантовая психология. М., 1999.
13. *Финкельштейн Э.Б.* Проблема бессознательного и фундаментальные принципы физики // Бессознательное. Новочеркасск, 1994.
14. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. (Пер. с нем.) М.: Наука, 1991.
15. *Шаховский В.И.* Словная идиоматика как межкультурный феномен // Известия Волг. гос. пед. ун-та. Серия: филол. науки. 2002, №2.
16. *Шаховский В.И.* Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. М.; Барнаул, 2003.
17. *Юнг К.Г.* Либи́до, его метаморфозы и символы / Пер. с нем. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1994.
18. *Berkowitz L.* Frustration-aggression hypothesis: Examination and reformulation. Psychological Bulletin. 1989. № 106.
19. *Girard R.* La violence et le sacre. Paris: Grasset, 1972.

20. *Girard R.* Le bouc emissaire. Paris: Grasset, 1982.
21. *Deleuze G., Guattari F.* Capitalism and Schizophrenia: Anti-Oedipus. New York: A Richard Seaver Books: The Viking Press, 1977.
22. *Tedeschi J.T. & Felson R.B.* Violence, aggression, and coercive actions. Washington DC: American Psychological Association, 1994.

С л о в а р и и с п р а в о ч н и к и

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти тт. М.-Л.: АН СССР, 1950-1965.
2. МАС-2 – Словарь русского языка: В 4-х тт. М.: Русский язык, 1981-1984.
3. СД – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. М.: Русский язык, 1979.
4. ТСУ – Толковый словарь русского языка / Под. ред. Д.Н. Ушакова: В 4-х тт. М.: Астрель, Аст, 2000.
5. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под. ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1978.
6. ФС – Философский словарь / Под. ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001.
7. POD – The Pocket Oxford Dictionary of Current English. Seventh Edition. / Edited by R.E. Allen. Oxford: Clarendon Press, 1984.

ЛИНГВИСТИКА

К вопросу о языке животных

© кандидат филологических наук И.И. Богатырева, 2005

В лингвистической науке (как и в любой другой области научного знания) и тем более в учебной литературе есть целый ряд уже устоявшихся, общепринятых представлений по поводу определенного круга проблем, причем подобного рода утверждения кочуют из одного издания в другое и выглядят как некие аксиомы, не вызывающие никакого сомнения и не требующие пересмотра. Одной из таких «аксиом» и посвящена настоящая статья, цель которой, как нам представляется, состоит в том, чтобы, если не опровергнуть существующую точку зрения, то показать ее односторонность и очевидную упрощенность трактовки такой увлекательной и пока недостаточно глубоко изученной проблемы, как язык животных.

Вышеназванная проблема, как правило, упоминается в связи с особенностями человеческого языка как универсальной семиотической системы. Про языки животных при этом обычно говорят приблизительно следующее:

– у животных язык не орудие познания, а просто результат работы органов чувств; в то время как человеческий язык тесно связан с *познавательными процессами*¹, знак в языке животных – это либо *реакция* данной особи на случившееся событие (т. е. нечто, *уже познанное*), либо *стимул* к аналогичной реакции у других особей;

– в языке животных нет отражения окружающей действительности; элементы обобщения и синтеза в познавательных процессах животных если и присутствуют, то они никак не связаны с механизмами коммуникации;

– у человека (животным же в этом все отказывают) преимущественно на основе языка функционируют память, внимание, мышление;

¹ В этом месте в большинстве учебников по лингвистике приводится знаменитая фраза замечательного ученого Л.С. Выготского о том, что наша «мысль не выражается, а совершается в слове». Практически каждый автор учебника по общему языкознанию или по введению в языкознание считает прямо-таки своим долгом процитировать именно это высказывание Л.С. Выготского, в крайнем случае могут также вспомнить слова о гусеке, «который не сообщает об опасности, а криком заражает стаю своим испугом», хотя у этого же ученого есть и несколько другого рода высказывания по данному вопросу – о них будет сказано ниже.

– язык человека, в отличие от языка животных, – естественная, биологически не релевантная, не врожденная система знаков;
– в речи животных нет информации «не о себе»;
– животным не свойственно общение в режиме диалога – их общение сводится к отдельным монологам отдельно взятых особей;
– язык человека обусловлен социально и географически, животные же одного вида «говорят» на одном языке, независимо от того, к какому коллективу они принадлежат или на какой территории они находятся;
– ни один из языков животных не имеет такой уровневой структуры, как язык человека, где единицы более высокого уровня структурно включают в себя единицы более низких уровней, т. е. невозможно увидеть в языке животных следующее: текст членится на предложения, предложения – на слова, слова – на морфемы, морфемы – на фонемы (или на слоги).

Последняя отличительная особенность человеческого языка – его членораздельность, внутренняя расчлененность высказываний на единицы разных уровней, дискретность смысла его единиц и способность их к комбинированию в речи по известным правилам, безусловно, присуща только ему и не представлена в семиотических системах, которыми пользуются даже высокоорганизованные насекомые, птицы или животные. Но, правда, следовало бы оговорить, что при этом имеются в виду именно те системы знаков, которые используются животными какого-то вида при общении их *между собой*, в своем собственном сообществе. Дело в том, что некоторые птицы или животные способны овладеть определенными знаковыми системами², которые служат им для *общения не с себе подобными, а с людьми*. И такого рода семиотические системы будут во многом похожи на человеческий язык – по крайней мере, там будет представлена уровневая организация, и единицы разных уровней действительно будут вступать друг с другом в определенные отношения (как синтагматические, так и парадигматические).

Данное утверждение можно проиллюстрировать целым рядом весьма показательных примеров, которые хорошо известны зоопсихологам, этологам, антропологам, социобиологам, но лингвисты (по крайней мере, это касается авторов учебников по общему языкознанию) их почему-то игнорируют, не принимая во внимание ни в разделах об особенностях языка как семиотической системы, ни в тех частях курса, где речь идет о связи языка и мышления, языка как орудия познания и т. п.

В первую очередь следует обратиться к разного рода попыткам научить обезьян говорить. Если понимать слово «говорить» буквально,

² Точнее будет сказать: их можно этим системам обучить, или же (в случаях с некоторыми птицами, как показано в работах известнейшего этолога К. Лоренца) они сами этим системам обучаются.

то можно лишь убедиться в том, что членораздельная речь присуща исключительно человеку, а человекообразные обезьяны не способны тонко контролировать работу своего голосового аппарата, и, как правило, издавая привычные для них звуки, они не пользуются губами и языком. Хотя некоторым исследователям удавалось научить обезьян произносить отдельные слова: так в 1916 году Уильям Фернисс³ взялся за эксперимент над молодым орангутаном. Ценой невероятного терпения Ферниссу удалось научить обезьяну говорить «папа» и «чашка». Орангутан правильно употреблял эти слова: так как обучением занимался сам ученый, то слово «папа» ассоциировалось у орангутана с личностью учителя, и если его спрашивали, где папа, он показывал на Фернисса или ударял его по плечу; когда орангутан заболел, то ночью он несколько раз произнес слово “cup”, прося пить⁴.

Но дело в том, что язык (как особая знаковая система) не равен речи (да и само понятие речи обычно не сводится лишь к ее устной разновидности), и слово «говорить» в контексте данной статьи используется скорее в смысле «общаться». Могут ли общаться на языке, максимально приближенном по своим свойствам к человеческому, не люди, а животные? Обратимся к одному из самых известных в науке примеров – к тем экспериментам, которые проводились с человекообразной обезьяной Уошо. В июне 1966 года Аллен и Беатриса Гарднеры приобрели молодую самку шимпанзе⁵ и предприняли попытки научить ее «говорить». В качестве средства общения они избрали американский язык жестов (амслен), которым пользуются многие глухонемые. В принципе у Гарднеров было две возможности: либо придумать совершенно новый язык, либо взять один из нескольких уже существующих жестовых языков. Идея создания собственного языка была быстро отвергнута как слишком сложная. Амслен – настоящий, хорошо изученный язык жестов, используя который можно было бы не только обучать ему Уошо, но и сравнивать развитие умственных способностей шимпанзе с аналогич-

³ Иногда его фамилию передают, как Фарнес.

⁴ Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1988. Глава 7.

⁵ Почему была выбрана именно шимпанзе? На самом деле не вполне ясно, какие из крупных человекообразных обезьян умственно наиболее развиты. Однажды детеныш орангутана при испытании по тестам, используемым для оценки степени умственного развития детей, достиг по шкале IQ показателя 200. Но орангутаны — животные, ведущие одиночный образ жизни, и это делает работу с ними более сложной, чем с общительными шимпанзе или гориллами. У горилл немалые размеры затрудняют работу с ними, так что по практическим соображениям шимпанзе оказываются наиболее подходящими обезьянами для экспериментов того типа, которые были начаты Гарднерами. Не последней причиной, по которой были выбраны шимпанзе, послужила их явная склонность привязываться к своим приемным родителям, что не наблюдалось ни у орангутанов, ни у горилл (более подробно по этому вопросу см. книгу Ю. Линдена «Обезьяны, человек и язык»).

ным развитием глухонемых детей и, возможно, даже определить, что именно является уникальным в человеческом языке.

Каковы же оказались результаты? Уошо не только овладела немалым количеством знаков (через пять лет она знала уже 160 слов), но и умела их *использовать в различных разговорных ситуациях* – как по отдельности, так и *в сочетаниях друг с другом*. Впервые Уошо прибегла к комбинированию слов в апреле 1967 года, через десять месяцев после начала обучения языку. Она сказала: «Дай сладкий» – и затем: «Подойди открой». В то время ей было около двух лет, то есть она достигла именно того возраста, когда дети начинают строить фразы из двух слов. Позже Уошо стала объединять в одну фразу и большее число знаков, например, «ты щекотать я». Уошо смогла также *создавать новые знаки*: впервые увидев арбуз, она обозначила его как «сладкий питье», лебедя – «вода птица», зубную щетку – «зубы чистить». Она могла нестись вскачь через поляну и во время бега сигнализировать Гарднерам рукой: «быстро». Уошо обладала своеобразным грубоватым чувством юмора: однажды, прогуливаясь верхом на плечах у ассистента Гарднеров Роджера, Уошо помочилась на него, а затем изобразила знак «смешно». При этом, по словам Роджера, она выглядела весьма довольной собой⁶.

Из опытов Гарднеров можно увидеть следующее:

- обезьяны обладают способностями к *ассоциативному* мышлению и могут обозначать знаками предметы окружающей среды и действия;
- они могут *комбинировать* эти знаки;
- они способны использовать знаки не только как символы, но и как *инструментальные реакции* на предметы, сигналы и ситуации;
- они могут *категориально* воспринимать соответствующие предметы и при этом *практически* реализовывать их значение.

Д. Румбо использовала для обучения шимпанзе Ланы компьютер, и обезьяна научилась пользоваться клавиатурой компьютера, с помощью которой на экран выводились символы слов, а впоследствии целая группа обезьян была обучена общаться *друг с другом* (!) через компьютер. Ю. Линден вспоминал о том, как в 1972 году состоялась его первая поездка в Оклахому, предпринятая для того, чтобы познакомиться с Уошо и оценить возможности Уошо как собеседницы. Но оказалось, что таких Уошо уже несколько. Со времени ее приезда еще с десятком шимпанзе интенсивно обучались амслену. Программы их обучения были организованы по новому принципу, в соответствии с которым обезьяны

⁶ См. следующие работы: Линден Ю. Обезьяны, человек и язык. М., 1981; Мак-Фарленд Д. Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция. М., 1988; Ясвин В.А. Межвидовая коммуникация *homo sapiens* как предпосылка формирования субъективных отношений к различным животным. (Последняя из названных работ находится на следующем сайте в Интернете: <http://www.ethology.ru/library>.)

должны были *пользоваться амсленом при общении друг с другом*. Показательно также то, что Уошо использовала языковые знаки и *сама по себе*, когда играла *одна* – так же, как это делают дети, разговаривая сами с собой во время игры.

Таким образом, можно констатировать, что попытки научить шимпанзе и других антропоидов различным типам человеческого языка имели успех. Также можно констатировать, что эксперименты с обезьянами показали, что и животные могут передавать информацию «не о себе», что язык, которому их обучили, довольно тесно связан с познавательными процессами, что и между животными (и тем более, между животным и человеком) возможен настоящий диалог. По всей видимости, прав был Н. Хомский, утверждавший более 30 лет тому назад, что способность человека к языку связана со специфическим *типом психической организации*, а не с более высокой степенью интеллекта. Но особенно поражают выводы, к которым пришел (почти за 40 лет до Хомского и задолго до вышеприведенных экспериментов с шимпанзе) Л.С. Выготский, рассуждая о генетических корнях мышления и речи:

1. Мышление и речь имеют различные генетические корни.
2. Развитие мышления и речи идет по различным линиям и независимо друг от друга.
3. Отношение между мышлением и речью не является сколько-нибудь постоянной величиной на всем протяжении филогенетического развития.
4. Антропоиды обнаруживают человекоподобный интеллект в одних отношениях <...> и человекоподобную речь – совершенно в других <...>.
5. Антропоиды не обнаруживают характерного для человека отношения – тесной связи между мышлением и речью. Одно и другое не является сколько-нибудь непосредственно связанным у шимпанзе.

5. В филогенезе мышления и речи мы можем с несомненностью констатировать доречевую фазу в развитии интеллекта и доинтеллектуальную фазу в развитии речи⁷.

Остается здесь только особо подчеркнуть, что Л.С. Выготский говорит именно о *речи*, а не о *языке*.

Хотя бы отчасти пересмотреть укоренившиеся в лингвистике взгляды на языковые способности и возможности животных заставляют и те случаи, которые приводит в своей книге «Кольцо царя Соломона» известнейший этолог, лауреат Нобелевской премии 1973 г. за достижения в области биологии и медицины Конрад Лоренц. Эти примеры любопытны не только потому, что они касаются птиц (а не антропоидов),

⁷ Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1999, стр. 93.

но и потому, что здесь не было даже попыток со стороны людей *научить* чему-то птиц – птицы *обучались сами*. При этом они не просто повторяли какие-то слова или целые фразы из человеческого языка, но произносили их вполне *осмысленно*, в уместное время, в нужной ситуации, т. е. похоже на то, что они в какой-то мере *понимали*, что они заучили.

Так у профессора Отто Кёлера, друга К.Лоренца, жил старый серый попугай по кличке Гриф, который был замечателен тем, что абсолютно кстати говорил «доброе утро» или «добрый вечер». А когда гость поднимался, чтобы откланяться, попугай низким голосом изрекал: «Ну, до свиданья». Причем, это говорилось только тогда, когда посетитель *действительно* должен был уйти. Если же *имитировалось* прощание, Гриф ничего не произносил: по всей видимости, он улавливал тончайшие произвольные жесты, не доступные человеку. Другой серый попугай, обладавший исключительной памятью и интеллектом, о котором пишет К. Лоренц, принадлежал известному берлинскому орнитологу фон Луканусу. Этот орнитолог держал дома много птиц и среди них ручного удода по кличке Хопфхен. Говорящий попугай заучил в том числе и это имя. Через некоторое время удода умер (в отличие от попугаев, удоды недолго живут в неволе). Попугай, казалось, совершенно забыл его имя (по крайней мере, никогда не произносил его). Спустя девять (!) лет Луканус приобрел другого удода, и как только попугай его увидел, он тут же назвал несколько раз имя старого знакомого: «Хопфхен». К. Лоренц приводит также ряд других поразительных историй, когда птицы в исключительных (чаще всего, в стрессовых) ситуациях с одного (!) раза запоминали целую фразу и воспроизводили ее в нужное время и в нужном контексте.

Отдельно следует отметить язык пчел, т. к. эта знаковая система используется ими для общения друг с другом, а не с человеком, но тем не менее является очень сложной и опровергает ряд утверждений лингвистов о весьма ограниченных возможностях языка животных. Как известно, данная семиотическая система хорошо изучена и описана во многом благодаря исследованиям Карла фон Фриша, получившего за них в 1973 г. Нобелевскую премию. Танец (= язык) пчел замечателен прежде всего тем, что он практически всегда содержит информацию об окружающей действительности, а не о самой пчеле (т. е. пчелы регулярно сообщают другим особям что-то «не о себе»).

Пчелы передают друг другу информацию о примерном направлении полета к новому источнику пищи, расстоянии до него, а также количестве пищи в нем с помощью серии тщательно разработанных танцев, отдельные па которых и содержат соответствующую информацию. Если пища находится близко, пчела исполняет так называемый круго-

вой танец; если расстояние до источника пищи превышает 85 м, пчела пользуется «виляющим» танцем, т. е. танцем в виде восьмерки. Фриш обнаружил также, что угол исполнения пчелами этого танца по отношению к вертикальной оси медовых сот соответствует углу, образуемому источником пищи относительно солнца, а при переменной облачности пчелы могут находить пищу, ориентируясь относительно плоскости поляризации света от просветов чистого неба между облаками. Кроме всего этого пчела-разведчица указывает и на вид цветущего растения. Касаясь усиками тела разведчицы, другие пчелы ощущают запах растения-медоноса и, полетев в указанном направлении, будут искать именно его. Наконец, в танце пчел не просто содержится информация о дальности полета, а эта информация пчелой еще и определенным образом корректируется: при попутном ветре разведчица указывает расстояние, чуть меньшее действительное, а при ветре встречном – чуть большее. Было установлено также, что при боковом ветре летящая пчела делает соответствующую поправку от заданного направления, т. е. движется к Солнцу под иным углом, чем указывалось разведчицей. Благодаря такой поправке пчела не сбивается с курса и благополучно находит источник нектара. Танцы пчел используются не только при поиске нектара, но и в других случаях, например, при роении. Покинувшая старый улей семья пчел присаживается на соседнем дереве или кусте и ожидает разлетевшихся во все стороны разведчиц. Когда те обнаруживают подходящее дупло или пустой улей, то они возвращаются и тем же танцем сообщают о том, куда следует лететь.

Любопытно, что разные породы пчел отличаются своими танцами. Так, к примеру, карпатские пчелы не совсем правильно понимают танец кавказских, а те с трудом понимают итальянских. Один и тот же элемент виляющего танца обозначает приблизительно 75 м у немецкой медоносной пчелы, около 25 м у итальянской пчелы и всего лишь 5 м у пчелы из Египта. Тем самым оказывается не вполне справедливым утверждение о том, что только язык человека может быть обусловлен социально и географически. Получается, что и у пчел могут быть различные «диалекты». Причем, «диалекты» есть не только у пчел, но и у особой других видов. Мимика и жестикуляция, с помощью которых животные общаются друг с другом визуально, *неодинаковы у популяций одного и того же вида, населяющих разные районы* (у млекопитающих, птиц, рыб и некоторых членистоногих – например, манящих крабов). Предполагают существование географических различий и в «химическом» языке животных, особенно в специфических запахах. Лучше изучены различия в голосах животных (песнях и криках). Различают как местные «говоры», свойственные группам животных, занимающим небольшие территории (для птиц – иногда в несколько сот га), так и

«диалекты» животных, отличающие обитателей разных географических районов. По всей видимости, «диалекты» животных, как это происходит и у людей, возникают на основе индивидуальных особенностей и служат средством как объединения животных в популяции, так и разграничения последних друг от друга⁸.

Таким образом, из ряда фактов, приведенных выше, можно увидеть, что язык животных (как семиотическая система) является не настолько простым, как это представлено в учебных пособиях по языкознанию, что есть довольно много черт, скорее объединяющих язык животных и язык человека, а не разъединяющих их (тем более, если мы будем учитывать те языковые и мыслительные возможности животных и птиц, которые проявляются в их общении не только друг с другом, но и с человеком).

⁸ Более подробную и полную информацию по данному вопросу можно найти в следующих изданиях: *Наумов Н.П.* Экология животных. М., 1963; *Наумов Н.П. и др.* Средства общения у животных и их моделирование // Вопросы бионики. М., 1967; *Шовен Р.* Поведение животных. М., 1972, а также на сайте в Интернете по адресу <http://www.booksite.ru>.

К проблеме создания реестра русских наречий. Статья 1: Введение; фрагмент на букву «А»

© кандидат филологических наук Ф.И. Панков, 2005

1. Введение

Количество слов в языке ограничено. Лексикон каждого языка, с одной стороны, подвижен, динамичен, так как постоянно пополняется новыми единицами, с другой – стабилен, так как одновременно с увеличением словарного запаса языка происходит процесс утраты им архаических, вышедших из активного употребления лексем. Слова с ограниченной сферой употребления, первоначально принадлежащие исключительно одному из функциональных стилей, способны становиться общеупотребительными. На вопрос о том, сколько слов в русском языке, точный ответ дать сложно, а может быть, и невозможно. Как известно, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля зафиксировано около двухсот тысяч слов, включая диалектизмы, в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» – около ста двадцати тысяч слов, и это, конечно далеко не полный список.

Ещё одна трудная задача – определить, хотя бы приблизительно, как в количественном отношении распределены и соотнесены в языке представители разных категориальных классов слов: сколько существительных, глаголов, прилагательных и т. д. До сих пор не существует более или менее полного перечня ни одной из самостоятельных частей речи. Первый опыт создания реестра служебной части речи – русских предлогов и предложных единиц – был предпринят группой исследователей Московского государственного университета. Общее количество предложных единиц намного превзошло самые смелые ожидания: их оказалось около пяти тысяч [Всеволодова и др. в печати].

Мы задались целью создать реестр русских наречий. В качестве языкового материала была взята русская речь во всём её многообразии: живой звучащий язык повседневного общения, радио и телепередачи, пресса, Интернет, художественная и научная литература, основные лингвистические словари русского языка: толковые, орфографические, грамматические и др., а также словарь русского арго. Таким образом, реестр наречий в идеале должен отразить самые различные функциональные стили русского языка в его устной и письменной формах.

Прежде чем предложить собственно реестр наречий, необходимо отметить, что он представляет собой не бессистемный набор лексических единиц, не «кучу-малу», а упорядоченное множество лексем. Такое

множество может быть представлено в виде системы бинарных оппозиций, которая отличается от традиционных известных нам классификаций семантических разрядов наречий.

2. Функционально-коммуникативная система русских наречий¹

Все русские наречия, подобно глаголам и прилагательным [Всеволодова 2000], могут быть разделены на два больших класса, между которыми нет жесткой границы, а существуют большие зоны взаимодействия и переходности: строевые, осложняющие семантическую структуру предложения, и полнознаменательные.

1. Строевые наречия.

Строевые наречия, в свою очередь, делятся на два подкласса: модальные и оценочные.

1.1. Модальные наречия.

Модальные наречия включают, во-первых, модификаторы модальности, которые в концепции В. В. Виноградова относятся к т. н. модальным словам, во-вторых – выразители субъективных, модусных смыслов.

1.1.1. Модификаторы модальности (модальные слова): *можно, нельзя, нужно, необходимо, невозможно* и др.: *Через самое короткое время **можно** было увидеть Ивана Николаевича на гранитных ступенях амфитеатра Москвы-реки* (Булгаков).

1.1.2. Выразители субъективных, модусных смыслов – показатели персуазивности, т. е. той или иной степени уверенности субъекта речи (говорящего или пишущего) в истинности (достоверности) сообщаемого.

Среди наречий – выразителей модусных смыслов условно выделим репрезентанты той же пропозиции и репрезентанты другой (второй) пропозиции (ментальные предикаты).

1.1.2.1. Репрезентанты той же пропозиции.

Оба типа репрезентантов способны выражать либо высокую (уверенность), либо низкую (неуверенность) степень уверенности говорящего или пишущего в достоверности сообщаемого.

1.1.2.1.1. Репрезентанты той же пропозиции, выражающие уверенность субъекта речи: *наверняка, обязательно, непременно* и др.: *Геликон сейчас спит. А когда проснется, то **обязательно** станет трубить* (Ильф, Петров); ***Наверняка** нашлись бы «верные солдаты партии»,*

¹ Наша функционально-коммуникативная система русских наречий опирается на предварительные рассуждения М. В. Всеволодовой о семантических разрядах наречий в целом [Всеволодова 2000: 66], а также на классификацию наречий со значением степени величины признака [Ховалкина 1995].

которые немедленно организовали бы «многолюдные митинги трудящихся» в поддержку сего «исторического решения»;

1.1.2.1.2. Репрезентанты той же пропозиции, выражающие неуверенность субъекта речи: *едва ли, вряд ли* и др.: *Тут генерал разразился таким смехом, каким **вряд ли** когда смеялся человек* (Гоголь).

1.1.2.2. Репрезентанты второй пропозиции (ментальные предикаты).

Именно ментальные предикаты выступают обычно в функции вводного слова, что вполне объяснимо, поскольку они являются репрезентантами второй пропозиции.

1.1.2.2.1. Ментальные предикаты, выражающие уверенность субъекта речи: *бесспорно, безусловно, несомненно, конечно* и др.: *Но то, что вы рассказываете, **бесспорно**, было в действительности* (Булгаков).

1.1.2.2.2. Ментальные предикаты, выражающие неуверенность субъекта речи: *верно, вероятно, видимо, по-видимому, возможно, наверное, очевидно, пожалуй, авось* (разг.), *небось* (разг.), *чай* (разг.) и др.: – *Подсолнечное масло здесь вот при чём, – вдруг заговорил Бездомный, **очевидно**, решив объявить незваному собеседнику войну* (Булгаков).

1.2. Оценочные наречия.

Оценочные наречия способны выражать либо аксиологическую, либо характеризующую оценку.

1.2.1. Наречия аксиологической оценки.

Выражаемая наречиями аксиологическая оценка может быть либо положительной, либо отрицательной.

1.2.1.1. Наречия положительной оценки: *хорошо, замечательно, здорово, изумительно, прекрасно* и др.: *Да для меня, просто, если плотник **хорошо** владеет топором, я два часа готов пред ним простоять: так веселит меня работа* (Гоголь).

1.2.1.2. Наречия отрицательной оценки: *плохо, безобразно, ужасно, отвратительно, глупо, по-дурацки* и др.: *Марк одною левою рукой, легко, как пустой мешок, вздернул на воздух упавшего, поставил его на ноги и заговорил гнусаво, **плохо** выговаривая арамейские слова* (Булгаков).

1.2.2. Наречия характеризующей оценки.

Эта группа наречий даёт характеризующую оценку либо количества признака (наречия-квантитативы), либо качества действия (наречия-квалитативы).

1.2.2.1. Наречия оценки количества признака (квантитативы).

Квантитативы оценивают степень величины признака (наречия меры и степени) или дают метрическую оценку (пространства, времени, температуры, массы и пр.).

1.2.2.1.1. Наречия оценки степени величины признака (наречия меры и степени).

Данные наречия указывают либо на несоотносительную, либо на соотносительную оценку степени величины признака.

1.2.2.1.1.1. Наречия – указатели несоотносительной оценки степени (несоотносительно-оценочных степеней) величины признака.

Эта группа наречий включает наречия с модально-оценочным и с количественно оценочным значением.

1.2.2.1.1.1.1. Наречия – указатели степени величины признака с модально-оценочным значением: *абсолютно, непосредственно, вполне, совсем, совершенно, вовсе, несколько (не), отнюдь (не), далеко (не), вовсе (не), далеко (не)* и др.: – *Абсолютно верно, – подтвердил ведущий программы* (Булгаков).

1.2.2.1.1.1.2. Наречия – указатели степени величины признака с количественно-оценочным значением.

Данные наречия выражают либо среднюю (нормальную), либо не среднюю (малую или высокую) степень величины признака.

1.2.2.1.1.2.1. Наречия с количественно-оценочным значением средней степени признака: *достаточно, довольно, вполне, полностью, целиком* и др.: – *Целиком присоединяюсь, – твёрдо сказал артист* (Булгаков).

1.2.2.1.1.2.2. Наречия с количественно-оценочным значением отклонения от средней степени признака.

1.2.2.1.1.2.2.1. Наречия с количественно-оценочным значением малой степени признака: *едва, немного, слегка, чуть, частично* и др.: *Швейцар выпучил глаза, и было отчего: никакого кота у ног гражданина уже не оказалось, а из-за плеча его вместо этого уже высовывался и порывался в магазин толстяк в рваной кепке, Действительно, немного смахивающий рожей на кота* (Булгаков).

1.2.2.1.1.2.2.2. Наречия с количественно-оценочным значением высокой степени признака: *весьма, крайне, много, очень, предельно, столь* и др.: *Вы можете ошибиться, и притом весьма крупно* (Булгаков).

1.2.2.1.1.2. Наречия – указатели соотносительной оценки степени (соотносительно-оценочных степеней) величины признака.

Наречия, выражающие соотносительно-оценочные степени величины признака, имеют более конкретные значения: указание на степень отстояния двух величин и нарушения меры признака.

1.2.2.1.1.2.1. Указатели степени отстояния двух величин признака.

Это значение характеризует одну величину признака по отношению к другой. Отстояние двух величин признака может быть нулевым (т. е. признаки имеют одинаковую величину) и положительным (т. е. величины признака различаются).

1.2.2.1.1.2.1.1. Указатели нулевой степени отстояния двух величин признака: *одинаково, равно* и др.: *Есть лица, которые существуют на*

свете не как предмет, а как посторонние крапинки или пятнышки на предмете. Сидят они на том же месте, **одинаково** держат голову, их почти готов принять за мебель и думаешь, что отроду ещё не выходило слово из таких уст; а где-нибудь в девичьей или в кладовой окажется просто: ого-го! (Гоголь).

1.2.2.1.1.2.1.2. Указатели положительной степени отстояния двух величин признака.

1.2.2.1.1.2.1.2.1. Указатели незначительной степени отстояния двух величин признака: *чуть, чуточку, чуть-чуть, немного* и др.: *У меня хватило сил добраться до печки и разжечь в ней дрова. Когда они затрещали и дверца застучала, мне как будто стало **немного** легче* (Булгаков).

1.2.2.1.1.2.1.2.1. Указатели значительной степени отстояния двух величин признака: *бесконечно, гораздо, куда, намного, несопоставимо* и др.: *Не отрицаю, впрочем, что мне теперь **гораздо** лучше* (Булгаков).

1.2.2.1.1.2.2. Указатели степени нарушения меры признака: *излишне, слишком, чересчур, чрезмерно* и др.: *– Беда в том, – продолжал никем не останавливаемый связанный, – что ты **слишком** замкнут и окончательно потерял веру в людей* (Булгаков).

1.2.2.1.2. Наречия метрической оценки (пространства, времени, температуры, массы и пр.): *далеко, горячо, жарко, холодно* и др.: *Варенуха, навалившись на стол, **жарко** дышал в щеку Римского* (Булгаков).

Данная группа представляет зону пересечения с полнозначительными наречиями, так как включает, в частности, лексемы с диктальным значением, то есть *далеко, близко, вдали, вблизи, давно, долго, часто, редко, жарко, тяжело* и др.

1.2.2.2. Наречия оценки качества действия (квалитативы): *легко, трудно, красиво, неуклюже* и др.: *Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе **трудно** даже глядеть на меня* (Булгаков).

Часть лексем этой группы совпадает с наречиями аксиологической оценки (см. выше).

2. Полнозначительные (диктальные) наречия.

Наречия, называющие диктальные признаки, могут быть разделены на характеристизационные и логические.

2.1. Характеризационные наречия.

Характеризационные наречия включают наречия образа действия и состояния (категория состояния, по В. В. Виноградову).

2.1.1. Наречия образа действия: *вразвалку, верхом, исподлобья, наотмашь, по-дружески* и др.: *Кривляясь, субъект **наотмашь** снял жокейский свой картузик* (Булгаков).

2.1.2. Наречия состояния (субъекта или среды).

Наречия состояния обозначают физическое (*больно*), физиологическое (*тепло, холодно*), эмоционально-психическое (*радостно, тоскливо*), интеллектуально-творческое (*интересно, любопытно*), социальное состояние (*замужем*): – *А вот интересно, если вас придут арестовать? – спросила Маргарита* (Булгаков); *Крик, шум, выстрелы; только Казбич уж был верхом и вертелся среди толпы по улице, как бес, отмахиваясь шапкой* (Лермонтов).

2.2. Логические наречия.

Среди логических выделим пространственно-временные наречия и наречия обусловленности.

2.2.1. Пространственно-временные наречия.

Пространственно-временны́е, естественно, делятся на локативные (пространственные) и темпоральные (временны́е).

2.2.1.1. Локативные (пространственные) наречия.

Локативные наречия могут быть собственно пространственными и ситуативно-пространственными.

2.2.1.1.1. Собственно пространственные наречия: *впереди, сзади, слева, справа, сбоку, наверху, внизу* и др.: *Первый, что был впереди, спросил Иуду* (Булгаков).

2.2.1.1.2. Ситуативно-пространственные.

Пока, к сожалению, ни одного ситуативно-пространственного наречия нами не найдено, однако, по нашему предположению, таковые должны быть, ср. ситуативно-пространственную именную группу *в тесноте* или ситуативно-временны́е наречие *впотьмах*.

2.2.1.2. Темпоральные (временны́е) наречия.

Темпоральные наречия, как и локативные, могут быть собственно временны́ми и ситуативно-временны́ми.

2.2.1.2.1. Собственно временны́е наречия: *завтра, сейчас, скоро, долго, давно* и др.: *Прошу вас завтра прислать ко мне Толмая* (Булгаков).

2.2.1.2.2. Ситуативно-временны́е наречия: *впотьмах* и др.: *Возвращались назад уже сумерками. Впотьмах ударили весла по водам, уже не отражавшим неба. В темноте пристали они к берегу* (Гоголь).

2.2.2. Наречия обусловленности.

Наречия обусловленности могут быть либо каузальными (причинными), либо финитными (целевыми).

2.2.2.1. Каузальные (причинные) наречия.

2.2.2.1.1. Собственно причинные наречия: *сослепу, спьяну, сдуру* и др.: *Один раз женщина спьяну хватается за нож и опасно ранит знакомого.*

2.2.2.1.2. Контекстуально обусловленные причинные наречия: *вежливо* (не заметил), *легкомысленно* (согласился) и др.: *Ноздрев долго ещё*

не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане; но легкомысленно непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком (Гоголь).

2.2.2.2. Целевые (финитные) наречия: *назло, намеренно, нарочно, специально* и др.: *И тут закопошились в мозгу у Степы какие-то неприятнейшие мыслишки о статье, которую, как **назло**, недавно он всучил Михаилу Александровичу для напечатания в журнале* (Булгаков).

Представленная функционально-коммуникативная система русских наречий отличается от известных нам традиционных классификаций и является, на наш взгляд, грамматически значимой, так как отражает не только семантические особенности наречий, но и связанный с семантикой их синтаксический потенциал, закономерности их употребления в речи.

3. Некоторые этапы работы над составлением реестра русских наречий. Источники

3.1. «Грамматический словарь» А. А. Зализняка

Чтобы составить реестр русских наречий, мы для начала обратились в Лабораторию компьютерной лексикографии филологического факультета МГУ к доктору филологических наук профессору О. В. Кукушкиной (заведующий лабораторией – проф. А. А. Поликарпов), которая нам предоставила список наречий из «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка, составляющий 1378 лексем.

Беглого взгляда было достаточно, чтобы сразу стало ясно, во-первых, что этот перечень является далеко не полным, во-вторых, что он отличается некоторой непоследовательностью.

Непоследовательность в представлении наречий в «Грамматическом словаре» заключается в следующем.

1. Непоследовательность в представлении наречий на *-о (-е)*.

В «Грамматическом словаре» непоследовательно представлены отглагольные наречия на *-о (-е)*. Это означает, что часть наречий на *-о (-е)* в словаре представлена (*больно, важно, весело, глупо, опасно* и др.), однако другая часть лексем, причём широко употребительных, в словаре отсутствует (*близко, высоко, далеко, низко, широко, узко* и мн. др.).

2. Непоследовательность в представлении наречий модели *В-...-КУ*.

В словаре непоследовательно представлены отглагольные наречия, образованные по модели *В-...-КУ*: *внакидку, внакладку, внатяжку, внахлёстку, вприкуску, вприпрыжку, вприсядку* есть, а *внаклейку, внаклонку, внарезку, внасмешку* – нет.

3. Непоследовательность в представлении наречий модели *ПО-...-СКИ*.

У Зализняка непоследовательно представлены отадеквативые наречия, образованные по модели *ПО-...-СКИ*: *по-божески, по-братски, по-свински, по-скотски* есть, а *по-жителейски, по-королевски, по-ленински, по-московски, по-пушкински, по-русски* – нет.

4. Непоследовательность в представлении компаративов.

Непоследовательно даны и некоторые компаративы:

1) например, непоследовательно представлены компаративы-деадвербативы: положительная степень в перечне присутствует, а компаратив, мотивированный ею, отсутствует, например:

- а) *опасно* есть, а *опаснее* – нет;
- б) *просто* есть, а *проще* – нет;
- в) *тепло* есть, а *теплее* – нет и т. д.;

2) непоследовательно представлена и положительная степень: компаратив-деадвербатив присутствует, а положительная степень наречия отсутствует:

- а) *выше* есть, а *высоко* – нет;
- б) *ниже* есть, а *низко* – нет;
- в) *дальше* есть, а *далеко* – нет и т. д.;

3) в антонимических парах компаративов один член пары присутствует, а второй отсутствует:

- а) *больше* есть, а *меньше* – нет;
- б) *дальше* есть, а *ближе* – нет и т. д.;

4) у некоторых наречий отсутствует как положительная степень, так и компаратив: так, нет ни *близко*, ни *ближе*.

5. Непоследовательность в представлении наречий со значением слабой выраженности признака.

В «Грамматическом словаре» непоследовательно даны наречия, образованные при помощи суффикса со значением слабой степени выраженности признака *-оват-*. В одних случаях представлены и исходное наречие, и мотивированная исходным наречием лексема: *жутко* – *жутковато*, *мало* – *маловато*, в других отсутствует либо исходная лексема, либо её дериват, в третьих не представлено ни то, ни другое:

1) лексема исходного наречия представлена, а дериват отсутствует:

- а) *глупо* есть, а *глуповато* – нет;
- б) *грустно* есть, а *грустновато* – нет;
- в) *жарко* есть, а *жарковато* – нет и т. д.;

2) дериват присутствует, а исходная лексема отсутствует:

- а) *многовато* есть, а *много* – нет;
- б) *страшновато* есть, а *страшно* – нет и т. д.;

3) у некоторых наречий отсутствует как исходная лексема, так и дериват:

- а) нет ни *близко*, ни *близковато*;

- б) нет ни *далеко*, ни *далековато*;
- в) нет ни *мокро*, ни *мокровато*;
- г) нет ни *сухо*, ни *суховато* и т. д.

6. Непоследовательность в представлении диминутивов.

В словаре непоследовательно даны лексемы наречий с уменьшительно-ласкательными суффиксами. В одних случаях представлены и исходное наречие, и диминутив: *давно* – *давненько*, в других отсутствует либо исходная лексема, либо её дериват:

1) диминутив в словаре присутствует, а исходное наречие отсутствует:

- а) *смирненько* есть, а *смирно* – нет;
- б) *тихонько* есть, а *тихо* – нет;
- в) *тихонечко* есть, а *тихо* – нет и т. д.;

2) исходное наречие присутствует, а дериват отсутствует:

- а) *горько* есть, а *горьконько* – нет;
- б) *грустно* есть, а *грустненько* – нет.

7. Непоследовательность в представлении редуцированных лексем.

Непоследовательно в «Грамматическом словаре» даны и наречные повторы, или редуцированные лексемы. В одних случаях представлены как исходная лексема, так и редуцикат: *видимо* – *видимоневидимо*, *волей* – *волей-неволей*, *всего* – *всего-навсего*, *давно* – *давным-давно*, *едва* – *едва-едва*, *еле* – *еле-еле*, в других отсутствует либо исходное наречие, либо редуцикат:

1) исходное наречие присутствует, а редуцированная лексема отсутствует:

- а) *больно* есть, *больно-больно* – нет;
- б) *весело* есть, а *весело-весело* – нет;

2) редуцикат представлен, а исходное наречие отсутствует:

- а) *крепко-накрепко* есть, а *крепко* – нет;
- б) *строго-настрого* есть, а *строго* – нет.

3) одна модель редупликации представлена (или представлены две модели), а другая (третья и т. д.) отсутствует: *мало*, *мало-помалу*, *маломальски* есть, а *мало-мало* – нет;

8. Непоследовательность в представлении наречий с частицами *кое-*, *кой-*.

Непоследовательно в словаре даны и местоименные наречия, образованные при помощи частиц *кое-*, *кой-*: одни наречия представлены, другие – нет:

1) непоследовательность в представлении наречий с частицей *кое-*: *кое-где*, *кое-как*, *кое-куда* есть, а *кое-когда*, *кое-откуда*, *кое-сколько* – нет;

2) непоследовательность в представлении наречий с частицей *кой-*: *кой-где*, *кой-как*, *кой-куда* есть, а *кой-когда*, *кой-откуда*, *кой-сколько* – нет.

9. Непоследовательность в представлении стилистических вариантов наречий.

Непоследовательность в представлении стилистических вариантов заключается в том, что стилистически сниженная лексема представлена, а её нейтральный вариант отсутствует. Например, *супротив* есть, *против* – нет.

10. Смещение категориального статуса и позиционного потенциала лексем.

Кроме того, в «Грамматическом словаре» разведены наречия, предикативы и вводные слова. Это значит, что А. А. Зализняк принципиально не различает категориальный статус слова (частеречную принадлежность) и синтаксическую позицию. Наречия же, как известно, способны занимать и присловную, и предикативную позиции, и позицию вводного слова².

В нашем реестре наречия из словаря А. А. Зализняка выделены прописными буквами.

3.2. «Наречная темпоральность и её речевые реализации»

Ф. И. Панкова

В приложении к своей кандидатской диссертации 1997 года мы представили словник темпоральных наречий русского языка, составляющий 589 лексем. Он содержит как собственно темпоральные наречия, так и наречия, включающие наряду с временным другими компоненты значения. Мы посчитали возможным включить в перечень и устарелые, и даже диалектные наречия. Алфавитный список снабжён стилистическим комментарием. Безусловно, данный словник является далеко не полным, так как ограничивается только одним семантическим разрядом – темпоральными наречиями.

3.3. «Семантика наречий и адвербиальных выражений»

М. В. Филипенко

М. В. Филипенко в двух приложениях своей монографии 2003 года представила достаточно обширный алфавитный список наречий образа действия. Их она делит на лексемы с плавающей сферой действия и с фиксированной сферой действия. К сожалению, несмотря на обширность перечня, он не лишён недостатков (применительно к нашим задачам), часть из которых, возможно, носит чисто технический характер.

² См. об этом ниже и, например, в [Всеволодова 2000, Панков 2003].

1. М. В. Филипенко в соответствии с собственными задачами ограничила перечень только одним семантическим разрядом – наречиями образа действия.

2. Лексемы в перечне не пронумерованы, из-за чего порой допускаются повторения лексем. Так, наречие *вполголоса* в одном и том же списке упоминается два раза: один раз – после *вполглаза*, второй – после *впросонках*.

3. Алфавитный принцип соблюдается не всегда строго, что затрудняет поиски лексем:

- 1) наречие *вертикально* стоит после *весомо*,
- 2) наречие *безответно* – после *безотрывно*,
- 3) наречие *небезынтересно* – после *небережливо*,
- 4) наречие *худо* – после *хулигански* и т. д.

4. Разные ЛСВ одного и того же наречия выделяются как различные лексемы. Например:

1) наречие *душевно* представлено в виде двух лексем: *душевно₁* (*душевно обессилел*) и *душевно₂* (*душевно рад*);

2) наречие *жарко* представлено в виде двух лексем: *жарко₁* (*жарко пекло солнце*) и *жарко₂* (*жарко поцеловал*).

5. Не различаются буквы Е и Ё, что затрудняет адекватное восприятие некоторых лексем (*жЕлчно* или *жЁлчно?*).

Мы подсчитали, что наречий образа действия с плавающей сферой действия оказалось 497, а наречий с фиксированной сферой действия – 1771. Всего в двух приложениях насчитывается 2268 лексем наречий.

4. Предварительные замечания к реестру русских наречий

Составленный нами реестр русских наречий включает около 6 000 лексических единиц. Хотя мы и стремились к полноте, видимо, создание исчерпывающего, закрытого перечня наречий в принципе невозможно по нескольким причинам.

1. Наречия представляют собой открытую систему, которая подвижна, изменяема. Это вызвано различными процессами.

1) Реестр пополняется за счёт появления новых лексем в общелитературном языке. Продуктивными являются, в частности, следующие словообразовательные модели, особенно характерные для отадеквативных наречий:

а) модель *ПО-...-СКИ*: *по-бунински*, *по-гоголевски*, *по-джентльменски*, *по-крылатски*, *по-лермонтовски*, *по-ломоносовски*, *по-пушкински* и т. д.;

б) модель *ПО-...-ОМУ (-ЕМУ)*: *по-быстрому*, *по-давнему*, *по-заграничному*, *по-международному*, *по-простому*, *по-родственному* и т. д.;

в) модель ...-СКИ: *диахронически, культурно-этнически, мировоззренчески, ономаσιологически, семасиологически, терапевтически* и т. д.

2) Реестр пополняется за счёт образования новых наречий в ограниченных сферах употребления, в частности в научной, в профессиональной, а также в просторечии, в аргументе, в сленге: *аквамариново, бермудно, бетонно, гали□мо, готично, фиолетово* и др.

2. Из употребления постепенно уходят устаревшие лексемы: *веснусь, вечор, днесь, летось* и др., однако мы посчитали возможным их включить в реестр.

Мы включили в реестр наречия, которые способны употребляться в предикативной позиции, – т. н. категорию состояния, или предикативы: *можно, надо, нужно, необходимо, нельзя*, а также *жаль, тепло, холодно, жарко* и др. Кроме того, в реестр включены модальные (вводные) слова: *безусловно, возможно, конечно, вероятно, очевидно* и др. Это вызвано тем, что предикативность и вводность рассматриваются нами как разновидности синтаксических позиций словоформ, в том числе адвербиальных, но не как категориальный грамматический статус.

Наречие, как известно, способно выступать как в присловной, так и в неприсловной позициях. Выступая в неприсловной позиции, наречие употребляется либо в обусловленной позиции вне предикативной пары предложения, либо в составе предикативной пары.

Вне предикативной пары наречие выступает в функции вводного слова:

а) в качестве компонента той же пропозиции:

В декабре 1829 г. вышла (анонимно) знаменитая «Физиология брака» Бальзака, о которой Пушкин упоминает в «Египетских ночах» (Ахматова – Национальный корпус русского языка (НКРЯ);

б) в качестве компонента другой пропозиции: *Иван Иванович, бесспорно, очень умный человек.*

В составе предикативной пары наречие может быть либо предикатируемым, либо предикатирующим компонентом:

а) наречие в качестве предикатируемого компонента³: *Скоро новоселье; За³втра – / отъе¹зд.* Ср. невозможность данной позиции для темпорального *близко*: **Близко ве¹чер;*

б) наречие в качестве предикатирующего компонента: *Отъе³зд – / за¹втра; Вечер бли¹зко; Клыки наголо! Мне тепло; По Европе на халыву* (Отечественные записки, 2003 – НКРЯ).

³ Все примеры из звучащей речи снабжены интонационной транскрипцией по Е. А. Брызгуновой. Отсутствие интонационной транскрипции означает, что пример взят из письменного источника.

В реестр включены и компаративы, хотя их морфологическая природа ещё до конца не выяснена: одни различают компаративы наречий (компаративы-деадвербативы) и прилагательных (компаративы-деадъективы), другие считают компаративы отдельной частью речи. С нашей точки зрения, компаратив – синтетическая форма, в которой неразрывно, недифференцированно сочетаются признаки и наречия, и прилагательного.

В реестр включены наречия, пишущиеся как слитно, так и раздельно. Орфография – конвенциональный вопрос, поэтому слитное и раздельное написание не может служить критерием верификации наречий. Хотя слитное написание, безусловно, превалирует, тем не менее возможно и раздельное: *без умолку, в насмешку, в розницу, меж тем, между тем, на ощупь, на халяву, не спеша*. В нашем реестре лексемы расположены по алфавиту независимо от их орфографических особенностей.

Если в графе «Примеры, примечания» указано «пока примеров нет», это значит, что либо нами просто не было найдено примеров употребления данной лексемы, либо мы гипотетически предполагаем наличие данного наречия в языке, однако в реальной речевой практике его употребление ещё не отмечено.

5. Реестр русских наречий. Фрагмент. Наречия на букву А

Наречия	Примеры, примечания
1. абиогенно	<i>Абиогенно можно получить простейшие аминокислоты</i> (Интернет)
2. абсолютистски	<i>... категории, которые мы упомянули выше только как пример абсолютистски понимаемой эстетики Аристотеля ...</i> (Лосев)
3. абсолютнее	компаратив: <i>Ещё абсолютнее согласен с теми, кто заметил о малой вероятности успешного применения метательных ножей при самообороне</i> (Интернет)
4. абсолютно	<i>Человек может быть абсолютно счастлив только тогда, когда он не знает сомнений</i> (Известия, 27.07.01 – НКРЯ)
5. абстрактнее	<i>Но если ты не можешь мыслить абстрактнее... объясняю – Если надо, размер на ограничение увеличивается</i> (Интернет)
6. абстрактно	<i>Мы больше не занимаемся проблемами бедности абстрактно</i> (Известия, 01.06.03)
7. абсурднее	<i>А вообще переделки иностранных хитов чем абсурднее звучат на русском, тем лучше получаются</i> (Интернет)
8. абсурдно	<i>Крым с Чечней женить абсурдно</i> (Интернет)

9. авангарди□стски	Он (спектакль – Ф.П.) был поставлен дос- таточно авангардистски ... (Катанян)
10. аванга□рднее	Фасад по Казачьему переулку выглядит авангарднее за счёт сплошного остекления лоджий (Интернет)
11. аванга□рдно	Вирджиния Вульф ... в 60-е стала знаменем авангардно настроенного нового радикали- зма и феминизма (Известия, 14.02.03)
12. АВА□НСОМ	... отпуск предоставляется ему авансом (Известия, 02.04.02 – НКРЯ)
13. аванга□жнее	Честно говоря, чёрно-белый вариант вы- глядел авантажнее ... (Интернет)
14. аванга□жно	... куний и беличий меха весьма непрочны, но очень авантажно смотрятся (Интер- нет)
15. авантюристи□чески	... в крупных городах к власти могут прийт- ти авантюристически настроенные лич- ности ... (Интернет)
16. авантюристи□чнее	Чем ближе подходит Луна к Земле, тем рискованнее и авантюристичнее склады- вается жизнь (Интернет)
17. авантюристи□чно	Бизнесмен действовал во многом авантюристично (Интернет)
18. авантю□рнее	Поэтому нужны футболисты, которые за- ставят на поле двигаться быстрее, играть авантюрнее (Интернет)
19. авантю□рно	Совершенно авантюрно выбрал маршрут для возвращения (Интернет)
20. авари□йнее	Практически в два раза аварийнее стали работать путейцы (Интернет)
21. авари□йно	В Израиле аварийно сел самолёт, летевший в Париж (Интернет)
22. аво□сь	разговорное: Мужик этот ... готов скакать со мной хоть на край света и за все что угодно – « авось не обидите!» (Бу- нин)
23. аво□сь-ли□бо	просторечное: Авось-либо и Чёрное море хоть сколько-нибудь будет похоже на Сре- диземное (Интернет)
24. аво□сь-нибу□дь	просторечное: А вы да суть обсасывайте , невидну суть. Авось-нибудь? (Интернет)
25. авра□льнее	Царское Село возрождается до сих пор: казалось бы, можно решить вопрос « ав- ральнее »? (Интернет)
26. авра□льно	Дворцовый мост закроют аврально (Ин- тернет)

27. автобиографи□чески	<i>Последний стих оригинален и звучит автобиографически (Интернет)</i>
28. автобиографи□чно	<i>О себе? Не, о себе я не писал, хотя получилось весьма автобиографично в смысле слот-хистори (Интернет)</i>
29. автоге□ном	<i>– Как же мне решить это дело? – Автогеном (Словарь русского арго)</i>
30. автократи□чески	<i>Суверен должен править автократически (Интернет)</i>
31. автократи□чно	<i>Это был сильный и властный человек, и он повёл себя весьма автократично (Интернет)</i>
32. автолюби□тельски	<i>Если коротко сказать – то всё прошло ровно и спокойно, по-настоящему автолюбительно... (Интернет)</i>
33. автомати□чески	<i>Сайт формируется полностью автоматически... (Интернет)</i>
34. автоматизи□рованно	<i>Хочется автоматизированно обновлять данные в любом электронном документе (Интернет)</i>
35. автомати□чнее	<i>Чем автоматичнее двигалось тело, тем меньше находилось аргументов для жизни (Интернет)</i>
36. автомати□чно	<i>... драки перестают выглядеть сильно автоматично (Интернет)</i>
37. автома□том	<i>Я с фонетикой автоматом отстрелялся (Словарь русского арго)</i>
38. автоно□мнее	<i>... скоро будет найден способ заряжать аккумуляторы или источники питания гораздо быстрее и автономнее (Интернет)</i>
39. автоно□мно	<i>Городские больницы в Твери будут работать автономно (Интернет)</i>
40. автопило□тно	<i>Кстати, прислушиваясь к самой себе, совершенно автопилотно, я уже очень давно так делаю в обед (Интернет)</i>
41. автопило□том	<i>Первые несколько часов путешествия проходят автопилотом (Интернет)</i>
42. авторитари□стски	<i>Авторитаристски – нареч. 1. Как свойственно авторитаризму, как характерно для него (НСРЯ): пока примеров нет</i>
43. авторита□рнее	<i>Так вот он воспитывает сына авторитарнее всех (Интернет)</i>
44. авторита□рно	<i>Влияние «оранжевой революции» может вскоре вызвать дестабилизацию ситуации в авторитарно управляемой Белоруссии Лукашенко (Интернет)</i>

45. авторите□тнее	<i>В том, что автор анекдота остаётся за кадром, есть своя мудрость – авторитетнее выглядит ... (И. Кио – НКРЯ)</i>
46. авторите□тно	<i>Всякий дипломированный психиатр авторитетно подтвердит ... (Интернет)</i>
47. а□вторски	<i>Все представленные работы защищены авторски (Интернет)</i>
48. автосто□пом	<i>... путешествовать по миру автостопом с крысой на плече куда легче ... (НКРЯ)</i>
49. ага□мно	<i>Это облигатно агамно размножающееся животное-клетка (Интернет)</i>
50. агглютинати□вно	<i>Но то, что «не» – это аффикс, участвующий агглютинативно в образовании слова, – надеюсь, возражений нет? (Интернет)</i>
51. агенти□вно	<i>... актант глагола типа «падать» может интерпретироваться как пациентивно, так и агентивно (Интернет)</i>
52. аге□нтски	<i>Рефлектировать глобально, структурально или агентски – какая разница? (Интернет)</i>
53. агенту□рно	<i>Америкосы тоже «отслеживали ситуацию агентурно и со спутников» (Интернет)</i>
54. агиографи□чески	<i>Филологически это одно и то же имя, а вот агиографически это разные имена ... (Интернет)</i>
55. агита□торски	<i>Комиссия действовала не только беспощадно, но, можно сказать, агитаторски ... (Интернет)</i>
56. агресси□внее	<i>И чем ограниченнее возможности ребенка ... тем амбивалентнее, что называется, агрессивнее окрашиваются его отношения с тем родителем, с которым он живёт (Интернет)</i>
57. агресси□вно	<i>Ford продолжает агрессивно сокращать расходы (Интернет)</i>
58. агроклимати□чески	<i>Фермеры даже в агроклиматически благоприятных зонах находятся на господации (Интернет)</i>
59. агрономи□чески	<i>К тому же они обладают рядом других агрономически важных преимуществ (Интернет)</i>
60. агротехни□чески	<i>От того, насколько агротехнически грамотно и в срок они будут засеяны, зависит судьба урожая 2005 года (Интернет)</i>
61. агрохими□чески	<i>Есть предпосылки к созданию агрохимически эффективных сортов (Интернет)</i>
62. АДА□ЖИО	<i>специальное: Но нельзя же быть до конца</i>

	уверенным, что автор Шестой симфонии, с её замирающим дрожанием струнных в финале-адажио, был совершенно чужд подобной «проблематике» (Васильева)
63. адали□	диалектное: Шерсть такая, ну адали шёлк (Даль)
64. адапти□вно	Программа на автомате адаптивно управляет сложные сюжеты (Интернет)
65. адапти□рованно	Ведь до пяти лет ребёнок в своём развитии проходит такой гигантский этап, который позволяет ему адаптированно существовать в мире взрослых (Интернет)
66. адвербиа□льно	... конечно, здесь соответствующие слова можно понять и адъективно, и адвербиально (Интернет)
67. адвока□тски	Если адвокатски говорить и по библии, то светлые могут делать только то, что прямо указано как добро... (Интернет)
68. адекватнее	Она ... отдавала предпочтение переводам Лозинского, адекватнее передающим текст (Найман – НКРЯ)
69. адекватно	К олигархам надо адекватно относиться (Газета, 20.06.03 – НКРЯ)
70. адено□идно	Для каждого размещённого произведения можно добавлять рецензии и выставлять оценки, весьма аденоидно и полипно (Интернет)
71. а□дли	диалектное: Адли наша узья! (Даль)
72. административнее	Правда Лужков действует постепеннее, административнее (Интернет)
73. административно	... наша акция приилась здесь очень кстати, хотя мы административно не подчиняемся Минздраву (Известия, 06.09.02 – НКРЯ)
74. администраторски	В обычной школе учитель администраторски требует послушания и выполнения утверждённых заданий (Интернет)
75. адмиральски	И за чин по отставке лампаса в адмиральски пожизненный спурт лейтенантов из сельских подпасков высекает позёмочный прут (Интернет)
76. адопти□вно	... могла быть адоптивно перенесена интактным иммунокомпетентным мышам (Интернет)
77. адренали□ново	Иногда довольно адреналиново получается, особенно если жена застукивает (Интер-

	нет)
78. адреса□тно	<i>Адресатно</i> ориентированные учебники риторики получили широкое распространение в России (Интернет)
79. а□дреснее	... логичнее, адреснее было бы заручиться согласием на посещение борта лайнера у нового хозяина (Интернет)
80. а□дресно	Пенсионный фонд России 45 субъектам РФ адресно выделяет в 2004 году 8 млрд рублей ... (Интернет)
81. А□ДСКИ	Молодой ... с громом откидывает заслонку топки, откуда адски вырывается красный огонь... (Бунин)
82. адъекти□вно	... конечно, здесь соответствующие слова можно понять и адъективно , и адвербиально (Интернет)
83. адю□льтерно	Немножко адюльтерно , в общем ... (Интернет)
84. ажиота□жно	В Крыму вкладчики ажиотажно снимают деньги со счетов (Интернет)
85. ажү□рно	На фоне довольно ажүрно выполненной модели обращает на себя внимание мутноватый фонарь (Интернет)
86. аза□ртнее	Чем беднее становится армия, тем азартнее она грабит саму себя (Баранец – НКРЯ)
87. аза□ртно	Сегодня и государственные, и коммерческие вузы азартно открывают свои филиалы по всей территории России (Известия, 17.09.02)
88. а□збучно	То есть привела азбучно известный факт в форме шутки (Интернет)
89. академи□чески	Юристы теперь будут мыслить академически (Интернет)
90. академи□чнее	Вышло у него там академичнее , чем ему думалось, и он задержался (Интернет)
91. академи□чно	Говорят, постановочному факультету Школы-студии при МХАТе он то же самое трактовал совсем иначе — фактологически, аналитически и даже академично (Смехов)
92. аквамари□ново	Аквамариново получилось (Интернет)
93. акваре□льнее	... тут немного потерялось из-за уменьшения, на 130 кБ смотрится чуть акварельнее (Интернет)
94. акваре□льно	Действительность начала акварельно расплываться (Интернет)

95. аква □ риумно	На «Лилит» эта песня звучит не столь аквариумно , что неудивительно (Интернет)
96. акклиматизаци □ нно	Вечером – сборы на Приют-11 с целью акклиматизационно там поспать (Интернет)
97. акко □ рдно	Дружинники были посмышлёнее Яги, этой же самой дверцей поддали мне, аккордно , по спине и под зад... (Маканин – НКРЯ)
98. акко □ рдово	Они поют церковные песнопения в академической манере, поют аккордово ... (Интернет)
99. аккредити □ вно	В случае договорённости готовы оплачивать аккредитивно через Сбербанк (Интернет)
100. аккумуляли □ рованно	И непонятно, почему нельзя заплатить налоги аккумуляированно , а государство пусть уже перераспределяет средства (Интернет)
101. аккура □ т	наречный конкретизатор предлога: Закончили аккурат к праздникам (Интернет)
102. аккурати □ стски	Аккуратистски вычерченные им квадратуры ... достаточно точно отображали все основополагающие события... (Интернет)
103. аккура □ тнее	компаратив: Аккуратнее , до весны ещё далеко (Телегид «АрбатПрестиж», 2005, № 6)
104. аккура □ тненько	Идут альпинеры по леднику, один упал и аккуратненько съехал в трещину (Интернет)
105. аккура □ тно	Печатаем бережно и аккуратно (Интернет)
106. акмеисти □ чески	Его произведения акмеистически вещицы, значительны ... (Интернет)
107. акмеисти □ чно	Вечер удался, было не скучно, внятно, многообещающе, ностальгично, акмеистично и, что самое важное, прилично (Интернет)
108. акмеи □ стски	Именно она заставила по-иному – уже не символистски и не акмеистски , а реалистически – увидеть мир (Интернет)
109. акробати □ чески	На камне, напоминающем водную гладь, акробатически изогнув хвосты, застыли рыбы (Интернет)
110. акробати □ чно	Изобретательно, плотно, акробатично , динамично – для характеристики новых танцев стреляют все наречия из старой

	<i>доброй обоймы (Интернет)</i>
111.аксессуарно	<i>Эпоха должна быть костюмно и аксессуарно воссоздана в деталях (Интернет)</i>
112.аксиоматически	<i>Кривые реакции такой системы задаются аксиоматически (Интернет)</i>
113.аксиоматично	<i>Различия в мужской и женской анатомии пока объясняю только аксиоматично (Интернет)</i>
114.аксиомно	<i>Либо просто аксиомно поверить в то, что труд сделал из обезьяны человека, либо усомниться ... (Интернет)</i>
115.актёрски	<i>Спектакль этот актёрски должен расти (Интернет)</i>
116.активационно	<i>Эффективное время релаксации для ДС активационно зависит от температуры (Интернет)</i>
117.активизированно	<i>По попадании в ум еды ум начинает активизированно её переваривать (Интернет)</i>
118.активистски	<i>... особое внимание уделялось активистски ориентированным группам (Интернет)</i>
119.активнее	<i>Португалия будет активнее участвовать в разрешении конфликта (Интернет)</i>
120.активно	<i>Политику, направленную на создание альянсов, активно проводят авиационные власти ... (Известия, 19.01.03 – НКРЯ)</i>
121.актуальнее	<i>Чем ближе 1 сентября, тем актуальнее звучат проблемы подготовки ... к новому учебному году (Интернет)</i>
122.актуально	<i>Отдыхать красиво – это актуально ... (Интернет)</i>
123.акустически	<i>... используется усилительный элемент, состоящий из двух механически или акустически связанных преобразователей (Интернет)</i>
124.акустичнее	<i>Так же, я всегда стараюсь играть как можно «акустичнее», держа микрофон в руке (Интернет)</i>
125.акустично	<i>... кроме пьезо никаких датчиков нет, и при этом звучат они очень «акустично», просто супер (Интернет)</i>
126.акушерски	<i>... которая ведёт женщину всю беременность, наблюдает акушерски и психологически и потом помогает ей (Интернет)</i>
127.акцентированнее	<i>ЦСКА по-прежнему атакует больше и акцентированнее (Интернет)</i>
128.акцентированно	<i>Заседание правительства ... было специ-</i>

	<i>ально создано, чтобы акцентированно повернуться лицом к народу</i> (Интернет)
129. акце□нтно	<i>В примере В нашей группе один Петя сдал экзамен ... акцентно выделено имя Петя</i> (отзыв о диссертации, 2004)
130. акцентологи□чески	<i>В русском языке развитая система словообразования, включающая в себя систему акцентологически отмеченных суффиксов</i> (Интернет)
131. акциона□льно	<i>... визуально и акционально передать признак можно, только представив объект, которому он присущ</i> (Интернет)
132. аланда□сь	диалектное (Даль): пока примеров нет
133. аланды□сь	диалектное (Даль): пока примеров нет
134. аларми□стски	<i>Заключительная нота данного интервью звучит алармистски</i> (Интернет)
135. алгебраи□чески	<i>Что значит определить объект алгебраически?</i> (Интернет)
136. алгоритми□чески	<i>Утверждение о существовании алгоритмически неразрешимых проблем является весьма сильным</i> (Интернет)
137. алгоритми□чно	<i>Мозг работает алгоритмично</i> (Интернет)
138. алгоголи□чески	<i>Тебе действительно интересно, кто сделал алгоголически помешанный сайт?</i> (Интернет)
139. алгого□льно	<i>Сорок капель – алгогольно независимый клуб</i> (Интернет)
140. аллегори□чески	<i>Острие (пирамида) аллегорически символизирует знания, мудрость, точные науки</i> (Интернет)
141. аллегори□чнее	<i>Ещё «аллегоричнее» будет заклеймён поверженный польский король: ему предстоит по-собачьи кусать руку казака</i> (Интернет)
142. аллегори□чно	<i>... он где-то между твёрдым и газообразным, аллегорично говоря, между телом и пространством ...</i> (Интернет)
143. АЛЛЕГРЕ□ТТО	специальное: <i>Аллегретто₂</i> – нареч., оживлённо, умеренно быстро, грациозно (о темпе исполнения музыкального произведения) (НСРЯ): пока примеров нет
144. АЛЛЕ□ГРО	специальное: <i>Аллегро₂</i> – нареч., быстро, оживлённо, весело (о темпе исполнения музыкального произведения) (НСРЯ): «Прелюдия-аллегро Пуниани-Крейслер» (Утесов – НКРЯ)

145.аллерги□чески	<i>Если вы аллергически реагируете на косметику, можно посоветовать следующее ... (Интернет)</i>
146.аллерги□чно	<i>Грюг аллергично закашлял (Интернет)</i>
147.аллю□ром	<i>Ну-ка аллюром отсюда! (Словарь русского арго)</i>
148.алма□зно	<i>Алмазно – нареч. 1. Блеском и игрой света напоминающая алмаз (НСРЯ): пока примеров нет</i>
149.а□ло	<i>Ало – нареч. 1. Выделяясь ярко-красным цветом (НСРЯ): пока примеров нет</i>
150.алогически	<i>Теперь я понимаю, почему основная масса населения мыслит алогически (Интернет)</i>
151.алогично	<i>Сегодня рынок ведёт себя алогично (Интернет)</i>
152.алта□рно	<i>Алтарно белы одеяния (Интернет)</i>
153.алхимически	<i>Художественную ценность игра обретает как-то алхимически случайно (Интернет)</i>
154.алхимично	<i>... различив в центре приближающегося мини-торнадо крошечное, алхимично разряженное существо ... (Интернет)</i>
155.а□лчнее	<i>Правда, женщины бывают настроены агрессивнее, алчнее мужчин (Интернет)</i>
156.а□лчно	<i>Брыскин плотно, алчно захватил бутылочное горло ртом ... (Маканин – НКРЯ)</i>
157.альбо□мно	<i>Очень хочу поработать со студией или с исполнителем альбомно, поскольку материала готового предостаточно (Интернет)</i>
158.альвеоля□рно	<i>Частицы МАА не проникают в паренхиму лёгких (интерстициально или альвеолярно) ... (Интернет)</i>
159.алько□вно	<i>Кровать альковно тлела (Интернет)</i>
160.альма-ма□терно	<i>... и альма-матерно в душе (Интернет)</i>
161.альпи□йски	<i>Операционный стол ослепительный, альпийски холодный (Интернет)</i>
162.альпини□стски	<i>Это была опасная тема, прямо-таки альпинистски рискованная ... (Интернет)</i>
163.АЛЬСЕ□ККО	<i>специальное: ... живопись выполняли по сухой штукатурке (альсекко) (Интернет)</i>
164.альтернати□вне	<i>Представляешь, мы стали звучать значительно альтернативнее (Интернет)</i>
165.альтернати□вно	<i>Кому служить альтернативно – решит военкомат (Интернет)</i>
166.а□льтово	<i>Альтово звучащая струна Хроноса Любви накрылась оболочкой пепельного инея ...</i>

	(Интернет)
167.альтруисти□чески	<i>А кто-нибудь умеет любить альтруистически, ничего не требуя ...</i> (Интернет)
168.альтруисти□чно	<i>... действительно, реально, практически можно любить чисто, красиво, альтруистично</i> (Интернет)
169.АЛЬФРЕ□СКО	<i>... как святые, написанные альфреско на стене подмосковного пейзажа с сельским кладбищем...</i> (Катаев – НКРЯ)
170.аляпова□тее	<i>Почему-то всем начинающим дизайнерам кажется, что чем аляповатее будет выглядеть сайт, тем лучше</i> (Интернет)
171.аляпова□то	<i>Как-то, возвратившись домой, мы обнаружили аляповато замазанные, но не заштукатуренные пятна ...</i> (Воронель – НКРЯ)
172.амальга□мно	<i>Ян увидел, что прибрежная трава амальгамно шелушит свою темноту ...</i> (Интернет)
173.амбивале□нтнее	<i>И чем ограниченнее возможности ребенка ... тем амбивалентнее ... окрашиваются его отношения с тем родителем, с которым он живёт</i> (Интернет)
174.амбивале□нтно	<i>Реальность, пренебрегая деталями, амбивалентно индуцирует интеллект</i> (Интернет)
175.амбицио□знее	<i>Жить стало лучше, веселее, амбициознее</i> (Интернет)
176.амбицио□зно	<i>... тот амбициозно запросил половину обещанного издателем гонорара ...</i> (Юзефович)
177.амбицио□нно	<i>Губернатор принял замечание весьма амбиционно</i> (Лесков)
178.амбразу□рно	<i>Привет и амбразурно здравствуйте</i> (Интернет)
179.амбулато□рнее	<i>... направить меня в медучреждение, где вам удобнее и быстрее, амбулаторнее пройти обследование</i> (Интернет)
180.амбулато□рно	<i>В Архангельске в клинику его не пустили, так он делал довольно сложные операции амбулаторно</i> (Амосов – НКРЯ)
181.амво□нно	<i>... лица амвонно светлеют ...</i> (Интернет)
182.амёбно	<i>Модель поведения влюблённого романтика амёбно проста ...</i> (Интернет)
183.амёбови□дно	<i>... отрицательно заражённые эпителиальные клетки мальпигиевого слоя амёбовидно передвигаются ...</i> (Интернет)
184.амёбообра□зно	<i>Я расслабил модный когда-то галстук,</i>

	потянулся амёбообразно и задремал (Интернет)
185.американизир о ванно	Директор должен говорить слегка то ли приблатнённо, то ли американизованно (Интернет)
186.амети о сто	Получат вдруг травму ваши звёзды, и всё станет аметистово пасмурно ... (Интернет)
187.ами н ь	церковное: Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь
188.амнисти о ванно	... если эти деньги возвращаются легально, амнистированно , то они как раз начинают работать на беднейшие слои ... (Интернет)
189.амора н ее	Быть может, для неё гораздо аморальнее жить с нелюбимым человеком ... (Интернет)
190.амора н о	Аморально извлекать максимальную выгоду на торговле столь социально значимым продуктом (Санкт-Петерб. ведомости, 22.07.03)
191.амор н о	А вот как бы так поженились, чтобы всё было аморно и авантажно, но без Менделсона (Интернет)
192.амортизацио н но	... обязательны хорошие (амортизационно не убитые) кроссовки ... (Интернет)
193.амор н ее	Куда аморфнее выглядел по сравнению с ним Обиора (Интернет)
194.амор ф но	Его сознание аморфно констатировало не оформленный пока словами факт неземной красоты девушки ... (Интернет)
195.ампи р но	Аксессуары тоже выглядят « ампирно » (Интернет)
196.амур н о	Эта история разворачивалась амурно и сумбурно (Интернет)
197.анабиоти ч ески	... в соседних комнатах анабиотически отдыхали оккультисты ... (Интернет)
198.анаго д ни	диалектное (Даль)
199.анагра м мно	... Набоков нарочито ввёл в английский вариант слово «book» (книга), ибо оно анаграммно содержится в его фамилии (Интернет)
200.анады с ь	диалектное (Даль)
201.анакреонти ч ески	... она толкнула его в прихожую, а оттуда, анакреонтически сощурился глаза, – в

	<i>башенку, после чего удалилась</i> (Интернет)
202.анализа□торски	<i>И наплевать, что Восток воспринимает человека анализаторски</i> (Интернет)
203.анализи□рованно	<i>... это мнение не с воздуха взялось, а обдуманно, анализированно ...</i> (Интернет)
204.аналити□чески	<i>... кто-то должен аналитически подойти к этому вопросу ...</i> (Эхо Москвы, 14.07.03)
205.аналити□чно	пока примеров нет
206.аналоги□чески	<i>Живот свяжем аналогически с физическим планом ...</i> (Интернет)
207.аналоги□чно	<i>Городское правительство собирается аналогично поступать с пятнами ...</i> (Интернет)
208.анальгези□рующе	<i>... действуют анальгезирующе и антиспастически</i> (Интернет)
209.анальгети□чески	<i>Все молекулы анальгетически активных опиатов имеют общие элементы</i> (Интернет)
210.ана□льно	<i>Но ничего страшного, вот вам свечи, принимайте анально</i> (Интернет)
211.анаме□дни	диалектное (Даль)
212.анамнести□чески	<i>Анамнестически и клинически ни у одного из больных не была выявлена хроническая венозная или артериальная недостаточность ...</i> (Интернет)
213.анамня□сь	диалектное: <i>Анамнясь удавиться тоже хотела, с верёвки сняли</i> (Достоевский)
214.анархи□стски	<i>Судьба сводит Улисса с анархистски настроенным семейством Флоссати ...</i> (Интернет)
215.анархи□чески	<i>Такое общество будет являть собой абсолютно анархически настроенное стадо</i> (Интернет)
216.анархи□чнее	<i>На площади Луговой в последние годы становится всё многолюднее и одновременно – анархичнее</i> (Интернет)
217.анархи□чно	<i>Панки более анархично настроены, чем хиппи, это выражено в их небрежном стиле</i> (Интернет)
218.ана□рхосиндикали□стски	<i>... мемуары о Февральской революции А. Шляпникова, меньшевистски и анархосиндикалистски интерпретирующие историю ...</i> (Интернет)
219.анатоми□чески	<i>Анатомически – нареч. 1. С точки зрения анатомии (НСРЯ): пока примеров нет</i>

220.анатоми□чно	пока примеров нет
221.ана□фемски	То, что мы анафемски талантливы, заметил еще Максим Горький (Интернет)
222.анафори□чески	специальное: ... большинство формальных средств, способных употребляться дейктически, могут также употребляться и аннафорически (Интернет)
223.анахронсти□чески	Алебарда фигурирует – анахронистически – в батальных сценах античности (Интернет)
224.анахрони□чески	Джип с открытым верхом оказался анахронически красив ... (Интернет)
225.анахрони□чнее	Чем анахроничнее выглядят такой «самодел» – тем лучше (Интернет)
226.анахрони□чно	А Сайков – типичный постмодернист с уже вышедшей из моды и потому анахронично неуместной иронией (Интернет)
227.анаэро□бнее	Что происходит в природе? Чем глубже, тем анаэробнее и анаэробнее ... (Интернет)
228.анаэро□бно	Поэтому организм работает «в долг», анаэробно (Интернет)
229.ангажи□рованно	В противном случае решения по авторству будут приниматься ангажировано ... (Интернет)
230.ангелоподо□бно	Девушка получилась ангелоподобно (Интернет)
231.а□нгельски	Подчас сердился Мейерхольд, но Маяковский был ангельски терпелив и вел себя как истый джентльмен (Анненков – НКРЯ)
232.анги□нно	Для каждого размещенного произведения можно ... выставлять оценки, ангинно , насморчно, гриппозно (Интернет)
233.англизи□рованно	Очень много имён собственных переведены чересчур англизировано (Интернет)
234.англома□нски	Как правило, Ф. превращались в развлечение части богатых образованных, англомански настроенных помещиков (Интернет)
235.англосаксо□нски	Поэтому некоторые люди при первой возможности её меняют на англосаксонски звучащую фамилию (Интернет)
236.англофи□льски	... англофильски настроенная императрица не оставляла меня наедине ... (Интернет)
237.англофо□бски	Все испанские газеты были настроены англофобски (Интернет)

238.англоязы□чно	... если уж хотели англоязычно выпендриться, так хоть бы писали без ошибок (Интернет)
239.АНДА□НТЕ	специальное (музыкальный термин): <i>Начинает внезапно и анданте</i> (Ерофеев – НКРЯ)
240.АНДАНТИ□НО	специальное (музыкальный термин): <i>Реприза андантино была очень хороша</i> (Интернет)
241.анекдоти□чески	<i>Закончился ужас почти анекдотически</i> (Интернет)
242.анекдоти□чно	<i>Почти анекдотично выглядит эта картинка ...</i> (Интернет)
243.анеми□чески	<i>Голос её становился все тише, глуше, глаза анемически закатывались</i> (Интернет)
244.анеми□чнее	<i>Музыку, не так давно, они обсуждали гораздо анемичнее</i> (Интернет)
245.анеми□чно	<i>... Ахматова в сравнении с Цветаевой тоже выглядела анемично ...</i> (Интернет)
246.анестези□рующе	<i>А дни действуют анестезирующе</i> (Интернет)
247.анималисти□чески	<i>В воззрениях древних душа истолковывалась анималистически ...</i> (Интернет)
248.анимали□стки	<i>Гляньте-ка анималистски</i> (Интернет)
249.анимисти□чески	<i>Пушкин заставляет нас их увидеть в чистом обличи, Тютчев – анимистически их почувствовать</i> (Интернет)
250.анке□тно	<i>Он действительно не лез ни в какие рамки, хотя внешне, анкетно, всё выглядело очень благопристойно</i> (Интернет)
251.анкла□вно	<i>Карабах более не может существовать анклавно</i> (Интернет)
252.аннотацио□нно	<i>А что про предыдущую книгу можете сказать аннотационно?</i> (Интернет)
253.анноти□рованно	<i>Это – общее количество материалов, размещённых напрямую или (аннотированно) через гиперссылки</i> (Интернет)
254.аннули□рованно	<i>... получил новый, старый с печатями аннулированно оставил ...</i> (Интернет)
255.анома□льное	<i>... мы развиваемся аномальнее соседей</i> (Интернет)
256.анома□льно	<i>Аномально тёплая зима меняет природу</i> (Интернет)
257.анони□мнее	<i>Путешествовать по Сети станет «анонимнее»</i> (Интернет)
258.анони□мно	<i>Настоящую помощь принято оказывать</i>

	<i>анонимно</i> (Известия, 02.06.03)
259.анорма□льнее	<i>Всё-таки после захода солнца физико-химические процессы в организме протекают анормальнее</i> (Интернет)
260.анорма□льно	<i>Компиляция завершилась анормально с кучей сообщений про сигнал 12М</i> (Интернет)
261.анса□мблево	<i>... уникальная способность музыкантов ансамблево слышать всю партитуру ...</i> (Интернет)
262.антагонисти□чески	<i>Препарат представляет собой микробную массу живых, антагонистически активных бифидобактерий</i> (Интернет)
263.антагонисти□чно	<i>... обе стороны так же настроены антагонистично друг против друга, как весной 1980 года</i> (Интернет)
264.антагони□стски	<i>Да, когда я буду злобным антагонистски настроенным бижоненом ...</i> (Интернет)
265.антиалкого□льно	<i>На мольбы о пощаде жестокая и антиалкогольно настроенная мама не реагирует ...</i> (Интернет)
266.антиамерика□нски	<i>Российская разведка ищет людей, которые настроены антиамерикански</i> (Интернет)
267.антиара□бски	<i>... который, судя по всему, не совсем нормален психически и настроен крайне антиарабски</i> (Интернет)
268.антибактериа□льно	<i>Все московские кондиционеры будут антибактериально обработаны</i> (Интернет)
269.антибиоти□чески	<i>Серебро действует антибиотически против многих простейших и даже вирусов</i> (Интернет)
270.антибуржуа□знее	<i>Кальмановский «мистер Икс», признаться, выглядит куда антибуржуазнее, чем предлагаемый нам фарс ...</i> (Интернет)
271.антибуржуа□зно	<i>Владелец концерна «Michelin» встречен антибуржуазно настроенными студентами и анархистами</i> (Интернет)
272.антивеще□ственно	<i>Рыжий. Спасибо. И антивещественно</i> (Интернет)
273.антивое□нно	<i>Пока русские девушки антивоенно одеваются, американские и европейские – антивоенно раздеваются ...</i> (Интернет)
274.антиге□нно	<i>В Европе ... большинство вирусов H3N2 были антигенно подобны вирусу А/Фудзиянь/411/2002</i> (Интернет)
275.антигигиени□чно	<i>Хотя везде одинаково антигигиенично</i>

	(Интернет)
276. антигума□нно	Один мой знакомый говорил, что кориандровая действует на человека антигуманно (Ерофеев)
277. антидемократи□чески	Странно, победили коррумпированная бюрократия и антидемократически настроенный Президент (Интернет)
278. антидемократи□чно	Или поступил антидемократично , антилиберально и антигуманно? (Интернет)
279. антидиалекти□чески	... прежняя метафизика, как правило, строилась антидиалектически (Интернет)
280. антиимпериалисти□чески	Я пью кофе из Никарагуа – я настроен антиимпериалистически (Интернет)
281. антиимпе□рски	... люди, которые по разным причинам настроены « антиимперски » и «антиимпериалистически» ... (Интернет)
282. антиистори□чески	В. Розин судит о методологии антиисторически ... (Интернет)
283. антиистори□чно	... абсурдно, антиисторично было бы отрицать существование тайных антихристианских обществ ... (Интернет)
284. антиклина□льно	Клетки исходного тяжа спорогенной ткани митотически делятся антиклинально и периклинально ... (Интернет)
285. антиколониа□льно	... в этом не сомневались даже самые антиколониально настроенные торговцы (Интернет)
286. антикоммунисти□чески	День торжества антикоммунистически настроенной общественности все ближе (Интернет)
287. антикоррози□йно	... действует антикоррозийно и микробактерицидно (Интернет)
288. антикоррозио□нно	... для окраски деревянных, древесных предметов, металлических защищенных антикоррозионно предметов ... (Интернет)
289. антилибера□льно	Или поступил антидемократично, антилиберально и антигуманно? (Интернет)
290. антимаркси□стски	... на книжный рынок Запада выбрасывается масса работ, посвящённых антимарксистски и антисоветски окрашенной идеалистической и религиозной мысли (Интернет)
291. антимикро□бно	Фуразонал действует антимикробно в отношении кишечной палочки ... (Интернет)
292. антимилитари□стски	Мать и отец были настроены антимилитаристски и недоверчиво ко всем ... (Ин-

	тернет)
293. антимилитаристи□чески	... Полина настроена антимилитаристически (Интернет)
294. антимонополисти□чески	... выходцами из разорившихся средних слоев населения, настроенных антимонополистически (Интернет)
295. антимонопо□льно	Цены антимонополю низкие (Интернет)
296. антinarо□дно	... он ведёт себя антигуманно и антинародно (Интернет)
297. антинау□чнее	А я тебе говорю, что требовать доказательства отсутствия чего-то – антинаучнее всего (Интернет)
298. антинау□чно	... статья Акимова достаточно антинауочно продуманная (Интернет)
299. антинациона□льно	... воля к народному сопротивлению парализуется ядовитым телевидением, где рулят антинационально мыслящие лица (Интернет)
300. антиноми□чески	Он признает, что оба требования важны, но мыслит их антиномически (Интернет)
301. антиноми□чно	Таким образом, педагогика антиномично соединяет в себе рационализм науки и чувственную импровизацию искусства (Интернет)
302. антиобще□ственно	Ты поступаешь антиобщественно , и люди вправе ответить тебе тем же (Интернет)
303. антипарти□йно	Из этого вовсе не следует, что россияне настроены тотально антипартийно ... (Интернет)
304. антипати□чески	Валериана действует в этом случае антипатически , и её эффект непродолжителен (Интернет)
305. антипати□чнее	Для меня нет ничего антипатичнее , как сочинять ради каких-нибудь торжеств (Интернет)
306. антипати□чно	Не знаю, как вам, господа, а мне это глубоко антипатично (Интернет)
307. антипатриоти□чески	А некоторые антипатриотически настроенные личности заняты мещанским устройством сугубо личной жизни! (Интернет)
308. антипатриоти□чнее	Нет ничего тупее и антипатриотичнее как цеплять портреты Иосифа Виссарионовича ... (Интернет)
309. антипатриоти□чно	Чем выше патриотизм консерватора, тем более антипатриотично он хранит

	<i>деньги (Интернет)</i>
310.антипедагогически	<i>Она думает, что мы Серёжу воспитываем антипедагогически (Интернет)</i>
311.антипедагогично	<i>... распивать спиртное со своими учениками антипедагогично (Интернет)</i>
312.антиправительственно	<i>Костин однозначно настроен антипрезидентски и антиправительственно ... (Интернет)</i>
313.антипрезидентски	<i>Костин однозначно настроен антипрезидентски ... (Интернет)</i>
314.антирелигиозно	<i>Американская пресса настроена антирелигиозно (Интернет)</i>
315.антиромантически	<i>Настроенный вполне антиромантически, попал под влияние Э. Сати ... (Интернет)</i>
316.антиромантично	<i>Любимов играл рационально и антиромантично ... (Интернет)</i>
317.антироссийски	<i>... в его окружении не будет антироссийски настроенных людей (Интернет)</i>
318.антисанитарнее	<i>... у них там в саклях ещё антисанитарнее (Интернет)</i>
319.антисанитарно	<i>... излишняя растительность – это антисанитарно (Интернет)</i>
320.антисейсмически	<i>... заседавшие ночью в антисейсмически построенном здании члены не пострадали ... (Интернет)</i>
321.антисемитски	<i>Несмотря на давление антисемитски настроенных кругов, обвиняемые были оправданы (Интернет)</i>
322.антисептически	<i>Действует антисептически, освежает, успокаивает и восстанавливает кожу (Интернет)</i>
323.антисклеротически	<i>... фитостерин, кроме того, антисклеротически тормозит всасывание холестерина ... (Интернет)</i>
324.антисоветски	<i>Перебежчик из Польши, настроен антисоветски (Интернет)</i>
325.антиспастически	<i>... действуют анальгезирующие и антиспастически (Интернет)</i>
326.антистатически	<i>Действует пылеотталкивающе, антистатически ... (Интернет)</i>
327.антитетически	<i>Вообще говоря, борьба связана с порождением или включает антитетически противопоставленные элементы (Интернет)</i>
328.антитетично	<i>Фуко выстраивает свою аналитику власти антитетично, по отношению к классической теории (Интернет)</i>

329.антитокси□чески	Они действуют антитоксически и удаляют избыток воды из организма (Интернет)
330.антитокси□чно	... действует антитоксично относительно стафилококкового токсина (Интернет)
331.антифаши□стски	... когда Ануи писал пьесу, «нет» Антигоны звучало антифашистски (Интернет)
332.антифеода□льно	... аналогичные революционные черты содер­жатся в каждом антифеодально ориентированном реформаторском движении (Интернет)
333.антифрикцио□нно	Шпиндель шлифовальной бабки антифрикци­онно смонтирован в корпус ... (Интернет)
334.антихристиа□нски	Опять же – проще простого: от налогов уходите – ведёте себя антихристиански (Интернет)
335.антихудожественно	Антихудожественно и безвкусно будет выглядеть деревянное изделие, раскрашенное масляными красками «под орех» (Интернет)
336.антициклона□льно	В немногих антициклонально вращающихся смерчах ... (Интернет)
337.антициклони□чески	В верхних слоях, где движение направлено от центра, поток закручивается антициклонически (Интернет)
338.анти□чно	... антично понимаемая противоположность «души» и «тела» (Интернет)
339.антиядерно	Антиядерно настроенные активисты пытаются блокировать продвижение эшелона (Интернет)
340.антологи□чески	Составитель и редакторы стремились, чтобы поэты были представлены действитель­но антологически ... (Интернет)
341.антоними□чески	Часто требуется перевести описательно, антонимически (Интернет)
342.антоними□чно	Добрая советская фантастика антоними­чно перекликается с антиутопичной фантазией загнивающего капитализма (Интернет)
343.антра□ктно	Я всех убью, и станет антрактно (Интернет)
344.антраци□тно	Весь чёрный антрацитно , безраздельно (Интернет)
345.антропoge□нно	Экологические функции лесных почв в естественных и антропогенно нарушенных ландшафтах (Интернет)
346.антропологи□чески	Конечно, китаец антропологически отли-

	чен от европейца – это же разные расы (Интернет)
347.антропометри□чески	У меня антропометрически ребра оканчиваются очень низко (Интернет)
348.антропоморфи□чески	Однако они по-прежнему в очень большой степени ориентированы антропоморфически и антропоцентрически (Интернет)
349.антропоцентри□чески	Однако они по-прежнему в очень большой степени ориентированы антропоморфически и антропоцентрически (Интернет)
350.антропомо□рфно	Изобразился антропоморфно , в шлеме ... (Интернет)
351.антропоними□чески	... ответ Онегина на ее письмо был антропонимически предопределён (Интернет)
352.АНФА□С	– Счас, – мужик повторяет и, наконец, поворачивается анфас . – Это разговор! (Известия, 20.01.02 – НКРЯ)
353.апати□чески	– Сейчас скреплю, – спокойно и апатически ответил Василий (Интернет)
354.апати□чнее	Российский истеблишмент сегодня куда более апатичнее настроен по отношению к Давосу, чем раньше (Интернет)
355.апати□чно	Ветеринария: кошка ведёт себя апатично (Интернет)
356.апологети□чески	... его труды и партийно-государственная практика апологетически описаны во многих тысячах книг (Интернет)
357.апологети□чно	История – не Закон Божий, её нужно просто знать, не поверхностно и апологетично , а глубоко и критично (Интернет)
358.АПОСТЕРИО□РИ	Конечно, апостериори можно его рассматривать и как функцию омеги ... (Интернет)
359.АППАССИОНА□ТО	специальное: <i>Appassionato</i> (аппассионато) – страстно (Краткий словарь музыкальных терминов – Интернет)
360.аппети□тнее	Рыба, обжаренная в сухарях, выглядит аппетитнее ... (Интернет)
361.аппети□тно	... она выглядела на рисунках так аппетитно , что я с некоторым сомнением посмотрел на её прототип (Минаев – НКРЯ)
362.АПРИО□РИ	Этот набор априори предполагает, что будет драма, и серьёзная (Известия, 29.11.02)
363.апропо□	Апропо о перформансах (Интернет)

364. аптекарски	Полагаю, вы и не ждёте от меня аптека́рски честного изложения фактов (Интернет)
365. аргументированнее	пока примеров нет
366. аргументированно	Фракции «Партии жизни» аргументированно показали, что тарифы на услуги ЖКХ должны быть повышены (Интернет)
367. аристократически	На первый взгляд может показаться, будто такая страна управляется демократически или аристократически (Интернет)
368. аристократичнее	Я всегда любила писать курсивом, как-то аристократичнее что ли получается (Интернет)
369. аристократично	Ты – аристократично строгий (Интернет)
370. арифметически	Непрерывное ... арифметически должно быть принято за произведение (Интернет)
371. АРПЕДЖИО	специальное: Когда звуки аккорда берут не одновременно, а поочередно, то и получается арпеджио (Интернет)
372. АРПЕДЖО	специальное: Пройдемся же арпеджо по её корреляту (Интернет)
373. артельно	Сейчас ... большие бьют исподтишка, бьют жестоко, увечно, насмерть, артельно одного, напавши сзади ... (Астафьев – НКРЯ)
374. артиллерийски	Кабан лежит в луже и артиллерийски лукает (Интернет)
375. артистически	Пласидо Доминго в роли Зигмунда великолепен вокально и артистически ... (Известия, 20.06.01 – НКРЯ)
376. артистичнее	Выносливее, техничнее и артистичнее всех прошла все этапы марафона (Интернет)
377. артистично	В шоу с огромным энтузиазмом, раскованно и артистично участвовали не только будущие мамы, но и их мужья ... (Известия, 01.12.02)
378. архаически	Приготовление архаически связано с жертвоприношением и убиением (Интернет)
379. архаичнее	Советские вставки выглядят в балете гораздо архаичнее и мертвее, чем хореография Петица (Интернет)
380. архаично	Как-то архаично он выглядит (Интернет)
381. археологически	В Ростове выкопали археологически ценную вазу (Интернет)

382.археологи□чно	... некоторые рецензии Адамовича выглядят ныне несколько археологично (Интернет)
383.архибы□стро	Так мы съездили, архибыстро протрезвели и (хорошо таксиста не отпустили) быстрее молнии домой (Интернет)
384.архидо□лго	Фотки классные, но грузятся архидолго (Интернет)
385.архиере□йски	Движение тела больного архиерейски медленны и важны (Горький)
386.архиме□дленно	Время протекает архимедленно (Интернет)
387.архипро□сто	Ведь технически всё реализуется архипросто! (Интернет)
388.архисло□жно	Жильё вернуть архисложно (Интернет)
389.архиспоко□йно	Пугачёва спокойно, даже архиспокойно обошлась бы без моих песен (Интернет)
390.асимметри□чнее	Было установлено, что асимметричнее ладонные узоры расположены на руках у мужчины (Интернет)
391.асимметри□чно	Он привёл нас на пустынную каменную площадку, украшенную асимметрично разбросанными садовыми скамейками ... (Воронель)
392.ассоциати□вно	... у меня ассоциативно , внутренне рождалось то же чувство, что и на просмотре балетного спектакля (Тарасова – НКРЯ)
393.астмати□чески	Один лишь эскесс не захотел бросить ... маму, которая привыкла, астматически дыша, тащиться с корзинкой на Привоз ... (Катаев)
394.ата□нде	специальное: атанде – нареч. франц. в роковых (азартных) играх: стой, постой, не мечи далее, я ставлю (Даль): – Атанде! – Как вы смели мне сказать атанде? (Пушкин)
395.атеисти□чески	Шри Чинмой стремится доказать атеистически настроенным людям, что дух и материя едины (Интернет)
396.атеисти□чнее	Чем современнее, тем в лучшем случае атеистичнее (Интернет)
397.атеисти□чно	У весьма атеистично воспитанной девушки периодически возникают видения (Интернет)
398.афористи□чески	.. своё мнение о жизни он выражает афористически и парадоксально (Утесов –

	НКРЯ)
399.афористично	«Что ж бумаги, когда человек умер!» – афористично ответила мороженщица (Маканин – НКРЯ)
400.аэробно	Жиры могут перерабатываться исключительно аэробно (Интернет)

Следующий фрагмент реестра русских наречий (на буквы Б, В, Г и т. д.) будет представлен в дальнейших публикациях сборника.

Л и т е р а т у р а

1. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. – М., 2000.
2. Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А., Чекалина В.Л. Материалы к словарю «Предлоги и средства предложного типа в русском языке. Реальное употребление. Функциональная грамматика. Выпуск 1: А – И (словарные статьи); К – Ю (неатрибутированный список). В печати.
3. Панков Ф.И. Наречная темпоральность и её речевые реализации: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1997.
4. Панков Ф.И. Ещё раз о грамматике и семантике модальных слов (фрагмент лингводидактической модели русской морфологии) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2003. № 2. – С. 59-74.
5. Филипенко М.Ф. Семантика наречий и адвербиальных выражений. – М., 2003.
6. Ховалкина А.А. Лексическое выражение степени величины признака в современном русском языке. – Симферополь, 1995.

С л о в а р и

1. Грамматический словарь – Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. – М., 1977.
2. Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. – М., 1989.
3. Словарь русского арго – Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980-1990 гг: Около 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений. – М.: Русские словари, 2000.

Э л е к т р о н н ы е и с т о ч н и к и

1. Материалы лаборатории компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ (зав. лабораторией – проф. А. А. Поликарпов). «Электронный корпус русских газет конца XX века (10 млн словоупотреблений)». Интернет-версия – www.philol.msu.ru/~lex/corpdscr.html.
2. НКРЯ – Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).
3. НСРЯ – Новый словарь русского языка (www.rubricom.com).
4. Поисковая система Яндекс.

Диффузность семантики и структуры в сложном предложении при устной форме его реализации

© кандидат филологических наук С.А. Шульскис, 2005

Организация и функционирование сложного предложения являются предметом постоянного внимания синтаксистов. Количественный и качественный состав языковых проблем, связанных с этой единицей, меняется. Устная форма реализации расширяет диапазон проблем, вводя дополнительные факторы, влияющие на формирование сложного предложения¹.

В качестве сферы функционирования сложного предложения здесь рассматривается такая разновидность современной литературной речи, как устная публичная речь (УПР)². Социально значимая тематика обуславливает интеллектуализированный характер речи. Содержательность речи обеспечивает разнообразие семантико-синтаксических отношений сравнительно с обиходно-бытовой речью.

Обращенная к массовому адресату УПР осуществляется преимущественно в монологической форме, которая обуславливает синтаксические особенности структурирования сложного предложения. Принцип сегментации, наиболее полно реализуемый в монологе, позволяет говорящему в пределах одной конструкции соединять сегменты самого разнообразного устройства. Это создает широкое поле для синтаксических трансформаций: предложение может совпадать с кодифицированной моделью, может обладать устно-речевой спецификой при общем следовании структурно-семантической схеме кодифицированного предложения, может не иметь аналогов в кодифицированном литературном языке как при формальном соблюдении структурно-семантической схемы предложения, так и при несоответствии ей.

На организацию сложного предложения в УПР, помимо характера речи и монологической формы, оказывает влияние фактор устности, сопряженный с таким качеством, как спонтанность. Спонтанность, как

¹ Здесь принимается точка зрения ряда исследователей (Г.Г. Инфантова, А.Ю. Константинова, А.М. Поликарпов, О.Б. Сиротинина), согласно которой обозначение «предложение» следует сохранить за конструкциями устной речи. Разграничение предложения и высказывания применительно к устной речи связано с необходимостью акцентировать внимание либо на формально-структурных признаках синтаксической конструкции (используется термин «предложение»), либо на особенностях данной речевой реализации (используется термин «высказывание»).

² Понятие «устная публичная речь» рассматривается с позиций, представленных в работе «Современная русская устная научная речь». Т. I. Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск, 1985.

имманентная обусловленность устной речи, как свойство, формирующиеся в момент сообщения, порождает самые разнообразные отступления от кодифицированных типов сложного предложения.

Факторы устности, монологичности, интеллектуализированного характера речи, влияющие на строй сложного предложения, позволяют ему предстать во всем диапазоне своих семантико-синтаксических потенций.

Одной из первых проблем, возникающих при устной форме продуцирования сложного предложения, является проблема делимитации границ предложения в устно-речевом потоке. Устный монолог чаще всего строится как свободное нанизывание самостоятельных и несамостоятельных смысловых отрезков, в различной степени связанных друг с другом. Характерными признаками устного монолога являются перестройки, добавления, повторы, исправления, осуществляемые непосредственно в акте говорения. Все это приводит к тому, что характер структурно-смыслового членения устного текста принципиально отличается от членения текста письменной речи, которое определяется закономерностями синтаксического строя языка.

В случае письменной речи границы предложения фиксируются прописной буквой и точкой. В устной же речи часто отсутствуют однозначно выраженные пограничные сигналы. Вследствие этого не всегда с абсолютной точностью можно определить, где кончается одно предложение и начинается другое. Типы связей между предикативными единицами также не поддаются непротиворечивой интерпретации из-за отсутствия однозначных соответствий между типом речевого сигнала и его синтаксическим значением.

Анализируя проблему вычленения предложения в устном монологе, прежде всего обратим внимание на сложносочиненное предложение. Как отграничить сложносочиненное предложение от последовательности простых предложений, содержащих начинательный союз? Традиционно при выделении предложения учитываются 4 признака: семантический (наличие смысловой завершенности); синтаксический (наличие структурной завершенности); интонационный (наличие интонации завершенности – ИК-1); темпоральный (наличие паузы повышенной длительности – обозначается знаком // – в конце предложения).

Наличие этих признаков указывает на самостоятельность монопредикативной единицы. Их отсутствие указывает на несамостоятельность такой единицы, что позволяет рассматривать ее в качестве составной части сложного предложения. Примеры простого предложения: *Он (Александр II – С.Ш.) уехал в Таганрог / абсолютно здоровым человеком // И уехал-то в общем ради жены / Елизаветы Алексе¹евны // И э-э смерть / ну во-первых неожиданно / во-вторых далеко от столицы /*

чрезвычайно далеко¹ //. Примеры сложного предложения: *Завещание было вскры³то / все вы³яснилось /и возникла очень серьезная пробле¹ма //; ... они в принципе /по-моему / восприняли /то что произошло /ну как да³нное /и они остались сильными людьми³ /они остались сами собой / в совершенно неадекватных усло¹виях //*.

Особая сложность проблемы заключается в том, что названные критерии самостоятельности предикативной единицы далеко не всегда выступают 1) в их однофункциональном значении и 2) в их совокупности.

Так, например, при обычной интонационной разметке текста знак «/» обозначает межфразовое членение и интонационный сигнал завершения. В расшифровках записей устной монологической речи за этим знаком закреплен иной смысл. Он употребляется для обозначения комплексного сигнала членения, выраженного паузой в сочетании с перепадом тона. Этот знак указывает на более длительные паузы на границе сегментов, но отнюдь не всегда является показателем границы предложения. Ср.: *Ну во-первых / это было // настолько неожиданно / для всех //; Это была / страшная тайна / которую знали только заинтересованные лица // буквально несколько человек из ближайшего царского окружения //*.

В первом примере длинная пауза и перепад тона после слова *было* возникли в результате остановки говорящего, связанной с выбором более точного слова для характеристики ситуации: *это было* каким именно? как? Во втором примере длинная пауза заканчивает предикативную единицу, но говорящий по ходу речи вводит дополнительный уточняющий сегмент, структурно и семантически относящийся к предыдущему тексту. И только вместе они образуют предложение.

В устной речи возможны случаи, когда краткая пауза («/») стоит в конце предложения. Нечеткое интонирование, быстрый темп речи, действие механизмов опережающего структурирования (когда говорящий еще не закончил одну фразу, но уже начинает следующую) приводят к тому, что краткая пауза выполняет не свойственную ей функцию межфразового членения. Ср.: *Итак / человек мечтает о том / что он даст России / конституцию / и освободит крестьян / так или иначе крестьянскую реформу / полную или неполную / Полная конституция / неполная / патерналистская / Это уже другой вопрос //*.

Идеальным, абсолютно распознаваемым сигналом границы высказывания в устном монологическом тексте является комплекс показателей мелодики и темпа – интонация конца в сочетании с паузой повышенной длительности. Однако, как показывают наши примеры, функциональная нагруженность названных показателей неоднозначна. Вре-

менная протяженность паузы связана с ее положением в конце или середине высказывания, но не является жестко закрепленной. Вследствие этого паузы как бы меняются ведущими функциями: длительная пауза употребляется в середине высказывания, а краткая – в его конце.

Материал устной монологической речи иллюстрирует явление смещения функции обозначения синтаксического конца высказывания, неполноту, неоднозначность закрепленности за ней каких-либо специально маркированных средств. В связи с этим особого внимания требует вопрос об интонационном оформлении высказывания.

В лингвистической литературе отмечается, что, говоря о повествовательном предложении, следует различать интонацию 1) предложений-ответов и 2) предложений декларативного характера [Фонетика спонтанной речи 1988]. Первый тип встречается в диалогах и характеризуется ровным или восходящим тоном интонационного центра (обычно ИК-6 и ИК-4). Второй тип распространен в монологическом тексте и характеризуется понижающимся или ровным тоном главноударного слова (ИК-1). Однако в естественном устном монологическом тексте ИК-1 не обнаруживает однозначной закрепленности за концом повествовательного предложения. В такой позиции может быть представлен и другой тип интонационной конструкции, а ИК-1 может относиться, например, к вопросительному предложению. Ср.: *[Так что декабризм кончился // Вот почему он кончился //хороший вопрос /который как мне кажется /недостаточно в нашей /и вообще в мировой исторической литературе /прояснен //] Что это бы¹ло? /Почему вдруг так мгновенно /это обрubi¹лось? /Почему конец одного царствования /означал совершенную переменy э-э /так сказать /и декораций /и всего¹? //*

Случаи оформления вопросов с помощью ИК-1 для устного монолога типичны (см. материал в: [Современная русская устная научная речь, Т. IV]). Это связано с тем, что в интеллектуализированном монологе вопрос часто выполняет риторическую функцию, он не требует ответа и поэтому произносится с ровным тоном главноударного слова. Возможны и обратные случаи, когда в конце повествовательного предложения используется восходящий тон. Ср.: *Дело заключается в том что /в 18-19-м годах //шла активная работа над конститу³цией /Александр мечтал /дать России конститу³цию /это была идея его еще молодых лет³ //*

Исследователи-фонетисты считают, что для устной монологической речи отсутствие финального завершения (нисходящего тона) в конце высказывания также является типичным. Это связано с тем, что говорящий все время выражает просодическую установку на продолжение и одновременно на поддержание контакта со слушателем [Фонетика спонтанной речи 1988].

В психолингвистике описанные явления (повышение тона в конце предложения, создающее впечатление незаконченности; излишне длинные паузы между словами, фразами) обозначаются через понятие «неадекватной предикации», которая проявляется в неадекватности внутренних психологических операций синтезирования, образования целостности высказывания [Бгажноков 1974].

Таким образом, интонационные характеристики не могут служить надежным критерием для вычленения предложения в устно-речевом потоке. Они неизбежно допускают элемент субъективности в оценке границ предложения: разные аудиторы могут по-разному оценивать один и тот же звучащий текст. Такое положение дел привело к тому, что некоторые исследователи отказывают предложению в наличии объективных критериев существования. «... предложением является такой сегмент текста, который говорящий или слушатель (исследователь) считают (рядка наша) предложением. Отсюда следует, в частности, что идентификация предложения, выделение предложения зависит от целевой установки исследования, от его типологических координат» [Скребнев 1971: 21].

Обратимся к структурному и семантическому критериям вычленения предложения в устно-речевом потоке. Рассмотрим пример: *Ну / собственно / день еще не прошел¹ / он тока зака¹нчивался // а уже начались аресты¹ //*

Предикативная единица от *он* до *заканчивался* характеризуется нисходящим тоном в конце и наличием паузы продолжительной длительности. Однако сегментное продолжение высказывания, начинающееся с *а*, не позволяет установить границу после *заканчивался*. Продолжение от *а* до *аресты* содержит конструктивные элементы (*уже начались*), находящиеся в антонимическом отношении к компонентам, содержащимся в первой предикативной единице (*еще не прошел*). Отношения сопоставления формируются антонимией лексико-семантических планов частей (*день еще не прошел / а уже начались аресты*). Предикативная единица от *он* до *заканчивался* является парентетической конструкцией, содержащей уточнение к первой части предложения. Структурно-семантические критерии указывают на границу предложения после слова *аресты*.

Значимость структурно-семантических критериев, а часто только семантических, особенно важна при определении границ бессоюзного сложного предложения в устной речи. Так, Е.Н. Ширяев, отмечая релевантность семантического критерия для установления границ, в частности, изъяснительных конструкций пишет: «При любой интонации первой предикативной конструкции, в том числе при ИК-1 (ср.: *Они ут-*

верждают // Это невозможно //), смысловые связи, базирующиеся на семантической валентности глагола, не исчезают и не перестают быть активными» [Ширяев 1986: 48].

Структура и содержание конструкции позволяют установить границы предложения, даже если интонационные признаки практически не выражены. «Отличительной чертой спонтанной речи <...> является необязательность просодического выражения межфразовых границ в тех случаях, когда налицо отчетливая смысловая обусловленность и грамматическая оформленность соседних высказываний» [Фонетика спонтанной речи 1988:144].

Многочисленные эксперименты Е.А. Брызгуновой по подстановке под определенный тип ИК различных типов текста позволили ей сделать вывод: «Синтаксическое строение и лексический состав подставляемых под определенный тип ИК высказываний разнообразны и варьируются у разных говорящих. Эти подстановки являются одним из доказательств того, что интонационные конструкции проявляются как средство выражения смысловых отношений лишь во взаимодействии с синтаксическим строением и лексическим составом высказывания» [Русская грамматика 1980: 101].

Таким образом, исследователи отмечают характерную для спонтанной речи 1) «асимметричность соотношения интонационного и строевого (семантико-синтаксического) плана высказывания» [Скорикова 1985: 208], 2) отсутствие специализированных интонационных средств выражения синтаксических отношений внутри сложного предложения [Скорикова 1982, 1985; Ширяев 1986]. Однако эти наблюдения не являются препятствием для того, чтобы сложное предложение рассматривалось как объективно существующая единица устного спонтанного текста.

Арбитарность границ предложения в устной монологической речи, действительно, не очевидна. Это побуждает исследователей при вычленении предложения сосредоточить внимание в большей степени на формально-структурных и семантических признаках устных конструкций. При этом специалистами признается надежность комплексных формально-семантических критериев для определения границ предложения.

Итак, при вычленении дискретных единиц в устном монологическом тексте должны учитываться четыре признака: синтаксический, семантический, темпоральный и интонационный (включающий в себя акцентное выделение слова на границе предложений, что отмечается в расшифровках прописной буквой). В УПР существуют: 1) предложения, выделяемые на основании признаков несамостоятельности на границе предикативных единиц, представленных в совокупности; 2) предложения,

выделяемые на основании структурно-семантических признаков; 3) специфические синтаксические построения, которые обязаны своим существованием сегментной организации устного монологического текста и выделяются на основании хотя бы одного показателя несамостоятельности на границе предикативных единиц, что позволяет их рассматривать в качестве составных частей сложного предложения.

В первом случае предложение строится в соответствии со структурно-семантической схемой определенного типа сложного предложения. Семантико-синтаксические отношения в таких конструкциях четко дифференцируются через наличие формально-структурных показателей. Например: *Соединенные Штаты его раньше ратифицировали / а мы очень долго не ратифицировали //* – сложносочиненное предложение с сопоставительными отношениями; *Правда надо сказать / что во Франции / президент не имеет таких больших полномочий //* – сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным.

Во втором случае набор признаков проявляется менее отчетливо. Есть формально-структурные показатели, указывающие на отношения между сегментами, но идентификация отношений затруднена из-за разрыва синтаксической связи (вмешивается формальный компонент, нарушающий семантико-синтаксическую перспективу высказывания). Однако на основании присутствующих в высказывании формально выраженных элементов возможна реконструкция изначального типа семантико-синтаксических отношений. Возникает диффузность семантики и структуры. Предложение не соответствует структурно-семантической схеме кодифицированного предложения. Например: *Вот я этой проблемой занимаюсь с 87-го года // когда с профессором Осиповой / Надеждой Анатольевной / мы / исходно анестезиологи-реаниматологи / она как бы вот побудила нас открыть / первый кабинет противоболевой терапии в России //*. Предложение изначально строилось как сложноподчиненное с придаточным времени. Введение по ходу речи парентезы (*исходно анестезиологи-реаниматологи*) привело к обрыву высказывания и его продолжению по другому типу структурирования. Ср. изначально заданный вариант: *Я этой проблемой занимаюсь с 87-го года, когда мы с профессором Осиповой Надеждой Анатольевной открыли первый в России кабинет противоболевой терапии.*

Третья группа предложений представляет собой особый интерес, так как при формальном следовании структурно-семантической схеме конструкции этой группы не соответствуют кодифицированным типам сложного предложения, традиционно выделяемым в современном книжно-письменном синтаксисе. Диффузность семантико-синтаксиче-

ских отношений, представленная в них, не позволяет квалифицировать их в рамках традиционных классификаций сложного предложения.

Прежде чем обратиться к анализу этих конструкций, уточним понятие «диффузность семантико-синтаксических отношений».

В сложном предложении отношения между предикативными частями дифференцируются прежде всего посредством связочных средств (союзов, союзных слов). В том случае, если они отсутствуют, высказывание строится по типу бессоюзного сложного предложения. При отсутствии союза вопрос о дифференциации отношений между предикативными единицами решается с опорой на лексико-семантический состав предложения в целом, и, поскольку не представлены специализированные средства выражения отношений, он далеко не всегда получает однозначное решение. Это дает основание лингвистам говорить о недифференцированности семантики бессоюзного сложного предложения. Понятие недифференцированности распространяется и на сферу союзного сложного предложения.

Следует различать два явления. «Одно из них можно охарактеризовать на основе семантического признака определенность / неопределенность (диффузность) отношений между частями бессоюзных предложений» [Изаренков 1987: 92]. В этом случае отсутствуют формальные и семантические показатели в структуре предложения, которые дают возможность однозначно квалифицировать смысловые отношения между частями – *Напишу доклад, пойду в кино* (пример Д.И. Изаренкова). Неопределенность семантики может быть устранена либо включением в его состав грамматикализованных средств, либо с помощью ситуативных или контекстуальных элементов.

Термином «дифференцированные / недифференцированные отношения» называют также другое явление: смысловые отношения между частями сложного предложения могут характеризоваться одним семантическим признаком (например, причинное обоснование, цель, условие и т. д.), а могут – двумя или тремя признаками (например, уступительно-противительные или сопоставительно-противительные отношения в сложносочиненном предложении). В случае совмещения признаков речь также идет о недифференцированности отношений.

Рассмотренные явления были выделены и описаны на материале письменной речи. Причем во избежание терминологических несоответствий в современной лингвистике для второго явления чаще используется термин «синкретизм значений» [Бабайцева 2000]. При этом следует отметить, что сфера неопределенности (диффузности) в письменной речи распространяется обычно на бессоюзное предложение, а сфера синкретизма – на союзные. Это понятно, так как отсутствие формально выраженного средства связи не позволяет однозначно указать тип от-

ношений, а присутствующее средство связи нередко вступает во взаимодействие с лексико-семантическим наполнением предложения, что может привести к совмещению семантических признаков.

В устной речи отмечается смещение границ закреплённости явлений диффузности и синкретизма. Как уже отмечалось, в письменной речи диффузность – это преимущественно сфера бессоюзного предложения, а синкретизм – союзного. В устной речи оба явления оказались вовлечёнными в сферу синдетичного сложного предложения. Так, например, диффузность отношений представлена в союзном сложносочинённом предложении. Для того чтобы выяснить, почему это происходит, необходимо рассмотреть вопрос о характере диффузности в устном монологическом тексте.

К проблеме диффузности семантико-синтаксических отношений в устной речи в 60-е годы обратился Е.Н. Ширяев, анализируя устную разговорную речь (УРР). Вопрос рассматривался на материале бессоюзных конструкций данной речевой разновидности. Автор пришел к выводу, что диффузность семантико-синтаксических отношений в УРР носит особый характер сравнительно с письменной речью. Эти особенности позволили ученому обнаружить новый тип связи, характерный только для разговорной речи (не имеющий аналогов в кодифицированном литературном языке) и названный им *связь свободного соединения*.

Рассматривая характер смысловых отношений при связях свободного соединения, Е.Н. Ширяев отмечает, что в значении зависимой части есть элемент добавочности по отношению к другой части высказывания. Такое значение накладывается на другие значения совсем иного характера – определительности, причинности и т. п., которые определяются конституацией. В зависимости от нее, например, в высказывании *Я на улице холодно не пойду* // может быть и условное значение – если холодно, то не пойду, и причинное – не пойду, потому что холодно. Следовательно, нельзя ставить задачу найти для каждого такого значения какие-то формальные признаки – их просто нет, но круг этих значений может быть очерчен, так как возможности конституации далеко не безграничны и в конечном счете предопределены системой языка [Ширяев 1970].

Принципиально важными положениями этой концепции являются тезисы 1) о полной формальной невыраженности типов значений, 2) о предопределенности типов значений языковой системой. Анализируя материал разговорной речи, Е.Н. Ширяев обращается к диалогическим репликам. Они всегда содержат две части, и момент перехода от одной предикативной единицы к другой представлен достаточно четко. Применительно к монологическому тексту положение иное. Моно-

логический характер материала затрудняет вычленение сложного предложения из устно-речевого потока. При этом сложноподчиненное предложение выделяется легче, так как наличие семантических союзов, скрепляя структуру и дифференцируя отношения, позволяет без особого труда установить границы предложения. А вот распознавание границ бессоюзных и сложносочиненных предложений, как уже отмечалось, вызывает затруднения.

Принцип свободного нанизывания сегментов оказывает воздействие не только на формальную организацию предложения, но и на семантическую. При свободном нанизывании рядоположными оказываются сегменты, объединенные ассоциативными семантическими связями. Они просматриваются на фоне общего смысла, но не дифференцируются. И здесь существует принципиальное отличие от устно-разговорной диалогической диффузности. В примерах Е.Н. Ширяева предложения содержат главный и зависимый компонент, что определяется лексико-семантическим наполнением конструкции. Проблема состояла в том, чтобы дифференцировать эту зависимость, номинируя ее определенными терминами метаязыка.

В монологическом тексте в ассоциативной связи могут находиться сегменты, не содержащие указания на взаимозависимость. В этом случае диффузность отношений понимается как принципиальная невозможность подобрать хотя бы один термин метаязыка для характеристики смысловых отношений в предложении. Такого рода диффузность может быть представлена как в бессоюзных, так и союзных предложениях. Во втором случае в устно-речевом потоке выделяется некая многочастная конструкция. Интонирование и внутривпаузное оформление указывают на то, что это единая структура, а не последовательность простых предложений. Ее части в формально-грамматическом отношении соединены сочинительными союзами. Однако семантико-синтаксические отношения между предикативными частями таких конструкций не соответствуют традиционно выделяемым для сложносочиненного предложения типам отношений. Дифференцировать отношения через традиционные термины не удастся. Ситуации, представленные в частях конструкции имеют ассоциативную связь. Эти части, как правило, соединяются союзом *и*, имеющим наиболее абстрактную семантику. Такие конструкции названы нами предложениями с паратаксистым соположением предикативных единиц. Например: *Я часто бываю э-э в судах / общественным защитником / и ребята / у меня вызывают восхищение //; Мы просто проводили юридический анализ / и просто / события / не подпадают под понятие "терроризм" //; Это движение не разовое / и на каждый шаг вперед чуть ли не два шага э-э назад //; Российские*

республики установили государственные языки /и законы /действуют только на этой территории //.

Эти конструкции в формальном отношении представляют собой сложносочиненное предложение (ССП). С точки зрения семантических отношений частей на фоне общего контекста подобные конструкции также соответствуют статусу ССП. Обе части, как правило, объединены общей «идеей», «сюжетной линией», однако при соположении конкретных сегментов она не просматривается (носит латентный характер). Поэтому не всегда представляется возможным говорить о перечислении (или следовании) событий в рамках одной ситуации, что характерно для ССП открытой структуры. И в то же время нет структурно-семантических признаков, позволяющих говорить о каком-либо типе ССП закрытой структуры.

В формальном отношении для таких конструкций характерно, как правило, нарушение принципа единообразия структурного оформления: несоответствие видо-временных форм предикатов, использование различных структурных схем, по которым строятся предикативные части предложения. Части предложения чаще всего соединяются союзом *и*, абстрактная семантика которого позволяет объединять в пределах одной конструкции ситуации без видимой смысловой связи. Однако возможно употребление и других сочинительных союзов. Например: *Оно (высказывание – С.Ш.) прошло через многие статьи / посвященные / предыдущим событиям / в области геномики / расшифровки геномы дрозофилы / или совсем недавно расшифрована генома первого растения / арабидопсиса //*. На фоне общего контекста информационно-содержательные пласты, представленные в предикативных частях, объединены общей идеей: высказывание можно отнести к двум событиям – к расшифровке геномов дрозофилы и арабидопсиса. Однако в самом высказывании смысловое соотношение событий не ясно. Кроме того, оно затемняется и употреблением разделительного союза *или*, который в данном случае выполняет присоединительную функцию.

Еще пример: *Сам он был родом / из Екатеринбургской губернии / а обжиг это что-то / связанное с э-э каким-то производством / чугуном / или каким-то //*). Здесь речь шла о правильном произношении фамилии С.И. Ожегова с точки зрения местоположения ударения. Делая пояснения, говорящий привел ряд исторических и этимологических ссылок. На фоне общего контекста перечисленные события имеют четкую логику объединения. Однако в самом предложении сопоставление ситуаций посредством союза *а* семантически нелогично.

Конструкции с паратаксисным соположением предикативных частей являются потенциально открытыми, так как ассоциативный принцип их

формирования допускает последовательное неограниченное присоединение сегментов. При этом они могут содержать в своем составе строевые элементы, формирующие закрытые структуры (в наших примерах это союз *а*). Семантика союза не накладывает ограничений на употребление в конструкции того или иного количества предикативных частей, так как союз не выступает в своем основном значении. Таким образом, предложения с паратаксистым соположением предикативных частей имеют двойственную грамматическую природу: являются потенциально открытыми при возможном наличии в них формальных показателей закрытых структур.

Обращает на себя внимание тот факт, что при паратаксистом соположении предикативных частей употребление союза *и* является доминирующим, так как идея соединения, выражаемая им, позволяет объединять любые ассоциативно возникающие мысли говорящего. Облекая свои ассоциации в вербальную форму, говорящий вместо долгой паузы, маркирующей конец высказывания, продолжает нанизывать сегменты друг за другом, соединяя их союзом. Употребление других сочинительных союзов (с более дифференцированной семантикой) является крайне редким.

Остановимся еще на одном явлении сходного порядка.

При изучении сложного бессоюзного предложения, функционирующего в устном интеллектуализированном монологе, нами уже был отмечен подобный тип объединения предикативных частей [Шульскис 2000]. В устной речи существуют конструкции, в которых интонационно и темпорально объединяются некие части, не имеющие выраженных формальных и семантических показателей, однозначно указывающих на то, что это определенный вид сложного бессоюзного предложения. Так как семантико-синтаксические отношения в таких конструкциях не подлежат выражению и границы структуры также неопределенны мы обозначили такие конструкции термином «непредложенческие структуры». Например: *Но я о них (видах речевых ситуаций – С.Ш.) сейчас подробнее говорить не буду / не / м / для них важна очень высокая степень / такой вот / трафаретности / шаблонности /* [Шульскис 2000: 127].

Объединение предикативных частей в одно высказывание условно. Оно базируется на интонационных показателях (отсутствует усиленное произнесение начала второй части, сигнализирующее о новой синтаксической единице, которое фиксируется в расшифровках прописной буквой, и большая пауза между предикативными частями). Если интонационно (включая показатели темпа) сегменты не оформляются как самостоятельные высказывания, значит, этому что-то препятствует. Таким препятствием оказывается семантическая

одноплановость, «общая идея», которая носит латентный характер, как и в случае предложений с паратаксистым соположением предикативных частей.

Наше исследование бессоюзных непредложенческих структур в устной монологической речи объективно получило поддержку в работе А.М. Поликарпова [2001], который анализировал материал немецкой диалогической речи. Автор назвал такие структуры «сложносопряженными» [Указ.соч.: 21], не относя их ни к гипотаксисной, ни праратаксисной сфере и считая совершенно особым типом.

Возникновение таких конструкций в устной речи могло бы быть объяснено действием двух факторов – устности и монологичности (как это и было предложено в нашей работе 2000 г.). Монолог, как представлялось, создает наиболее благоприятные условия для возникновения конструкций с диффузностью семантики и структуры. Диалогическая реплика короткая, ситуативно привязанная, в силу чего в ней отношения между предикативными частями, как правило, определены четче. Однако такой интерпретации препятствует исследование А.М. Поликарпова: описанные им структуры аналогичны нашим, хотя и представлены в диалогической речи. Следовательно, фактор монологической организации речи не является определяющими. Таким образом, их возникновение обусловлено лишь фактором устности. Устная форма диктует свои закономерности организации языкового материала, которые существенно отличаются от принципов организации материала письменной речи. Одной из таких закономерностей является диффузность семантики и структуры, закладываемая в высказывание изначально.

Возвращаясь к ССП с паратаксистым соположением предикативных частей, отметим: семантически они близки к асиндетичным сложносопряженным предложениям. Однако в отличие от последних связь частей при паратаксистом соположении усиливается сочинительным союзом.

Все сказанное дает основание рассматривать предложения с паратаксистым соположением предикативных частей как особый тип сложного предложения, функционирующий в устной спонтанной речи.

Л и т е р а т у р а

1. *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.
2. *Баженов Б.Х.* Особенности радиоречи // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1974.

3. *Изаренков Д.И.* Бессоюзное сложное предложение в теоретическом и практическом курсах русского языка на филологических факультетах вузов союзных республик (лингвистический и методический аспекты описания): Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1987.
4. *Поликарпов А.М.* Сложное предложение в синтаксисе немецкой разговорной речи: Автореф. ... докт. филол. наук. М., 2001.
5. *Русская грамматика.* Т. I. М., 1980.
6. *Скорикова Т.П.* Интонационное членение устно-монологического потока // Современная русская устная научная речь / Под ред. О.А. Лаптевой. Т. I. Красноярск, 1985.
7. *Скорикова Т.П.* К вопросу о ритмическом построении устного спонтанного текста // Русский язык за рубежом, 1982, № 1.
8. *Скребнев Ю.М.* Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи: Автореф. ... докт. филол. наук. М., 1971.
9. *Современная русская устная научная речь / Под ред. О.А. Лаптевой. Тексты.* Т. IV. М., 1999.
10. *Фонетика спонтанной речи / Под ред. Н.Д. Светозаровой.* Л., 1988.
11. *Ширяев Е.Н.* Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.
12. *Ширяев Е.Н.* Связи свободного соединения между предикативными конструкциями в разговорной речи // Русская разговорная речь. Саратов, 1970.
13. *Шульскис С.А.* Явление бессоюзия в устной научной речи: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000.

Фразеологизмы и соотношение в них денотативных и образных составляющих

© *Е.В. Бизунова, 2005*

Ознакомление с анализом текстов художественной прозы предполагает рассмотрение семантического развертывания английских и русских фразеологизмов в плане решения, по крайней мере, двух основных задач. Во-первых, необходима точная идентификация фразеологических единиц, их места и семантических особенностей, а также той роли, которую они выполняют в формировании смысловой цельности высказывания. Во-вторых, важно на основе решения предыдущих задач умение строить собственный перевод текста с английского на русский и наоборот, используя при этом образные языковые средства.

Кроме того, очень важной представляется возможность соединения семантического развертывания фразеологизмов с построением собственного текста на английском и русском языках как двух самостоятельных лингвометодических проблем. Построение текста может, помимо этого, основываться и на других языковых феноменах. Вопросы сочетаемости и стиля, выбора синтаксических конструкций, тема-рематических отношений связанных друг с другом (когезия текста) и относительно самостоятельных текстовых отрывков (структурно-семантические единства) – это далеко не полный перечень моментов, которые необходимо принимать во внимание в процессе создания нового или воспроизведения готового языкового материала.

Непринужденность в воспроизведении и создании текстов основывается на следующих условиях:

- знание и умение пользоваться лексикой и основами грамматики с акцентом на синтагматические отношения элементов высказывания, а именно: на сочетаемостные особенности языковых единиц;
- наиболее полное представление о внеязыковой (и языковой) ситуации, подлежащей описанию;
- соединение мыслительных усилий с усилиями речемыслительными, т. е. в частности умение в процессе речения подчинить второстепенное главному, отграничить важные на данный момент физические и другие особенности описываемых событий, объектов и явлений от остальных, но менее важных, по сути нерелевантных для анализируемой ситуации, синтезировать ассоциации как ингредиенты речемыслительного акта с логической стороной мыслительных процессов.

Последнее условие может во многом быть основано на процессе разной полноты семантического развертывания аспектов и элементов значения образных языковых оборотов, за которыми могут реализоваться не только признаки и характерные особенности описываемых объектов и явлений, но и может быть подготовлена благоприятная почва для создания таких отрезков текста, где есть повтор и синонимия, контраст, эллиптические и инвертированные конструкции. Все это в целом благоприятствует определенным условиям для предельно полного и, так сказать, «предвзятого» описания, предполагающего соответствующее отношение к конкретной неязыковой ситуации [Бершадская, 1972: 33-35].

Использование лексических средств, уточняющих, конкретизирующих и дополняющих семантику фразеологизмов в различных типах фразеологического контекста, совершенствуется, таким образом, навыки и умения приводить целый ряд доводов и логически последовательно их аргументировать. В данном случае речь может идти о развитии определенной темы, конкретного логического направления в повествовании, что представляется очень важным в плане конкретизации и уточнения мысли, заложенной во фразеологической части высказывания. Причем конкретизация и уточнение могут обуславливаться семантическим развертыванием единиц по линии синонимической и гиперо-гипонимической корреляции, основанной на включении единиц в один тематический ряд. Построение текстового единства основано при этом на корреляции значения фразеологизма и его лексического окружения. Представляется также важной и семантическая природа элементов, формулирующих собственно лексическое окружение фразеологизмов, иными словами, важны и контекстно-смысловые отношения самих лексик, уточняющих и конкретизирующих семантическое содержание фразеологических единиц.

Построение самостоятельных структурно-семантических единств основывается в этом случае не столько на конкретизации определенных языковых единиц, сколько на взаимодействии контекстов неполного раскрытия семантики элементов высказывания, на корреляции логически или ассоциативно связанных текстовых отрывков, формирующих семантически релевантные компоненты более объективного смыслового содержания. Техника построения такого текстового отрывка основывается на высказываниях, содержащих, помимо актуализации значения, имплицитные и имплицитные элементы текста.

Современный этап развития языкознания характеризуется интенсивной разработкой проблем коммуникативной лингвистики. Поскольку единицей языковой коммуникации является текст, то особое внимание уделяется его формальным и содержательным характеристикам, что предполагает изучение конституэнтв текста, в частности, ус-

тойчивых сверхсловных комплексов – фразеологических единиц (далее ФЕ)

ФЕ являются автономными лингвистическими сущностями, обладающими самостоятельными как структурными, так и семантическими особенностями. При их текстовой реализации выявляется двусторонняя зависимость эквивалентности текстов и входящих в них ФЕ, в то время как зависимость эквивалентности текста в отношении слова как элемента текста – односторонняя.

С точки зрения теории необходимо, с одной стороны, изучить онтологическую сущность фразеологического значения и выявить то общее, что приводит к формированию устойчивых сверхсловных образований в языке вообще, с другой стороны, необходимо выявить те особенности фразеологического значения, которые относятся к специфике языкового выражения данной системы.

Особый интерес в этом плане представляет изучение соотносимых ФЕ, т. е. единиц, которые совпадают по референтной соотнесенности.

Значение ФЕ понимается как самостоятельная семантическая сущность, являющаяся элементом языковой системы наряду со значениями слов. Значение переменного прототипа (в тех случаях, когда оно есть) отражается в таких понятиях, как образность, мотивированность ФЕ и т. д., однако оно выводится за пределы фразеологического значения. Значительно больше внимания уделяется референтной отнесенности, формирующей предметно-логическое содержание ФЕ, чем ее образному и ассоциативному фону. Интерес вызывает та роль, которую играют образ, мотивировка, переосмысление в становлении фразеологического значения, а не функция самой ФЕ в результирующем фразеологическом значении. Значение субстрата фразеологической единицы очень важно в плане функциональных особенностей ФЕ и ее текстообразующих потенций. Без установления и анализа текстообразующих потенций ФЕ, по-видимому, невозможно полное уяснение их онтологических характеристик. Подобное изучение особенно плодотворно на материале эквивалентных межъязыковых соответствий, когда может быть рассмотрена и сопоставлена текстовая значимость ФЕ, имеющих тождественное (или почти тождественное) фразеологическое значение, но несколько различные текстообразующие потенции, вследствие того, что они являются элементами разных языковых систем и опираются на разные субстраты.

Теория перевода отражает необходимость учета и системно-семантических, и текстообразующих особенностей языковых единиц, что проявляется в разграничении эквивалентности (системной соотнесенности) и адекватности.

В свою очередь, сопоставление на уровне текста предполагает предварительное сопоставление ФЕ как элементов системы.

Полная фразеологическая эквивалентность может быть установлена у пар ФЕ английского и русского языков, если эти пары имеют одинаковую отнесенность по переосмыслению, коннотативной значимости, а также по отнесенности к одному и тому же стилю.

Важнейшим параметром, препятствующим установлению полной фразеологической эквивалентности является несовпадение образов, лежащих в основе фразеологического значения ФЕ разных языков.

Структурные расхождения обусловлены в подавляющем большинстве случаев различиями в грамматическом устройстве систем английского и русского языков.

Неполное тождество семантических отношений между членами пар ФЕ фиксируется в тех случаях, когда наблюдается несовпадение хотя бы по одному параметру семантической структуры ФЕ.

Исследование ФЕ по их структурно-семантической соотнесенности показывает, что смысловая тождественность и функциональная эквивалентность должны рассматриваться отдельно, поскольку эквивалентные по смысловому содержанию ФЕ могут значительно различаться в функциональном плане. Поэтому рассматривать парадигматическую и текстовую эквивалентность следует как взаимосвязанные и взаимозависимые, но не тождественные явления.

Факторами, определяющими связь типов соотнесенности ФЕ двух языков с типами соотнесенности фразеологических текстов, в которые они входят, являются автономность ФЕ как значимой единицы языка и вытекающая из этого ее значимость как части целого, а также предикативная сущность ФЕ, несомненно влияющая на эквивалентность тех текстов, в которые они входят.

Речевой акт порождения фразеологического текста протекает параллельно с выбором самой ФЕ в соответствии с замыслом высказывания. Следовательно, процесс текстообразования по своей изначальной сущности является смысловым. Отсюда основой текстообразующих свойств ФЕ следует признать в первую очередь все аспекты семантического параметра.

Однако в процессе порождения фразеологического текста после того, как совершен акт смыслового выбора конкретной ФЕ наступает, очевидно, следующий не менее важный акт – формального «пристраивания» выбранной по смыслу ФЕ в порождаемую речь – текст. И в этом акте решающую роль играют уже не семантические, а структурные качества ФЕ, более точно – аспект структурных типов ФЕ.

Сущность структурных типов ФЕ заключена в заложенной в них мере или степени предикативной пригодности. Непредикативность одновершинных ФЕ и фраз, частичная предикативность и предикативность ФЕ являются теми факторами, которые прямо и непосредственно влия-

ют на строй, т. е. на синтаксис порождаемого текста и, прежде всего, на его минимальную по объему форму – предложение.

Рассматривая вопрос о предикативных началах ФЕ, влияющих на текстообразование, можно сослаться на тех лингвистов, которые признают именно предикативность ведущим признаком и качеством текста любой величины. По мнению И. Бородянского, текстом можно назвать «предложение или группу из двух и более предложений, в которой есть свой текстовый субъект и текстовый предикат, составляющие вместе текстовое суждение» [Бородянский, 1971: 41-58].

В концепции контекстной семантики Л.Н. Лапытова подчеркивается, что предикативность способствует «объединению многих элементарных смыслов, а следовательно, и многих высказываний, превращая это множество в коммуникативную единицу» [Лапытов, 1989: 25].

Категорична и дефиниция текста, предложенная Е.В. Верещагиным и В.Г. Костомаровым: «текст можно определить как предикативное высказывание» [Верещагин, Костомаров, 1999: 74-88].

Таким образом, несомненная важность предикативной сущности ФЕ позволяет принять и это ее качество за одно из ведущих текстообразующих свойств ФЕ.

Однако влияние предикативности ФЕ на построение текста-высказывания есть влияние на синтаксис последнего. И это определяется не только семантической и структурно-предикативной сущностями ФЕ, но и ее функциональной природой. Она, в свою очередь, определяется такими функциональными свойствами ФЕ, как ее речевая и грамматическая функции. Названные функции взаимосвязаны: речевая функция, т. е. отнесение ФЕ к номинативным (субстантивным, глагольным и т. д.), междометным, модальным и коммуникативным фразеологизмам, влияет на их грамматическую функцию – стать тем или иным членом предложения или целым предложением. Однако очень часто наблюдается и обратная связь – грамматическая функция ФЕ уточняет ее речевую функцию.

Итак, текстообразующие функции ФЕ заложены в ее семантике и структуре, но их реализация (актуализация) происходит в зависимости от структурно-предикативного типа ФЕ и ее функциональных характеристик.

Под эквивалентностью ФЕ двух языков понимается их структурно-семантическая соотнесенность. Пары ФЕ типизируются в следующем порядке: полная фразеологическая эквивалентность, частичная структурная эквивалентность и частичная семантическая эквивалентность [Верещагин, Костомаров, 1999: 74-88].

Текстообразующие функции ФЕ позволяют подойти с этих же позиций и к эквивалентности текстов. Иначе говоря, в оценке текстовых

бинаров, составленных из текстов оригиналов на английском языке и их переводов на русский язык, можно исходить из так называемой «презумпции эквивалентности», т. е. сразу и безоговорочно принять, что текстовой бинар состоит из эквивалентных текстов. При изучении текстов с фразеологических позиций полезно также опираться на понятия «фразеологическая конфигурация», «фразеологический контекст», «актуализатор ФЕ», «три вида фразеологического контекста» [Кунин, 1984: 11-19].

Анализ и сопоставление пар соотносимых фразеологических конфигураций показывает, однако, что их соотнесенность, их «презумпция эквивалентности» далеко не однородна. Приведем примеры разных соотношений бинарных фразеологических текстов.

1. Тожественные отношения имеют следующие бинарные тексты:

а) *If you want her to like you, just talk about animals. That's her Achille's heel.*

Если вы хотите ей понравиться, поговорите с ней о животных. Это ее Ахиллесова пята¹.

б) *Hold you tongue. You've said enough already.*

Попридержи язык. Ты и так уже достаточно сказал.

2. Различными отношениями обладают тексты:

в) *"Whom have you got in mind for this committee?" asked the Squire abruptly.*

"My father", said Michael, "and we'd thought of Marquers Shropshire".

"Very long in the tooth".

"But very spry", said Sir Lawrence. (J. Galsworthy, "Swan Song". part II, ch. VI.)

– Кого вы имеете в виду для комитета?

– Моего отца, – сказал Майкл. – Думаю еще о Маркизе Шропшире.

– Да из него песок сыплется.

– Нет, он еще молодцом, – сказал сэра Лоуренс.

Разъясним, что разная эквивалентность смысла текстов в приведенных примерах определена либо полной эквивалентностью ФЕ (пример а), либо их частичной структурной эквивалентностью (пример б), либо их частичной семантической эквивалентностью (примеры в).

Таким образом, некоторая градуированность или разные степени эквивалентности фразеологических текстов налицо.

Замеченное явление совпадает с мыслью об эквивалентности, высказанной в свое время Л.С. Бархударовым: «Правильнее будет говорить о разной степени эквивалентности перевода, о большем и меньшем

¹ Русские эквиваленты приводятся по опубликованным переводам.

его приближении к полностью эквивалентному». Позже, касаясь типов межъязыковой эквивалентности, Л.С. Бархударов предложил различать «полную эквивалентность и частичную эквивалентность» [Бархударов, 1985: 69].

Следовательно, возвращаясь к вопросу о том, как соотносятся бинарные фразеологические тексты, какова степень их эквивалентности, необходимо рассмотреть, как соотносятся тексты по их функциональному параметру.

Первый аспект параметра – грамматическая функция ФЕ в тексте – трактуется как функция ФЕ в предложении, если не считать такого случая, когда ФЕ целиком соответствует предложению, т. е. выполняет самостоятельную функцию в составе текста.

Например:

1. ... *all she had built up, all she had earned by the shrewd work of her mind and body, was hanging by a hair.* (S. Heym, "The Crusaders", book VI, ch. 8.)

... все, что она для себя создала, ради чего трудилась, не шадя никаких усилий, повисло на волоске.

2. *When he'd get started on art subjects Laura would just hang on his lips* (F. Norris, "The Pit", ch. V.)

Когда он начинал говорить об искусстве, Лаура буквально впитывала каждое слово.

Подобные случаи классифицируются как отношения тождества в реализации. Такие же отношения зафиксированы в случаях, когда ФЕ обоих языков выступают в функции сказуемого, дополнения, обстоятельства, определения и т. д. Так, в нижеследующем примере:

He's been pretty high on whisky for two or three days ... and they say he's got snakes in his boots now. (J. Habberton, "The Barton Experiment"².)

Вот уже 2 или 3 дня как от Уайнберга несет виски... говорят он допил-ся до белой горячки. –

обе ФЕ выступают в функции сказуемого.

3. *I have no connection with the company, farther than giving them, for a certain fee and reward, my poor opinion as a medical man...* (Ch. Dickens, "Martin Chuzzlewit", ch. XXVIII.)

Я не имею никакого отношения к компании, кроме того, что даю им – за известный гонорар – свое скромное заключение в качестве медицинского консультанта...

Обе ФЕ выступают в функции дополнения.

4. *They broke open private houses... in the face of day.* (OED)

Они врывались в жилища частных граждан ... среди бела дня.

² Пример взят из: Oxford English Dictionary. 3^d ed. Oxford, 1995. Далее – OED.

Обе ФЕ – в функции обстоятельства.

5. *He was a gambler born and bred.* (АРФС³)

Он был игроком до мозга костей.

Обе ФЕ – в функции определения.

Отношения различия наблюдаются больше в случаях функционирования ФЕ в качестве сказуемого, причем ФЕ в английском языке чаще выступает в роли сказуемого, чем русская ФЕ.

1. *The Cranstons and the Finchleys were in the main a thorn in the flesh of the remainders of the elite of Lycurgus – too showy and too aggressive.* (Th. Dreiser, "An American Tragedy", book II. ch. I.)

Снобизм и высокомерие Крэнстонов и Финчли сделали их бельмом на глазу у избранной части ликургского светского общества.

В данном примере ФЕ английского языка – сказуемое, ФЕ русского – дополнение.

2. *"I don't care whether he ever gets there", she said. "It won't be skin off my nose".* (P. Warren, "All the King's Men".)

– Мне все равно, придет он на митинг или нет, – ответила Сэди. – Плевать мне с высокой горы.

В этом случае также наблюдается различие в функциях ФЕ: английская ФЕ – сказуемое, русская ФЕ – предложение.

3. *He came on the fruits... They made Michael's mouth water* (J. Galsworthy, "The White Monkey", part II, ch. III.)

Майкл проходил мимо фруктов... У него потекли слюнки.

В данном примере ФЕ английского языка является дополнением, а русская ФЕ – сказуемым и подлежащим.

Сопоставление ФЕ английского и русского языков по грамматическому аспекту функционального параметра показывает преобладание тождественных отношений над различиями между парами ФЕ. Прежде чем перейти ко второму аспекту функционального параметра, отметим, что под речевыми функциями понимается то, что одни фразеологи называют структурно-семантическими классами, другие относят к структурно-грамматическим. Мы присоединяемся к точке зрения Л.С. Бархударова, который соотносит указанные классы с выполняемой ими речевой функцией [Бархударов, 1985: 69].

И в этом случае можно говорить о структурной эквивалентности текстов по аналогии с типами эквивалентности самих ФЕ.

³ Англо-русский фразеологический словарь. / Под ред. А.В. Кунина. М., 1955.

Преимущественно тождественные отношения, отмеченные в текстовых бинарах по обеим функциям (аспектам) – и речевой и грамматической, определены в первую очередь такой текстообразующей функцией входящей в текст ФЕ, которая сопряжена с ее формальной, т. е. структурной, ролью в тексте.

Что касается влияния семантического типа эквивалентности ФЕ на тип эквивалентности текстов, т. е. основания отметить более широкий диапазон влияния соотнесенных ФЕ на эквивалентность, т. е. соотнесенность, текстов. С одной стороны, семантическая эквивалентность как тождество, например, образов ФЕ не всегда связана с полной эквивалентностью текстов, ибо определяющим фактором остается структурная эквивалентность ФЕ. С другой стороны, именно семантические различия ФЕ двух языков (в том числе по образу) очень часто способствуют такому переводческому приему, который Н.К. Гарбовский называет «компенсацией» и который целенаправлен к такой эквивалентности текстов, которая является их адекватностью [Гарбовский, 1982: 92].

Итак, текстообразующие функции ФЕ влияют на эквивалентность текстов, которые могут быть как полностью эквивалентные (если пара ФЕ обладает полной фразеологической эквивалентностью), так и частично эквивалентные (если наблюдается структурная эквивалентность обеих ФЕ).

Грамматическая функция ФЕ в тексте играет свою роль и в формировании текстовой адекватности, но эта роль не определяющая, поскольку адекватность может обеспечиваться и другими грамматическими средствами.

Поскольку актуализация ФЕ в тексте характеризует иной тип соотнесенности ФЕ, которую можно назвать текстовой соотнесенностью, иначе говоря, адекватность ФЕ обязательно подразумевает текст, в котором они «участвуют» и который они формируют, то можно рассматривать адекватность как более широкое понятие, чем эквивалентность. По мнению В.Н. Комисарова, адекватный перевод является всегда эквивалентным, но эквивалентный перевод – не всегда адекватным [Комисаров, 1988: 39]. Подтверждает это мнение и суждение Н.Л. Галеевой: эквивалентность – это сохранение плана содержания, а адекватность – еще и плана выражения [Галеева, 1997: 51].

Приведенные мнения также соответствуют тому, что пишет Н.К. Гарбовский: адекватность есть полноценность, означающая «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему». Другими словами, адекватность – это передача «соотношения содержания и формы путем воспроизведения особенностей последней» [Гарбовский, 1982: 92].

Из рассмотрения адекватности следует обоснованность правомерно-го выделения адекватного типа соответствий между фразеологическими текстами на двух языках.

Что касается двух типов соответствий, т. е. полной фразеологической эквивалентности, то оба эти типа правомерны для бинарных фразеологических текстов лишь при условии, что частичная эквивалентность понимается как структурная, но не семантическая эквивалентность текстов. Сказанное не означает, однако, отсутствия семантической эквивалентности текстов с ФЕ, ибо смысловое, содержательное соответствие обоих текстов бинара есть условие, заданное заранее и соответствующее понятию «презумпция эквивалентности».

Напомним, что при типизации эквивалентности ФЕ английского и русского языков все три случая, рассмотренные в вышеизложенных примерах, были выделены на основе анализа семантических и структурных параметров, по которым исследовались пары ФЕ двух языков. Однако коррекция намеченных трех типов данными исследования ФЕ по функциональному параметру указывает лишь на 2 типа соотносительности текстов двух языков: полную эквивалентность и частичную структурную эквивалентность. Иначе говоря, частичную эквивалентность не удалось дифференцировать на структурную и семантическую.

Тем не менее, располагая предположением о трех типах соотносительности фразеологических текстов на двух языках, мы считаем возможным окончательно типизировать соотносительность текстов двух языков как три случая: 1) фразеологическая адекватность; 2) фразеологическая полная эквивалентность и 3) фразеологическая частичная эквивалентность.

Напомним кратко, что первый тип эквивалентности текстов базируется на полной фразеологической эквивалентности, т. е. текст содержит эквивалентные в семантическом и структурном аспектах ФЕ двух языков. Второй тип эквивалентности текстов сопряжен лишь с частичной эквивалентностью обеих ФЕ. Сущность этой роли ФЕ такова, что позволяет выдвинуть следующее предположение: эквивалентность текстов зиждется на очень близких текстообразующих потенциях ФЕ.

Но поскольку степень близости этих потенций у двух соотносительных ФЕ может быть различной, а все исследованные бинарные тексты характеризуются «презумпцией эквивалентности», возникает вопрос о том, какими средствами обеспечивается адекватность текстов бинара, если в них содержится частично эквивалентные ФЕ, а также в тех случаях, когда ФЕ английского языка соотносится с нефразеологической единицей (словом, словосочетанием) русского языка.

Говоря о средствах достижения адекватности текстов, мы имеем в виду прежде всего текстообразующие свойства самих ФЕ. Однако, имея

дело с текстами-переводами, интересно рассмотреть и те средства, которые используются при переводе и обычно называются «приемами перевода» или «переводческими трансформациями». Достаточно подробно номенклатура приемов перевода описана, в частности, Л.Н. Галеевой, в том числе и в отношении перевода ФЕ. Это дает основание ориентироваться на положения автора в проводимом ниже анализе текстовых бинаров.

2. Другой текстовой бинар:

When I arrived home, I found mother going up the wall. The fire was out, the baby was crying. Johnny had cut his knee and our visitors were due to arrive at any minute. (W. Scott, "The Heart of Mid-Lothian", ch. XXXIV.)

Когда я вернулся домой, то увидел, что мать просто потеряла голову. Огонь потух, младенец орал благим матом, Джонни порезал коленку, а наши гости могли появиться с минуты на минуту.

В этом случае адекватность обеспечивается лишь частичной (семантической) эквивалентностью ФЕ путем хотя и фразеологического соответствия, но при этом – с трансформацией образа английской ФЕ. Использован и прием компенсации: передаче высоко-экспрессивной английской ФЕ (*go up the wall*) менее экспрессивной русской ФЕ (*терять голову*) сопутствуют приемы расширения и логического развития, т. к. в русском тексте *was crying* передано просторечным словом *орал* с добавлением также просторечной адвербиальной ФЕ (*благим матом*).

Адекватности этих текстов во многом способствует сохранение в русском тексте последовательности действий, перечисляемых в тексте на английском языке.

Частичная эквивалентность текстообразующих ФЕ не мешает адекватности текстов, если в текстовой реализации ФЕ учитывается такой важнейший фактор их семантики, как образность.

"But though he had always had to watch his step in the union," Jennison told Eddie, "that here in the hotel he did and said just what he liked". (A. Saxton, "The Great Midland", part II.)

– Но если в союзе ему приходилось держаться остро, – сказал Дженни-сон Эдди, – то у себя в ночлежном доме он может говорить и делать, что хочет.

Адекватность этих микротекстов достигается благодаря частичной (структурной) эквивалентности, выражающейся в совпадении речевой и грамматической функции ФЕ в английском тексте: *to watch one's step* и *держаться остро* одинаково относятся к глагольным ФЕ и выступают в качестве предикативной части сказуемого, модального по своему характеру. Такая структурная эквивалентность ФЕ восполняет малую степень семантической эквивалентности соотнесенных ФЕ. Они, во-

первых, различны по своей переосмысленности (и мотивированности): целостным переосмыслением характеризуется русская ФЕ, а английская – лишь частичным. Во-вторых, переосмысление ФЕ базируется на разных образах. Отсюда понятен такой прием перевода, как полная замена образности. Но важно то, что этот прием есть не обычная переводческая трансформация, а средство, лежащее в самой природе ФЕ – ее образности. Следовательно, еще раз подтверждается существенное влияние ФЕ на формирование текста.

Таким образом, из трех проанализированных примеров текстовых бинаров следует, что адекватность текстов сопряжена либо с полной эквивалентностью обеих ФЕ, либо с их частичной эквивалентностью – как семантической, так и структурной.

Отсутствие полной эквивалентности ФЕ восполняется целым рядом других средств перевода английских текстов на русский язык. При частичной семантической эквивалентности ФЕ адекватность текстов достигается различными структурно-грамматическими приемами перевода, а при частичной структурной эквивалентности ФЕ адекватность текстов обеспечивается отдельными семантико-лексическими трансформациями, но в целом можно говорить, что во многих случаях адекватность текстов базируется на эквивалентности входящих в них ФЕ.

Однако, как мы ранее отмечали, адекватность текстов может достигаться не только при помощи самих ФЕ, но и другими средствами. Другими словами, русский перевод английского текста с ФЕ может вообще не содержать ФЕ, т. е. фразеологического эквивалента. В этом случае адекватность текста скоррелирована с фразеологической неэквивалентностью. Приведем примеры таких текстов.

1. *And the railroads... were asked for the surplus due to the Government. And at once, of course, the poor poverty-sticken railroads began to make a poor mouth, to cry “confiscation”...* (Th. Dreiser, “Tragic America”, ch. VI.)

Правительство обязало железные дороги уплатить причитавшиеся ему суммы. И, конечно, сразу впавшие в бедность железные дороги начали прибедняться и кричать о «конфискации»...

2. *No capitalist has a finger in our pie and we are not for sale to Oldharm or any other monopoly concern.* (“Daily Worker”, L., Oct. 23, 1948.)

Ни один капиталист не принимает участия в нашей газете, и нас не купить ни Одхаму, ни кому-либо другому капиталистическому концерну.

3. *... I'm not wax – I'm flesh and blood.* (J. Galsworthy, “The Fugitive”, act II.)

... Я не восковая кукла. Я живой человек.

Приведенные пары текстов несомненно адекватны, но их адекватность не является фразеологической, поскольку в русских переводах отсутствуют ФЕ. Видимо, в соответствии с принятым пониманием адекватности как соответствия не только содержания, но и формы – фразеологической в нашем случае – эти тексты можно назвать более точно: «полностью эквивалентные» или «в целом адекватные». Как следует из примеров, названное качество текстов достигается двумя важнейшими и сложными приемами перевода – целостного преобразования и компенсации. Потребность этих сложных и взаимосвязанных приемов перевода вызвана именно тем, что английские ФЕ переданы нефразеологическими средствами русского языка.

Эти средства, не являясь раздельнооформленными единицами языка, близки, тем не менее, к фразеологизмам. Использование таких «потенциально фразеологических» слов вместо подлинных ФЕ есть, по мнению И.Э. Клюканова, семантическая компенсация, обеспечивающая равноценный перевод [Клюканов, 1989: 49].

Сказанное выше и проанализированные примеры позволяют заключить, что фразеологическая адекватность текстов есть особый тип их формально-содержательной соотношенности. Отношение адекватности между текстами во многом зависит от эквивалентности (полной или частично-структурной) входящих в них ФЕ, но отмеченная зависимость не исключает и такой адекватности двух текстов, которой сопутствуют фразеологически неэквивалентные отношения между английской ФЕ и русской нефразеологической единицей и при которой используется целый ряд языковых средств, компенсирующих отсутствие ФЕ в русском переводе. Если выявление полной или частичной эквивалентности двух ФЕ возможно при их сопоставлении, изолированном от текста, то выявление адекватности обязательно сопутствует нахождению ФЕ в контексте, а иногда – отсутствию ФЕ в русском переводе. Таким образом, существует несомненная связь между эквивалентностью ФЕ двух языков и тех текстов, в которых содержатся эти ФЕ.

Изучение текстов, в которых реализуются ФЕ, входящие в исследуемые бинары, показывает, что эквивалентность ФЕ, рассмотренная с функциональной точки зрения, носит значительно более ограниченный характер, чем может показаться при исследовании ФЕ в парадигматическом плане. Близкие по значению ФЕ разных языков характеризуются различными текстообразующими потенциями.

Определяющим фактором в формировании текстообразующих потенций ФЕ является образная основа, которая оказывает существенное влияние на формирование коррелятивных отношений ФЕ с другими элементами текста и обуславливает контекстное развертывание семантики ФЕ.

Л и т е р а т у р а

1. *Бархударов Л. С.* Особенности актуализации семантики фразеологических единиц контексте. М., 1985. С. 69.
2. *Бершадская Ф.* Формы употребления фразеологической единицы речи. Л., 1972. С. 33-35.
3. *Бородянский И.* Перевод фразеологических единиц и их контекст. Киев, 1971. С. 41-58.
4. *Верецагин Е. В., Костомаров В. Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. М., 1999. С. 74-88.
5. *Галева Н. Л.* Основы деятельностной теории перевода. Тверь, 1997. С. 51.
6. *Гарбовский Н. К.* Перевод как лингвистическая проблема. М., 1982. С. 92.
7. *Клюканов И. Э.* Психолингвистические проблемы перевода. Тверь, 1989. С. 49.
8. *Комиссаров В. Н.* Основные модели перевода. М., 1988. С. 39.
9. *Кунин А. В.* Классификация фразеологизмов. М., 1984. С. 11-19.
10. *Лапытов Л. Н.* Лингвострановедческий аспект переводов фразеологических единиц. Л., 1989. С. 25.

Об основных способах терминологического образования в немецкой химической терминологии

© Л.Н. Татарина, 2005

Семантическое терминологическое образование. Важнейшим источником формирования немецкой химической терминологии является общеупотребительная лексика. Существуют две возможности создания терминов из слов общеупотребительного языка.

В первом случае слова общего языка входят в терминологические системы в своем основном значении как названия тех понятий, которые являются одновременно и общеизвестными, и специальными. Означающее и означаемое у таких слов совпадает, лексическое значение общеупотребительного слова «смыкается» с общим терминологическим значением без особых семантических сдвигов [Левковская 1962: 149; Даниленко 1977: 55]. Терминологическая информация в этом случае не входит в семантическую структуру, а в форме дефиниции «сопутствует» соответствующему слову, выступающему в функции термина [Володина 1996: 28]. Дефиниция такого слова-термина отличается от дефиниции слова в общелитературном языке, например: Trägheit – I. вялость, леность, медлительность, инертность (общелит.); II. инертность – низкая способность химического элемента вступать в реакции (хим.).

Во втором случае, при так называемом «семантическом терминологическом образовании», лексическое значение общеупотребительного слова сужается (специализируется) в результате различных видов переноса основного значения (метафоризации, метонимии).

Метафоризация значений общеупотребительных слов происходит на основе внешнего или функционального сходства именуемых объектов, например: Körper – корпус, тело – хим. вещество; Keim – росток, зародыш – хим. центр кристаллизации; Hülle – обертка, чехол – хим. оболочка (атома); Birne – груша – хим. реторта. В подобных случаях «внутренняя форма» термина, наряду с дефиницией, «информирует» о существенных признаках именуемого понятия. Терминологическая информация, по-своему преломляя переносное значение общеупотребительного слова, входит в семантику терминов [Володина 1996: 28].

Метонимическое образование менее активно, чем метафоризация. В немецкой химической терминологии продуктивной является метонимическая модель «название действия – результат действия»: Lösung *растворение* – *раствор*, Mischung *смешивание* – *смесь*, Verunreinigung *загрязнение* – *примесь*. Многие термины, возникшие в результате метонимии, приобретают способность образовывать множественное число,

т.е. формальный признак, отличающий их, с одной стороны, от общеупотребительных слов, а с другой – от слов-терминов с процессным значением (Lösungen *растворы*, Verbindungen *соединения*, Verunreinigungen *примеси* и т.д.).

Говоря о сужении значения как способе терминообразования, нельзя не упомянуть об обратной стороне этого процесса – о расширении значения. К этому способу терминообразования относятся наименования целых классов веществ: «масла», «спирты», «соли», «смолы»... [Гринев 1993: 130-131].

Морфологический способ (терминопроизводство). Под терминопроизводством мы понимаем процессы образования новых терминологических единиц с использованием или без использования аффиксов в качестве словообразовательных средств.

Аффиксальное терминопроизводство представляет собой процесс морфологического образования лексических единиц, осуществляемый посредством присоединения словообразовательных морфем (префиксов и суффиксов) к словообразующей основе.

Процесс префиксации в исследуемой нами терминологии очень активен. Наибольшее распространение в образовании химических терминов получили интернациональные префиксы греческого и латинского происхождения (*Reduktion*, *Extrahierung*, *Absorbition*, *Suboxid*, *Dissoziation*, *Polysäure*, *Kovalenz* и др.), некоторые префиксальные образования являются специальными и употребляются только в сфере химии (*Perchlorat*, *Thiosulfat*, *Orthoborat*, *Isoverbindung*, *Cisisomer* и др.). Из немецких префиксов продуктивными являются глагольные префиксы *Ver-*, *Ent-*, *Er-*, *Zer-*, находящиеся в составе основ существительных, образованных от основ соответствующих глаголов (*Verflüssigung* *сжижение*, *Entschwefeln* *удаление серы*, *Erhitzen* *нагревание*, *Zerlegung* *разложение* и др.). Немецкие именные префиксы малоупотребительны (*Urdestillation* *первичная перегонка*, *Gemisch* *смесь*).

Суффиксация также находит широкое применение в образовании химических терминов. Суффиксы характеризуют соответствующее слово и со структурной стороны, и со стороны семантической (как представителя определенной семантической группы слов) [Левковская 1960: 102]. Так, для категории «процесс, операция» в химической терминологии используются суффиксы *-ung*, *-tion* (*Hydrierung*, *Oxydation*), в категории «качество, свойство» очень продуктивными являются суффиксы *-keit*, *-tät* (*Sprödigkeit* *хрупкость*, *Viskosität* *вязкость*), а по моделям с суффиксами *-er*, *-ig* образуются термины, относящиеся к тематической группе «прибор, средство» (*Abtreiber* *отгонный аппарат*, *Katalysator* *катализатор*). Особой информативностью обладают конечные

элементы номенклатурных обозначений, указывающие на их место в номенклатурных рядах (Natriumsulfid, Natriumsulfid, Natriumsulfat).

Способами безаффиксного образования немецких химических терминов являются:

а) субстантивация инфинитивных форм глагола различной словообразовательной структуры (Rühren *размешивание*, Vermörsern *растирание в ступке*, Abfiltrieren *отфильтровывание*, Kalkbrennen *обжиг извести*);

б) конверсия глагольных основ (Zerfall *распад*, Ausgleich *выравнивание*), редко основ прилагательных (Berliner Blau – *берлинская лазурь*);

в) чередование гласных (Angriff *коррозия*, Vorgang *процесс*, Auszug *вытяжка, экстракт*).

Лексико-морфологический способ (словосложение). Под словосложением (основосложением по К.А. Левковской) мы понимаем формальный процесс соединения двух или более морфем, выступающих в качестве основ в отдельных словах, в монолитную сложную основу [ЛЭС 1990].

Основную массу сложных химических терминов составляют двухкомпонентные детерминативные композиты. В качестве первого компонента в таких терминах выступают основы различных частей речи:

а) основа существительного (Ionenaustauscher *ионный обменник*, Metallbindung *металлическая связь*, Oxydationsreaktion *реакция окисления*);

б) основа прилагательного (Edelgas *идеальный газ*, Leichtmetall *легкий металл*, Reinelement *чистый элемент*);

в) основа глагола (Schmelzwärme *теплота плавления*, Mischvorgang *процесс смешивания*, Siedetemperatur *температура кипения*);

г) основа обстоятельного наречия (Hin- und Rückreaktion *прямая и обратная реакция*, Niederschlag *осадок*);

д) основа числительного (Einkristall *монокристалл*, Vierring *четырёхчленный цикл*).

Отдельную группу терминологических образований составляют именованья с основой имени собственного в качестве первого компонента (Wilson-Kammer *камера Вильсона*).

Значительное количество сложных химических терминов возникло в результате детерминативно-копулятивного словообразовательного процесса (Säure-Base-Gleichgewicht *равновесие между кислотой и основанием*, Druck-Volumen-Diagramm *диаграмма давления и объема*, Bor-Stickstoff-Verbindung *соединение бора и азота*, Jahn-Teller-Effekt *эффект Яна и Теллера*).

Характерными для немецкой химической терминологии являются также многокомпонентные композиты (Valenzbindungstheorie *теория*

валентной связи, Röntgenkristallstrukturanalyse *структурный анализ кристалла с помощью рентгеновских лучей*, Silicium-Wasserstoff-Sauerstoff-Verbindungen *кремниевоводородокислородные соединения*).

Кроме основосложения и словопроизводства, в немецкой химической терминологии имеется ещё «парасинтетический процесс словообразования – сложение компонентов (основ или словоформ) с одновременным безаффиксным или суффиксальным словопроизводством» (Ахманова, 1966, 424). В результате взаимодействия сложения и словопроизводства возникают сложнопроизводные термины (Kalkbrennen *обжиг извести*, Erzbildner *рудообразующий*).

Синтаксический способ. Терминологическое словосочетание – это смысловое и грамматическое объединение двух или нескольких полных слов, служащее наименованием специального понятия.

Наиболее простым и распространенным видом составных терминов в немецкой химической терминологии является двухкомпонентное атрибутивное словосочетание, состоящее из основного, ядерного элемента, выраженного именем существительным в именительном падеже, и атрибутивного, определяющего элемента. Значение определяющего элемента обычно указывает на функцию, свойство, форму, состав, материал объекта, обозначаемого ядерным элементом.

Различия между типами двухкомпонентных составных терминов основаны на формальной выраженности определяющего элемента. Исследования немецкой химической терминологии позволили выявить набор наиболее типичных структурных моделей, по которым строятся терминологические словосочетания:

1. Adj. + Sub._{Nom.} (saure Lösung *кислый раствор*, spezifisches Gewicht *удельный вес*, heterogenes Gemisch *гетерогенная смесь*);

2. Part. + Sub._{Nom.} (oxidierende Wirkung *окислительное действие*, verdünnte Säure *разбавленная кислота*, ungesättigte Verbindung *ненасыщенное соединение*);

3. Sub._{Nom.} + Sub._{Gen.} (Periodensystem der Elemente *Периодическая система элементов*, Polarität der Bindung *полярность связи*, Erholung der Mischung *лежка смеси*);

4. Sub._{Nom.} + Pr. + Sub._{Dat.(Akk.)} (Kristallisation aus der Lösung *кристаллизация из раствора*, Züchtung von Einkristallen *выращивание кристаллов*), Vernetzung durch Brückenbildung *сшивка посредством образования мостиков*).

Количество составных терминов, состоящих из нескольких слов, не столь велико, например: Reaktion erster Ordnung *реакция первого порядка*, Gesetz der konstanten Proportionen *закон постоянных пропорций*, Gehalt an Salzen schwacher Basen *гидролитическая кислотность*.

Заемствования и интернационализмы. Говоря об интернационализации научно-технической терминологии, следует иметь в виду не только и не столько постоянное увеличение числа прямых заимствований слов-терминов национальными языками. Наиболее актуальной является интернационализация морфем (корней, аффиксов) и словообразовательных моделей в процессе терминообразования, т.е. создание собственно терминологического словообразовательного фонда, имеющего межъязыковой, интернациональный характер.

Химическая терминология наиболее интернациональна, так как работа по ее стандартизации на международном уровне началась еще с середины XIX столетия. Для создания своей терминологии химии пользовались в основном двумя языками: греческим и латинским. Химическая номенклатура, построенная по единым правилам номенклатурных обозначений, разработанных Международным союзом теоретической и прикладной химии (ИЮПАК), является полностью интернациональной.

Остальные химические термины-интернационализмы можно условно разделить на следующие группы:

а) слова, целиком заимствованные из латинского или греческого языков или построенные из греко-латинских элементов (*Chemie* – от греч. *khemeia смесь соков*, *Glykogen* – от греч. *glykos сладкий* +gen *порождающий*, *Vakuum* – от лат. *vacuum пустота*, *Gel* – от лат. *gelo застываю*).

б) сложные слова, построенные из интернациональных основ и аффиксов (*Valenztheorie теория валентности*, *Reduktionspotential потенциал восстановления*, *Vakuumdestillation вакуумная дистилляция*);

в) гибридо термины, базирующиеся на возможности сочетания интернациональных и национальных элементов языка (*Isomerisierung изомеризация*, *Oxidierbarkeit окисляемость*, *Wasserstoffdonator донор водорода*, *Molekülschwankung колебание молекулы*);

г) кальки (*aqua regia* – рус. царская водка – нем. *Königswasser*; *hydrargirum* («живое серебро») – нем. *Quecksilber*).

Л и т е р а т у р а

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
2. Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. – М., 1993.
3. Володина М.Н. Термин как средство специальной информации. – М., 1996.
4. Володина М.Н. Теория терминологической номинации. – М., 1997.
5. Гринев С.В. Введение в терминоведение. – М., 1993.
6. Даниленко В.П. Русская терминология. – М., 1977.
7. Левковская К.А. Именное словообразование в современной немецкой общественно-политической терминологии. – М., 1960.

8. *Левковская К.А.* Теория слова. – М., 1962.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
10. *Прохорова В.Н.* Русская терминология (Лексико-семантическое образование). – М., 1996.
11. *Fleischer W., Barz T.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen, 1992.

Лексические средства оформления динамизма

© Т.А. Ленкова, 2005

Основными лексическими носителями динамизма в текстах любого жанра являются глаголы. Глагол как часть речи имеет значение процесса во времени. Процесс выступает как действие или состояние в зависимости от лексического значения того или иного глагольного слова.

Глаголы движения в немецком языке по своей семантике распадаются на две группы глаголы движения субъекта и глаголы объектного движения.

Глаголы субъектного движения – непереходные, они употребляются в предложениях, обозначающих движение самого объекта. Глаголы объектного движения – переходные, обозначающие ориентированное перемещение объекта в пространстве. Несмотря на коренные структурные различия этих подгрупп глаголов, они объединяются в одно лексико-семантическое поле на основе общей для них семантической категории «движение». Для этой категории инвариантным является понятие *транслокальности*¹.

Глаголы группы движения характеризуют ситуацию, в которой положение движущегося предмета в пространстве устанавливается по отношению к трем неподвижным точкам этого пространства – точке, обозначающей начальный пункт движения, точке, обозначающей конечный пункт движения, и точке где-то на пути этого движения. В конкретных предложениях с глаголами движения транслокальность актуализируется с помощью обстоятельственных членов предложения – указателей начального, конечного и промежуточного пунктов движения.

Эти глаголы по своей семантике распадаются на глаголы передвижения всего субъекта в целом и глаголы частичного движения, когда в движение приходит лишь часть субъекта (Er klopfte mit der Hand an die Tür). Среди глаголов передвижения всего субъекта можно выделить разные семантические подгруппы.

1. Самой многочисленной является группа глаголов движения, в семантике которых заключается указание на тот или иной характер передвижения, то есть дается обстоятельственно-модальная характеристика глагольного действия: klettern, kriechen, hinken, hüpfen, humpeln, marschieren, poltern, stampfen, schlüpfen, spazieren, stolzieren,

¹ Драгомирецкая Л. В. Структурно-семантическая группа глаголов движения в современном немецком языке // Прагматические единицы немецкого языка. М., 1986.

stolpern, springen, scharren, schwanken, schlendern, schreiten, tanzen, trappeln, taumeln, trippeln, trotten, watscheln, wandern.

2. Второй по численности является группа глаголов, в семантике которых заключается указание на темп движения: eilen, galoppieren, hasten, huschen, rasen, rennen, stürmen, stürzen.
3. К третьей группе относятся глаголы, обозначающие различный характер направления движения, так как направление движения указывается в предложении членами обстоятельственной семантики, где различные пространственные предлоги берут эту функцию на себя. В эту группу входят глаголы, обозначающие движение по вертикали и движение с поворотом: fallen, sinken, tauchen, (ein)biegen, schwenken.
4. Четвертую группу составляют глаголы, обозначающие
А) передвижение по воздуху: fliegen, flattern, schweben, wehen;
Б) передвижение по воде: fließen, rinnen, rieseln, schwimmen, tropfen.
5. Следующую группу составляют глаголы, обозначающие передвижение человека с помощью различных транспортных средств: fahren, radeln, reisen, reiten.
6. Значительная по объему группа глаголов употребляется с возвратным местоимением «sich». Некоторые из них встречаются параллельно и без «sich», сохраняя семантику движения: drängen, schleichen, stürzen.
7. К особой группе относятся глаголы, обозначающие передвижение части субъекта: hauen, klopfen, reißen, schlagen, tippen, trommeln.

Семантику движения могут получать глаголы других структурно-семантических групп.

1. Глаголы звучания: ächzen, brausen, brummen, donnern, hallen, kichern, sausen.
2. Глаголы чувственного восприятия: blicken, gucken, horchen, lauschen, lugen, schauen, sehen, starren, wittern.

Субстантивация инфинитива является одним из продуктивных способов образования имен действия в немецком языке.

Так называемые «субстантивированные инфинитивы» отличаются от имен действия с суффиксом «-ung», как правило, тем, что они по своему значению обычно более «процессны», т.е. выражают соответствующее действие именно как процесс, в то время как существительные с суффиксом «-ung» имеют тенденцию к предметным значениям².

Например:

² Левковская К. А. Немецкий язык. Фонетика, грамматика, лексика. М, 2004.

1. In Deutschland kennt man seine Politiker in allen Lebenslagen – beim *Tanzen*, beim *Joggen*, beim *Küssen*, beim *Kochen*. Nur beim *Beten*, da sehen wir sie nie.
2. Bei einer *Zwischenlandung* war die sechsjährige Sahwa für ein kurzes *Treffen* zum Flughafen gekommen.

Продуктивен суффикс «er» в отглагольных образованиях, которые в зависимости от значения глагольной основы и от ситуации могут быть обозначениями лиц по их действиям или состоянию в данный момент, но могут обозначать и постоянное занятие лица или его склонность к тем или иным действиям, а также профессию: *Reformer*, *Arbeitnehmer*, *Arbeitgeber*, *Vermittler*, *Gründer*, *Zeitungshändler*.

Отглагольные существительные женского рода с суффиксом «-ung» имеют значение процесса или результата действия: *Demokratisierung*, *Veröffentlichung*, *Ablehnung*; некоторые из них обозначают душевное состояние: *Empörung*.

Отглагольные образования с суффиксом «-erei» имеют значение непрерывного, осуждаемого говорящим действия: *Schreiberei*. Имена действия с префиксом «ge-» синонимичны по отношению к словам с суффиксом «-erei», однако не являются дублетами. Различие заключается прежде всего в том, что префиксальные образования выражают только досаду, а суффиксальные еще и осуждение действия. При наличии вариантов с окончанием «-e» и без него уничижительный оттенок больше связан со словом, имеющим это окончание, так как слова с окончанием «-e» более ярко эмоционально окрашены: *das Gelaufe* – *die Lauferei*³.

Причастие I как глагольная форма имеет активное значение, то есть значение действительного залога, совпадающее с действием сказуемого: *die beruhigende Weise*, *der entstehende Nationalismus*, *knüppelschwingende Fanatiker*, *vaterlandsliebende Patrioten*.

Таким образом, первостепенная роль в выражении динамизма принадлежит структурно-семантической группе глаголов движения. То, что в других языках, в частности, русском, обычно выражается модальными обстоятельствами (идти, тяжело ступая, громко цокая, как на ходулях), в немецком языке заключено, как правило, в самой семантической структуре слова (*er stampfte*, *trappete*, *stelzte*). Явную семантику динамизма заключают в себе также немецкие глаголы звукоподражания и чувственного восприятия; причастие I как глагольная форма; отглагольные существительные и так называемые «субстантивированные инфинитивы».

³ См. указ. соч. С. 326

Л и т е р а т у р а

1. *Бессмертная Н. В.* Динамическое описание: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Л., 1989. 20 с.
2. *Борисова Е. Г.* Значение слова и описание ситуации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 1996, № 3.
3. *Драгомирецкая Л. В.* Структурно-семантическая группа глаголов движения в современном немецком языке // Прагматические единицы немецкого языка. М., 1986.
4. *Левковская К. А.* Немецкий язык. Фонетика, грамматика, лексика. М., 2004.

ЛИНГВОПОЭТИКА

Слово в художественном тексте

© доктор филологических наук В.Я. Задорнова, 2005

Для полноценного филологического восприятия художественного текста чрезвычайно важным является вопрос о соотношении языковых средств и их разнообразного эстетического функционирования в контексте художественной литературы. И хотя в эстетической организации текста участвуют единицы всех уровней, главная роль все же принадлежит слову как основной единице языка, вокруг которой организуются все остальные единицы и понятия нашей науки. Нисколько не умаляя значения других аспектов языка, можно сказать, что сила художественного воздействия заключается, прежде всего, в словах¹. Попадая в художественный контекст, слово оказывается обращенным не только к реальной действительности, но и к творчески созданному в художественном произведении особому миру. Будучи обусловлено художественным заданием писателя, слово обогащается эстетическими приращениями смысла, начинает жить по законам сложного эстетического целого. Оно предстает во всем богатстве нюансов и красок, становится орудием образного мышления.

При восприятии слова в художественном тексте необходимо помнить, что оно одновременно функционирует по крайней мере на трех разных уровнях: семантическом, метасемантическом и лингвопоэтическом и, соответственно, может становиться объектом трех видов анализа. Первые два уровня относятся к области лингвостилистики и предполагают разграничение собственно смыслового содержания, семантики слова и накладывающихся на нее экспрессивно-эмоционально-оценочных оттенков, или коннотаций. Третий уровень восприятия имеет дело с более тонкими и сложными эстетическими особенностями слова, непосредственно связанными с идейно-художественным содержанием произведения.

Лингвостилистический анализ универсален, в том смысле, что он применим к любому произведению речи, независимо от функциональ-

¹ О безграничных возможностях слова в художественной литературе писали такие русские филологи, как А.А.Потебня, Г.О.Винокур, В.В.Виноградов, Л.В.Щерба, О.С.Ахманова, Р.А.Будагов, а в зарубежной традиции, – например, представители Пражской лингвистической школы и «новой критики».

ного стиля². Его всеобщность, безразличность к характеру анализируемого текста как бы уравнивает произведения речи, принадлежащие к разным регистрам, ставит их на один уровень. Однако в случае художественной литературы, этого уникального, своеобразного вида речевой деятельности, лингвостилистический анализ – лишь первый, предварительный шаг в ее исследовании. Сущность ее как словесного искусства может быть раскрыта лишь при помощи лингвопоэтики [Задорнова 1984, 1992]; [Липгарт 1994, 1999].

Лингвопоэтику можно определить как раздел филологии, изучающий эстетические свойства, приобретаемые языковыми единицами в художественном контексте. Когда исследователь имеет дело с художественной речью, то ее восприятие в целом можно охарактеризовать как «прямое» восприятие языковых единиц в единстве их содержания и выражения. Если же имеется в виду чтение художественной литературы, то наше восприятие сдвигается из одной плоскости языкового мышления в другую, поднимаясь на новый уровень. Различные элементы языка, оказываясь в сфере словесно-художественного творчества, преобразуются, выявляя объективно заложенные в них возможности эстетического выражения. Те или иные слова именно тогда становятся предметом лингвопоэтического анализа, когда в исследуемом произведении они подверглись эстетическому преобразованию в соответствии с замыслом автора. Иными словами, предметом лингвопоэтики является совокупность использованных в художественном произведении языковых средств, при помощи которых писатель обеспечивает эстетическое воздействие, необходимое ему для воплощения его идейно-художественного замысла. Как известно, эстетическое воздействие зависит не только от того, о чем говорится в произведении, но и от того, как об этом говорится. Цель лингвопоэтического анализа как раз и заключается в том, чтобы определить, как та или иная единица языка (в нашем случае слово) вовлекается автором в процесс словесно-художественного творчества, каким образом то или иное сочетание слов приводит к созданию данного эстетического эффекта.

Немедленно возникает вопрос о соотношении и взаимодействии перечисленных трех уровней. Семантический уровень предусматривает рассмотрение языковых единиц как таковых, в их прямых значениях; это анализ языкового материала, из которого строится текст. Поднимаясь на метасемиотический уровень, мы от рассмотрения единиц языка как таковых переходим к изучению их функционирования в речи (при этом основное внимание уделяется тому дополнительному содержанию, тем коннотациям, которые они приобретают в непосредственном рече-

² О применении лингвостилистического анализа к текстам разных функциональных стилей см. [Akhmanova, Idzelis 1978], [Задорнова 1984: 109-119].

вом контексте). Однако отождествление семантического уровня с языком, а метасемиотического с речью является известным упрощением, так как в этом случае «за кадром» остается ингерентная метасемиотика, т.е. та стилистическая и экспрессивно-эмоционально-оценочная окраска единиц языка, которая присуща им как эмиическим единицам.

На лингвостилистическом уровне происходит несколько процессов, и таким образом, термины «семантический» и «метасемиотический» употребляются в каждом случае в разных значениях. Может происходить переход от семантики к адгерентной метасемиотике: в этом случае эти термины употребляются синонимично терминам «язык» – «речь» (например, в следующей строке из монолога Гамлета “To be or not to be”: “The slings and arrows of outrageous **fortune**” Hamlet, III. 1. 58 – “fortune” приобретает отрицательную коннотацию в данном поэтическом контексте в сочетании с негативно окрашенным прилагательным “outrageous”). Переход может быть также от семиозиса к метасемиозису, и тогда семантический уровень фактически имеет значение «семиотический». Это происходит, когда мы имеем дело с единицами дифференциального (фонологического) уровня, собственной семантикой не обладающими, но могущими приобретать стилистическую значимость, например, “c-civilized” в романе Олдоса Хаксли «Желтый Кром» (“Crome Yellow”):

“Gombauld has more talent”, Mary began, “but he is less civilized than Denis”. Mary’s pronunciation of “**civilized**” gave the word a special additional significance. She uttered it meticulously, in the very front of her mouth, hissing delicately on the opening sibilant. “So few people were civilized, and they, like first-rate works of art, were mostly French. Civilization is most important, don’t you think?”

И наконец, эти термины могут относиться к разграничению между денотативно-референтным и коннотативным значением языковой единицы, т.е. между семантикой и ингерентной метасемиотикой. Так, “horse” и “steed” различаются по стилистической коннотативности уже на уровне языка: “horse” относится к нейтральным лексическим единицам, в то время как “steed” обладает возвышенной поэтической коннотацией. Оппозиции такого рода часто обыгрываются в художественном тексте (например, “The **horse** followed, a tall **steed**, and on its back a rider”, Charlotte Bronte. “Jane Eyre”. Ch. 12). В этом случае граница между семантикой и метасемиотикой должна быть сдвинута в сторону языка и проходить внутри него.

Неоднократно отмечалось, что при анализе текста исследователь не может ограничиться семантическим уровнем, так как последний дает представление лишь о тех единицах, из которых состоит текст, а не о

тексте в целом. В то же время метасемиотический уровень не может быть оторван от семантического, так как дополнительное содержание языковых единиц, приобретаемое ими в тексте, не может быть осмыслено без ясного представления об их семантике. Последнее, как будто бы бесспорное, положение часто нарушается в авангардистской литературе, особенно поэзии, где понимание текста, в частности, затруднено именно потому, что метасемиотический уровень оторван от семантического, недостаточно мотивирован им. Так например, в следующем отрывке из стихотворения Е.Е. Каммингса метасемиотика слов “exact” (exact tombs) и “minutely” (minutely dead) практически не выводима из их семантики:

...and we will pass the simple ugliness
Of exact tombs, where a large road crosses,
And all the people are minutely dead.

С теоретической точки зрения, анализ на семантическом уровне должен включать все элементы текста. Однако на практике этого не происходит, и детальность анализа зависит от уровня знаний студентов, степени владения ими языком. С каждым следующим уровнем происходит некий отбор единиц: на метасемиотическом уровне – только то, что стилистически окрашено (или иными словами, выполняет функцию воздействия), на уровне лингвопоэтики – то, что значимо эстетически.

Взаимодействие между лингвостилистическим и лингвопоэтическим уровнями оказывается менее непосредственным и более сложным, чем в случае с семантикой и метасемиотикой. Как переходить от стилистики к поэтике, каким образом обнаруживать эстетически значимые элементы в тексте? Дело в том, что потенциально во всех единицах языка заложены возможности эстетического выражения, но попадая в сферу словесного искусства, не все из них эти возможности реализуют. Вопрос о том, только ли стилистически маркированные единицы языка могут подвергнуться лингвопоэтическому преобразованию или эстетическую значимость может приобрести любая нейтральная единица семантического уровня, остается спорным.³ Скорее всего, эстетически значимый элемент текста должен хоть как-то быть отмечен на метасемиотическом уровне (это может быть и повтор, и инверсия, и использование кавычек и т.п.), хотя это не установленный факт. С уверенностью можно сказать

³ Об этом свидетельствуют следующие противоречивые мнения, которые можно найти в литературе вопроса: «Многие художественные тексты не подлежат лингвопоэтическому изучению в силу отсутствия в них стилистически маркированных единиц...» [Липгарт 1997: 21] и «Художественное слово образно вовсе не в том только отношении, будто оно непременно метафорично. Сколько угодно можно привести неметафорических поэтических слов и целых произведений. Но действительный смысл художественного слова ни когда не замыкается в его буквальном смысле». [Винокур 1991: 27].

только, что не все явления метасемиотического уровня обязательно эстетически значимы, т.е. обусловлены идейно-художественным замыслом автора. Они могут играть «декоративную» роль или создавать настроение, и здесь правильный отбор зависит от интуиции и чутья исследователя. Есть художественные произведения, богатые метафорами и фигурами речи, которые, тем не менее, не дают достаточного материала для их обсуждения на уровне лингвопоэтики из-за слабости (например, романы Лори Ли) или расплывчатости (например, поэзия Ч. Суинберна) их художественного содержания.

Посмотрим теперь, как слово реализует свои эстетические потенции, как оно становится орудием образного мышления, обратившись к произведениям классической английской и русской поэзии и прозы и их переводам. Многолетняя работа в области изучения художественного перевода убедила меня в том, что эстетические свойства того или иного текста наиболее полно и явно раскрываются тогда, когда есть возможность исследовать различные восприятия этого текста на других языках⁴. Возможность посмотреть на материал через призму двух или нескольких языков позволяет высветить в нем стороны, которые могли остаться в тени при изолированном рассмотрении. Может быть, абсолютно новых сведений о тексте из его переводов получить нельзя, но можно с их помощью глубже проникнуть в текст, составить о нем впечатление, обогащенное опытом нескольких поколений переводчиков, причем опыт плохих или неудачных переводов при таком подходе так же ценен, как и самых лучших. Л.Н. Толстой признался однажды, «что удивительное совершенство пушкинских «Цыган» открылось ему тогда, когда он прочел поэму во французском переводе: сопоставление оказалось причиной неожиданного открытия новых эстетических качеств в тексте хорошо знакомого подлинника» [Алексеев 1987: 352].

Начнем с тех случаев, когда слово выполняет лингвопоэтическую функцию, находясь в составе тропа или фигуры речи. Обратимся к первой строфе стихотворения С. Есенина «Эх вы, сани! А кони, кони!», которое было переведено на английский язык канадским переводчиком Р.А.Д. Фордом⁵.

Эх вы, сани! А кони, кони!
Видно, черт их на землю принес.
В залихватском степном разгоне
Колокольчик хохочет до слез.

⁴ См. статьи О.С. Ахмановой и В.Я. Задорновой в ежегодно издававшихся сборниках: Shakespeare Translation. Vol.1, 2, 4, 5, 7, 9. – Tokyo, 1974-1983 и Shakespeare Worldwide. Vol. XI, XII, XIII. – Tokyo, 1986-1991, а также: Задорнова В.Я. Указ. соч.

⁵ R. A. D. Ford. The Sleigh // The Solitary City. – Toronto/Montreal, 1969.

Oh! my sleigh and my fast horse!
You are the devil's work below:
And in the vastness of the steppe
The sleigh-bells laugh, and tears flow.

Как отмечают исследователи, через все творчество Есенина проходит мотив «дороги», который связан у него с движением, течением жизни. В поздней лирике этот мотив конкретизируется в виде образа «саней» или «тройки», мчащейся по снеговым просторам («Слышишь, мчатся сани...»); «Все укатилось под вихрем бойким / Вот на такой же бешеной тройке»). Одно из наиболее распространенных у Есенина конкретных метонимических воплощений этого образа – это звон бубенцов, создающий не только зрительное, но и слуховое впечатление (например, «Вот опять вдруг зарыдали / Разливные бубенцы»; «По равнине голой катится бубенчик»; «Колокольчик хохочет до слез»).

Процесс восприятия слова «хохочет» проходит как бы в три (или даже в четыре) ступени. Сначала оно воспринимается (пусть подсознательно) на семантическом уровне в его номинативном значении. Следующий этап – восприятие метафоры (или скорее ее разновидности – олицетворения): колокольчик хохочет (звонит) на шее разогнавшихся лошадей; затем воспринимается обобщенный образ, который эта метафора воплощает – бешеную езду по степи; и наконец, – символическое содержание образа, проявляющееся во всем стихотворении в целом, особенно в его заключительной части. В интерпретации В.В.Виноградова – это «иронический хохот судьбы над протекшими событиями человеческой жизни».⁶

Следует отметить, что и слова «сани», «кони», «колокольчик», хоть и не употреблены в переносном значении, отнюдь не «равны самим себе». Они также выполняют лингвопоэтическую функцию, участвуя в создании образа бешено мчащихся саней, который в поэзии Есенина ассоциируется с тоской по ушедшей молодости, с жизненным потоком, неумолимо несущимся вперед. На метасемиотическом уровне к словам «сани» и «кони» привлекается внимание тем, что они даны в виде риторического обращения (апострофы), усилены с помощью повтора и входят в составе восклицательных предложений.

В переводе образ саней значительно обеднен и упрощен. Сохранена, и то лишь частично, метафора, т.е. языковое воплощение образа (the sleigh-bells laugh). Но потеряны динамизм и стремительность, так как «залихватский степной разгон» передан как “the vastness of the steppe” (степная ширь), т.е. в виде статичной картины природы, которая не

⁶ Интересный анализ этого образа в контексте всего стихотворения и шире – всего творчества Есенина предложен в [Виноградов 1963: 158].

может символизировать стремительное течение жизни. Мотив слез, который находит интересное воплощение вначале (“the sleigh-bells laugh, and tears flow”), пропадает в заключительной строфе, где он особенно важен для символической интерпретации всего стихотворения. Поэтому конец в переводе получается гораздо более оптимистическим. Сравните:

Потому что над всем, что было,
Колокольчик хохочет до слез.

Because the sleigh-bells are laughing
Still, at all that happened long ago.

Огромными возможностями эстетической выразительности обладают слова, характеризующиеся многозначностью или полисемией. Основной идеей учения о полисемии всегда являлось то, что в каждом данном контексте слово реализует лишь одно из своих значений. Контекст показывает, какое из значений слова имеется в виду, тем самым снимая многозначность. Такая контекстуально обусловленная реализация значений характерна в первую очередь для нехудожественной речи. В произведениях художественной литературы слово имеет тенденцию расширять свои семантические возможности: оно в каждом употреблении может одновременно реализовать несколько значений или их оттенков⁷. Возможность лексической полифонии (так было названо это явление) создается более широким (по сравнению с языковым), лингво-поэтическим контекстом, функция которого не в том, чтобы снимать, а в том, чтобы увеличивать многозначность⁸. Такой контекст может охватывать довольно большие отрезки текста – от строфы или абзаца до произведения в целом.

В следующем отрывке из романа Джона Брейна «Путь наверх» (“Room at the Top”) слово “top” употребляется дважды: сначала – в номинативном значении, затем – реализуя и номинативное, и переносное значения одновременно. Это история молодого человека из бедной семьи, Джо Лэмптона, который любой ценой решил пробиться в высшее общество. Он покидает родной город – убогий и грязный Дафтон – и приезжает в Уорли, который становится для него символом новой жизни. Слово “top” впервые появляется, когда Джо Лэмптон делится свои-

⁷ Необходимо сразу же оговориться, что это взаимосвязанные значения. Значения, далеко отстоящие друг от друга, а тем более омонимы, составляют основу уже не полифонии, а каламбура.

⁸ В более широком плане эта мысль выражена Д.М.Урновым: «В искусстве многозначность – это не набор значений, подлежащий выбору относительно друг друга, искусство находится в состоянии многозначности, занимая положение уникальное среди других средств осмысления и истолкования действительности» [Урнов 1982: 135].

ми первыми впечатлениями от Уорли. Отрывок начинается со слов его новой хозяйки, сдавшей Джо комнату:

“This is St. Clair Road”, she said as the taxi turned up a long steep hill. “We live at the **top**...”

А в следующем абзаце начинается внутренний монолог Джо:

“...I was going to the **Top**, into a world that even from my first brief glimpses filled me with excitement”.

В первом употреблении “top” значит «вершина, верхняя часть чего-то»: дом, в котором Джо снял комнату, действительно, находился на вершине холма. Но второе употребление уже полифонично: здесь вместе с прямым значением реализуется и производное: «высокое положение», так как занять место в высшем обществе было основной целью главного героя. Формальным критерием полифонии служит в данном случае заглавная буква.

Понятие лексической полифонии включает достаточно очевидные случаи одновременной реализации словом нескольких словарных значений. Например, сравнивая жизнь с театром в монологе Макбета, Шекспир употребляет слово “poor”:

Life’s but a walking shadow, a **poor** player,
That struts and frets his hour upon the stage,
And then is heard no more.
(Macbeth, V. 5. 24-26)

“Poor player” – это не только плохой актер, но и актер, достойный сочувствия, так как его пребывание на сцене непродолжительно и проходит не замеченным.

К лексической полифонии относятся и менее очевидные случаи приобретения значений, которыми слово не обладает как единица языка. Таким значением, по-видимому, является значение «небытие» у слова “darkness”, на которое указывает контекст стихотворения Томаса Грея «Сельское кладбище» (“Elegy Written in a Country Churchyard”):

The curfew tolls the knell of Parting day,
The lowing herd winds slowly o’er the lea,
The plowman homeward plods his weary way
And leaves the world to darkness and to me.

“Darkness” одновременно реализует здесь значение «отсутствие света; тьма» и приобретенное символическое значение смерти, открывающееся читателю по мере чтения стихотворения.

Важно отметить, что перевод позволяет объективировать явление полифонии. Подобрать равное по емкости слово в языке перевода – задача непомерно трудная для переводчика. Поэтому сложное понятийное содержание лексической единицы оригинала как бы дробится между несколькими лексическими единицами в переводах, например, «комедиант» (в переводе Ю. Корнеева) или «фигляр» (в переводе А. Кронберга), передающие первое значение, и перевод «актер прежалкий» (в переводе С. Юрьева), более или менее соответствующий второму значению. В этом смысле «актер несчастный» А. Радловой ближе к оригиналу, так как этот перевод можно расценивать как попытку передать глобальность художественного слова.

То же самое можно сказать о слове «молчанье», предложенном в третьем варианте перевода В.А.Жуковским элегии Грея в качестве эквивалента “darkness”. В первых двух переводах оно было просто опущено.

Семантико-стилистический потенциал слова, его полифоничность может раскрываться не только на основе его единичного употребления, а по мере того, как оно накапливается в тексте. В некоторых пьесах Шекспира (таких как «Буря», «Отелло», «Король Лир») разные персонажи употребляют одно и то же слово, которое, являясь частью речевой характеристики персонажа, в то же время обретает новое качество, подчиняясь идейно-тематическому замыслу автора [Oyama 1980]. Это происходит, например, со словом “nothing” в «Короле Лире». Где бы оно ни встретилось в тексте пьесы, оно немедленно оказывается в ассоциативном ряду с другими употреблениями и поэтому приобретает дополнительную смысловую нагрузку. Вариации на тему “nothing” встречаются на протяжении всей пьесы. Шекспир использует “nothing” и как средство характеристики короля Лира, и как средство насмешки над ним. Накапливаясь в тексте, “nothing” переходит в новое качество и начинает символизировать трагедию Лира в самом широком смысле этого слова.

Русские переводчики единодушно передают “nothing” как «ничто (ничего)», не считая двух случаев, когда М. Кузмин использует эквивалент «пустяки», а Б. Пастернак – «вздор». Хотя лексические единицы в английском и русском языках совпадают по своей семантической структуре, “nothing” гораздо более выразительно (видимо, благодаря своей внутренней форме), чем «ничто», не говоря уже о трехсложном «ничего»: *Lear. Nothing! I have sworn; I am firm.* (I. 1. 248) – *Лир. Я клялся. Слово крепко. Ничего.* (М. Кузмин); *Lir. Нет! Ничего!* Я клятву дал – я тверд. (Т. Щепкина-Куперник). Двойное отрицание в русском языке также ослабляет эмоциональную силу английского слова, эффект завершенности, который им создается: *Gloucester. Go to. Say you nothing.*

(III.3.07) – *Глостер*. Вот что, **ничего не** говори. (М. Кузмин); *Глостер*. Вот что – только **никому ни** слова об этом. (Т. Щепкина-Куперник).

Лингвопоэтическое функционирование слова может быть связано и с теми литературными и поэтическими ассоциациями, которыми это слово обладает в данной культурной традиции. Так, из двух сходных по значению слов “fog” и “mist” Диккенс выбирает в романе «Большие ожидания» именно “mist” для описания поворотных моментов в судьбе Пипа, когда писатель как бы приподнимает завесу над следующим периодом жизни героя. “Light mists” и “morning mists” в сочетании с “rising” появляются для символического указания на то, что в жизни Пипа начинается новый, важный этап: “...the **light mists** were solemnly **rising** as if to show me the world” (Ch. 19). В конце романа “the rising of the evening mists” дает читателю надежду, что в жизни уже много пережившего Пипа наступит, наконец, счастливый период: “And as the **morning mists** had risen long ago when I first left the forge, so the **evening mists were rising** now, and in all the broad expanse of tranquil light they showed to me, I saw no shadow of another parting from Estella” (Ch. 59).

Есть основания полагать, что выбор “mist” в качестве слова-символа происходит благодаря некоему поэтическому ореолу, которым окружено слово “mist”, в отличие от “fog”. Если “fog” и встречается в поэзии, то в основном в отрицательных контекстах, например, в сцене с ведьмами из «Макбета»:

Fair is foul, and foul is fair;
Hover through the fog and filthy air.

“Mist” более романтизировано поэтами, на что указывают такие контексты, как “Season of mists and mellow fruitfulness” Китса.

Представляется, что на русском эквиваленте «туман» тоже лежит отпечаток поэтических контекстов, поэтому он вполне способен адекватно передать эстетическое содержание, заключенное в слове “mist”. Сравните с переводом М. Лорие:

«...**легкий туман** торжественно уплывал вверх, словно открывая мне мир» (глава 19).

«И так же, как давно, когда я покидал кузницу, **утренний туман** поднимался к небу, – так теперь уплывал вверх **вечерний туман**, и широкие просторы, залитые спокойным светом луны, расстились перед нами, не омраченные тенью новой разлуки» (глава 59).

Работа в этой области в конечном счете преследует дидактические цели: найти пути обучения студентов филологическому чтению и пониманию художественной литературы. Важным аспектом филологическо-

го чтения литературы является способность читателя освободиться от привычных ассоциаций и представлений о слове и увидеть слово так, как его сумел увидеть художник

Л и т е р а т у р а

1. *Алексеев М.П.* Пушкин и мировая литература. – Л., 1987.
2. *Ахманова О.С.* К вопросу о слове в языке и речи // Доклады и сообщения филологического факультета. Вып. 5. – М., 1948.
3. *Будагов Р.А.* Филология и культура. – М., 1980.
4. *Виноградов В.В.* Стилистика. – Теория поэтической речи. – Поэтика. – М., 1963.
5. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. – М., 1971.
6. *Виноградов В.В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. – М., 1980.
7. *Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. – М., 1991.
8. *Задорнова В.Я.* Восприятие и интерпретация художественного текста. – М., 1984.
9. *Задорнова В.Я.* Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования: Дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1992.
10. *Лингарт А.А.* Лингвопоэтическое сопоставление: теория и метод. – М., 1994.
11. *Лингарт А.А.* Методы лингвопоэтического исследования. – М., 1997.
12. *Лингарт А.А.* Основы лингвопоэтики. – М., 1999.
13. *Потебня А.А.* Мысль и язык. – Харьков, 1913. 3-е изд.
14. *Урнов Д.М.* Литературное произведение в оценке англо-американской «новой критики». – М., 1982.
15. *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.
16. *Akhmanova O., Idzelis R.F.* What is the English We Use? – М., 1978.
17. *Empson W.* The Structure of Complex Words. – Univ. of Michigan Press, 1967.
18. *Mukarovskiy J.* On Poetic Language / Transl. and ed. by *J. Burbank* and *P. Steiner*. – Lisse, 1976.
19. *Oyama T.* Shakespeare's Thematic Characterization // Shakespeare Translation. Vol. 7. – Tokyo, 1980.

Некоторые особенности литературной сказки в когнитивном аспекте

© А.В. Брандаусова, 2005

«Сказка, один из основных жанров устного народно-поэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое художественное произведение с установкой на вымысел. Сказкой называют различные виды устной прозы, отсюда разноречивость в определении ее жанровых особенностей. От других видов художественного эпоса сказка отличается тем, что сказочник рассказывает ее, а слушатели воспринимают прежде всего как поэтический вымысел, игру фантазии. Это, однако, не лишает сказку связи с действительностью, определяющей идейное содержание, язык, характер сюжетов, мотивов, образов»¹, – таково одно из общепризнанных определений сказки, данное еще советским литературоведением.

Сегодня принято считать, что семантика конкретного речевого произведения включает в себя несколько слоев, начиная от лексико-грамматических и семантико-синтаксических значений и кончая коммуникативно-прагматическим и когнитивным содержанием. Развитие когнитивной лингвистики дает нам возможность по-новому посмотреть на изучение сказки, как на определенную модель фоновых знаний человека о мире, о повседневной жизни, как на источник, в котором сконцентрированно представлен опыт, специфика культуры народа.

Еще В. Гумбольдт указывал на прочную связь языка с окружающим человека миром: «Человек преимущественно – даже и исключительно, поскольку ощущение и действие его зависят от его представлений, – живет с предметами так, как их преподносит ему язык. Посредством того же самого акта, в силу которого он сплетает язык внутри себя, он вплетает себя в него; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира; до известной степени фактически так дело и обстоит, поскольку каждый язык содержит всю структуру понятий и весь способ представлений определенной части человечества»².

¹ Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 383.

² Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. С. 80.

В этом аспекте сказка, как самая первая и древнейшая форма образования, является той призмой, сквозь которую мы оцениваем явления действительности, определенной моделью поведения, которой руководствуется человек.

Как один из видов фольклора сказка была известна с давних времен, однако первоначально сказки отнюдь не предназначались специально для детей – дети слушали их вместе со взрослыми. Сказка далеко не сразу завоевала свое законное место в детской литературе. Хотя первые книги, изданные для детей, были появившиеся в XVIII веке сборники сказок, в эпоху Просвещения сказки не «рекомендовались» для детского чтения, поскольку считалось, что книги для детей должны прежде всего быть поучительными и информативными. Лишь в первой половине XIX века это мнение постепенно стало вытесняться другими, и полезность книги в ущерб ее занимательности перестала считаться основным достоинством в детской литературе. XIX век стал периодом признания сказки. В это время не только появилось огромное количество англоязычных народных сказок в обработке для детей (например, Эндрю Лэнга и Джозефа Джекобса в Англии и Говарда Пайла в США), но и были изданы первые литературные (авторские) сказки. Англоязычные писатели всегда пользовались признанием по всему миру. Например, такие замечательные авторы, как Дж. Барри, А. Милн (Англия), Доктор Сьюз, М. Сендак (США). А англичанка Дж. Роллингз в век компьютеров и телевидения завоевала сердца читателей по всему миру и вновь усадила детей за книги. Следует отметить, что взрослая часть населения нашей планеты также не осталась равнодушной к ее творчеству. Дебаты о причинах популярности литературных сказок этой писательницы до сих пор продолжаются. Действительно, эти произведения представляют собой плодотворную почву для исследований в разных областях науки: от литературоведения до богословия.

В настоящее время одни сказки продолжают свою жизнь в книге, другие уходят из народного быта либо становятся достоянием детей, третьи продолжают интересовать взрослых слушателей. Они постоянно привлекают внимание писателей, широко использующих сказочные образы, темы и сюжеты.

То обстоятельство, что сказка составляет в настоящее время неотъемлемую часть детской литературы, в значительной степени объясняется тем, что «ее синтаксический и стилистический строй отвечают детскому строению мысли»³, то есть тем, что она как по содержанию, так и по стилю соответствует особенностям когнитивного познания. Для сказок типичен простой сюжет, отсутствие затягивающих действие описа-

³ Астафьева И.М. Виды синтаксических повторов, их природа и стилистическое использование: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1963. С. 14.

ний, многочисленные повторы. У сказок несложное начало, в них даются только факты, необходимые для развития действия, и очень быстро наступает развязка.

Литературная сказка, особенно современная, следуя традициям народной сказки, не только развивает их, но и вносит много нового в наши представления о ней. Например, наряду с короткой сказкой появляются длинные, многоходовые сказки с большим числом действующих лиц, сказки, не всегда подчиняющиеся так называемому закону хронологической несовместимости, согласно которому в фольклоре не бывает двух театров действия в разных местах одновременно. Сказки усложняются, часто превращаются в сказочные повести или сочетают в себе признаки других жанров.

Развитие сказочной традиции происходит теперь не столько в рамках фольклора, сколько в рамках детской литературы, так как в наше время авторские сказки, за немногими исключениями, создаются специально для детей. Отсюда возникает новая взаимосвязь между сказкой и детской литературой.

Литературная сказка, возникающая на основе народной сказки, не укладывалась в рамки эпического фольклорного жанра с его вполне устойчивой структурой (повторяющийся зачин, персонажи, характеры и приемы повествования, типичная концовка) и определенными типами художественного содержания (богатырские, волшебные, бытовые и др. сказки). Создавая сказку, художник абсолютно свободен и в моделируемом им мире могут органично переплетаться множество других миров. Поэтому литературная сказка синтезирует элементы других эпических жанров – романа, повести, рассказа, новеллы, превращаясь в универсальный жанр, она выходит за пределы традиционной национальной сказки, обращаясь к сказочно-мифологическому наследию народов мира, переосмысливая и переакцентируя его. Отсюда возникают проблемы, связанные с типологическим изучением жанра литературной сказки. Давая определение литературной сказки, необходимо учитывать различные тенденции ее понимания наукой, выявить наиболее характерные черты, отличающие ее от народной. Ведь литературная сказка часто прямо или косвенно связана с фольклорными источниками, поэтому большой интерес приобретает проблема взаимодействия между ними, – как, например, литературная сказка, опираясь на народную и одновременно отталкиваясь от нее, утверждает свою индивидуальность. Существуют различные методы исследования и классификации фольклорных сказок (Пропп, Афанасьев, Грундтвич), которые так или иначе применялись к литературной сказке.

В некоторых случаях эти попытки были успешными, но зачастую они не в состоянии описать всю многоплановость этого интереснейшего жанра.

В последние годы особенно большое внимание уделяется лингвистике антропологической, в рамках которой язык является системой, формирующейся под влиянием нейрофизиологического устройства человека и тесно связанной с его мышлением, его знаниями, его представлениями о мире. В результате этого внимание лингвистов концентрируется на когнитивных аспектах языка. Одним из постулатов когнитивизма, является вопрос об общности знаний как человека, порождающего текст, так и человека, на которого этот текст ориентирован. Человек должен рассматриваться как система переработки информации⁴ и до известной степени отождествляться с машиной, например компьютером. Как и компьютер, человек принимает и перерабатывает информацию и на этой основе у него появляется возможность адекватно реагировать на возникающие в реальной жизни ситуации. Свойство этой «машины» – усвоение, переработка и передача опыта.

Достижение этой цели непосредственно связано с использованием языка, который является не только важнейшим средством человеческого общения, но и хранилищем знаний. В этом смысле легенды, сказания, сказки как народные, так и современные заключают в себе прошлый познавательный опыт народа, говорящего на данном языке, а также общечеловеческие знания в целом. Они же используются и для того, чтобы выразить новый познавательный опыт. Сказка, будучи непосредственно связанной с предметным миром человека, с его социально-историческим опытом и культурно-национальными особенностями говорящего на данном языке народа, способна, по всей видимости, отражать определенную картину мира: а именно, стихийно складывающееся, закрепленное в обыденной практике представление о внешнем мире. Каждое полнозначное слово фиксирует кусочек человеческого опыта, информации.

Язык призван служить средством материализации мысли, поскольку языковые знаки отражают деятельность человека, обобщая и вычлняя необходимое и существенное, образуя новые понятия. Язык не только антропоцентричен, но и национально специфичен. При этом в языке отражаются как особенности природных условий или культуры, так и своеобразие национального характера его носителей⁵.

Интерпретация текстов различных видов литературной сказки может быть более продуктивной с использованием методов когнитивной мо-

⁴ Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. №4. С. 17-33.

⁵ Вежебицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Прогресс, 1996. С. 231.

дели понимания текста, которая делает акцент на том, каким образом формируются его элементы, как пользуется ими человек для выражения того или иного смысла, в каком контексте они употребляются и какую роль эти элементы играют в структуре. «Когнитивные принципы организации информации связаны также с большей или меньшей степенью приверженности текста к его прототипическому образцу. Некоторые тексты можно определить как более типичные представители жанра – прототипные, другие как менее типичные – периферийные. Согласно данному подходу, специфические, повторяющиеся в текстах черты, определяют степень прототипности конкретного примера в определенном жанре. Жанр рассматривается как когнитивная модель, схематичная репрезентация наиболее типичных черт присущих текстам данного жанра»⁶. Знание об определенном жанре закреплено в культуре в виде готовой модели, схемы. Схема понимается как организация представлений, хранимых человеком в его памяти человеком, структура данных для представления стереотипных ситуаций.

Что касается сказки народной, то эта схема включает «устоявшиеся инициальные и финальные формулы, неопределенность хронологических и топографических формул, троичность, ступенчатость, отсутствие подробных описаний природы, духовной жизни героев»⁷. Когда мы говорим о сказке литературной, то этот набор жанровых правил ассоциируется с интертекстуальными схемами. Любой узнаваемый элемент текста сказки сопоставляется с информационным тезаурусом читателя, и далее читатель программирует возможный сценарий развития сюжета. Например, стереотипный сказочный зачин «Once upon a time...» подразумевает что, во-первых, описываемое событие происходит в неопределенную, не историческую эпоху; во-вторых, что описываемое событие нереально; в-третьих, то, что говорящий хочет рассказать вымышленную историю, сказку.

Ввод в данную стереотипную модель новой информации позволяет предсказать возможный тип повествования: каким будет этот вымысел? *Once upon a time, a very long time ago now, about last Friday...* (Milne A. "Winnie-the-Pooh") – традиционный зачин получает уточнение, которое противоречит его смыслу. Это довольно распространенный стилистический прием – *bathos*, помогает идентифицировать сказку как юмористическую. В языковом плане временная и локальная неопределенность

⁶ Прохорова Л.П. Типологическое изучение жанра литературной сказки в когнитивном аспекте // XXII Дульзоновские чтения: Материалы Междунар. Конф. 19-20 июня 2000. –Томск, 2000. С. 89.

⁷ Прохорова Л.П. Типологическое изучение жанра литературной сказки в когнитивном аспекте// XXII Дульзоновские чтения: Материалы Междунар. Конф. 19-20 июня 2000. –Томск, 2000. С. 90.

выражается через взаимодействие лексических и грамматических средств категории определенности/неопределенности: в русском языке это: «однажды», «давным-давно», «много лет назад».

Картина, которую создает автор, становится тем ярче и индивидуальнее, чем дальше уходит он от схемы прототипа. Тем сложнее интерпретировать произведение этого автора в рамках определенного жанра.

В.Е. Гусев пришел к выводу о том, что основными жанровыми особенностями сказки являются «отражение социального или бытового конфликта и фантастический вымысел». По мнению В.Е. Гусева, общепринятым остается деление сказок на: 1) сказки о животных, 2) волшебные и 3) бытовые⁸/ «Концептуальная картина мира, сохраненная в тексте народной волшебной сказки, принципиально дуалистична. В ней есть два полюса миропорядка: фантастический (мифологический) и стихийно-реалистический. Таким образом, сказка как особый образ мира существует в симбиозе трех принципиально различных картин мира: мифологической, стихийно-реалистической и сознательно-нереалистической»⁹.

Восприятие текста и мира зависит не только от объективных факторов, но и от индивидуальных особенностей человека. Следствие этого – преувеличение того или иного из вышеперечисленных компонентов сказочной картины мира. Гипеболизация мифологической составляющей приводит к утверждениям о том, что сказка будто бы застывший и иррациональный жанр. Переоценка роли реалистической составляющей приводит к преувеличению истинных масштабов ее социальной направленности. Увлечение сознательно-нереалистическим характером сказочного мира – причина упрощенного толкования сказки, как чисто развлекательного жанра. При проведении междисциплинарного анализа текста сказки необходимо учитывать сведения о сказочном тексте, известные из фольклористики, этнолингвистики, лингвистике текста, истории языка, истории литературы, психоллингвистики.

Многие рутинные когнитивные функции осуществляются человеком автоматически, ненамеренно, неосознанно. Наш мозг функционирует почти как большая корпорация. Представитель исполнительной власти – наше контролируемое сознание – уделяет внимание наиболее важным или новым вопросам и переадресует рутинные дела подчиненным. Такое делегирование ресурсов внимания дает нам возможность реагировать на многие ситуации быстро, эффективно, интуитивно, не тратя времени на обдумывание и анализ.

⁸ Гусев В.Е. Эстетика фольклора. – Л., 1967. С. 125.

⁹ Гронская О.Н. Анализ сказочного текста (к проблеме языковой картины мира) // Междисциплинарная интерпретация художественного текста. – СПб.: Образование, 1995. С. 39.

В этом контексте сказка может являться готовым набором жизненных принципов, передающихся из поколения в поколение в пределах одной языковой группы. Сказку можно рассматривать, как готовый шаблон для оценки, суждения о других людях. Первую социальную информацию мы получаем именно из сказок. Вся последующая информация, полученная нами, будет обрабатываться и оцениваться сквозь призму ранее накопленной.

Приведем простейший пример. Как известно, сказка о трех поросятах на русском и на английском языках имеет некоторые различия. В русском варианте поросята начинают строить домики под угрозой наступления холодной осени. В английском же варианте: "Three little pigs grew so quickly that one day their mother told them, 'You are too big to live here any longer. Go and build houses for yourself. But take care that the wolf doesn't catch you and eat you'"¹⁰. Для русскоговорящих детей этот поступок мамы не только непонятен, но и оценивается резко негативно. А ведь в действительности «в Англии сама идея о том, чтобы несколько поколений жили под одной крышей, представляется обычно несовместимой с обычаями семейной жизни»¹¹. Английские дети обычно рано становятся самостоятельными: снимают квартиру вместе со своими ровесниками, работают, живут независимо от родителей. В. Овчинников в своей книге «Сакура и Дуб» приводит цитату из книги испанского писателя Паоло Тревеса «Англия – таинственный остров»: «Вся система английского мышления, вся система образования вращается вокруг центрального принципа одиночества. Чуть ли не с шестилетнего возраста англичанин становится одиноким – вместе с другими, это верно, но одиноким, отдаленным от своей семьи в школе или колледже на все время, кроме каникул. И когда он возвращается домой через пятнадцать или двадцать лет с дипломом Оксфорда или Кембриджа, он, естественно, хочет вновь уехать как можно скорее, чтобы жить своей собственной жизнью. Иными словами, чтобы продолжать быть одному»¹². В этом смысле пример из сказки о трёх поросятах помогает понять характер англичан, снабдить изучающего английский язык необходимой информацией об их жизненном укладе.

Сказка, как форма интерпретации действительности, будет влиять на наши убеждения всю жизнь.

Способность выучить язык другого человека и понять культуру другого народа, в тоже время, храня верность собственным культурным традициям, является лишь началом сложнейшего процесса свободного взаимного проникновения между несколькими языками и культурами,

¹⁰ The Three Little Pigs. L., Penguin, 2000. P. 2.

¹¹ Овчинников В. Сакура и дуб. – М.: Дрофа, 2004. С. 311.

¹² Овчинников В. Сакура и дуб. – М.: Дрофа, 2004. С. 317.

который называется кросскультурной коммуникацией. В настоящее время одной из важнейших задач современной методики преподавания иностранного языка является поиск возможностей понять другого человека по другую сторону границы, выучив его язык. В этом контексте сказка является важной первичной информацией, которая влияет на формирование основных фоновых знаний.

Анна Вежбицкая предлагает понятие «понимания культур через посредство ключевых слов». Основные положения, развиваемые в книге А. Вежбицкой, заключаются в том, что разные языки существенно различаются в отношении своего словарного состава и эти различия отражают различия ядерных ценностей соответствующих культурных общностей. В своей книге А. Вежбицкая предполагает, что всякая культура может быть исследована, подвергнута сопоставительному анализу и описана при помощи «ключевых слов» языка, обслуживающего данную культуру. Теоретическим фундаментом этого анализа может служить «естественный семантический метаязык», который реконструируется на основе широких сопоставительно-языковых исследований. А. Вежбицкая рассматривает ключевые слова как ядерные ценности культуры. Примером может служить модель «дружбы» в разных культурах. А что, если рассматривать процесс понимания культур через посредство ключевых сказочных сюжетов? Известный ученый, психотерапевт Эрик Берн в своей книге «Games people play. The psychology of human relationships» писал о том, что мы совершаем многие поступки в соответствии с определенными жизненными установками, сценариями, усвоенными в детстве. Некоторым из таких сценариев он присваивал названия известных сказок («Золушка», «Спящая красавица» и т.д.). Одна из основных идей здесь состоит в том, что гигантский объем информации, передаваемый от родителей к новым поколениям, может быть передан в относительно простой схеме. Можно предположить, что этот процесс трансформации субъективных взглядов, теоретических представлений в объективную реальность может быть выражен в форме сказки, поскольку и в повседневной жизни мы можем легко найти аналогии персонажам из многих сказок. Волшебная сказка часто может связать воедино рассказанные человеком события его жизни. Эта техника используется психотерапевтами. Если же попытаться дать определение сказке в терминах когнитивистики, то мы можем предположить, что сказка в этом контексте является своеобразной картиной мира, сценарием или сценарным фреймом, поскольку для сценариев характерна стандартная последовательность событий. «Сценарий может быть использован либо поведенчески, либо когнитивно: в первом случае человек реально проигрывает его, строя

свое поведение в соответствии с конкретным сценарием; во втором – мысленно, например, интерпретируя текст»¹³.

В этом контексте для нас важно то, что с помощью синтеза научных идей, зародившихся в философии, этнографии, социологии, психологии и языкознании мы можем по-новому взглянуть на столь древний процесс передачи информации, как сказка.

Л и т е р а т у р а

1. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия», 1987.
2. *Астафьева И.М.* Виды синтаксических повторов, их природа и стилистическое использование: Автореф. дисс. ... филол. наук. – М., 1963. С. 14.
3. *Вельбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской литературы, 2001. С. 7.
4. *Вельбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Прогресс, 1996. С. 231.
5. *Гронская О.Н.* Анализ сказочного текста (к проблеме языковой картины мира) // Междисциплинарная интерпретация художественного текста. – СПб.: Образование, 1995. С. 37-43.
6. *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 7-33.
7. *Добротницкая Т.В.* Стилистико-синтаксические особенности английской детской литературной сказки: Автореф. дисс. ... филол. наук. – М., 1980.
8. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. С. 80.
9. *Гусев В.Е.* Эстетика фольклора. – Л.: 1967. С. 125.
10. *Макаров М.* Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. С. 153.
11. *Овчинников В.* Сакура и дуб. – М.: Дрофа, 2004. С. 311-317.
12. *Прохорова Л.П.* Типологическое изучение жанра литературной сказки в когнитивном аспекте // XXII Дульзоновские чтения: Материалы Междунар. Конф. 19-20 июня 2000. – Томск, 2000. С. 90
13. *Филлипов К.А.* Лингвистика текста. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. С. 253-254.
14. *Berne E.* Games People Play: The psychology of human relationships. – Penguin Books, 1999.
15. Oxford concise dictionary of Literary Terms / C. Baldick. – Oxford University press, 2004.
16. *Kramsch C.* Language and Culture. Oxford Introductions to Language Study / Series Editor H.G. Widdowson. – Oxford University Press, 2003. P. 81.

¹³ *Макаров М.* Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. С. 157.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Виды компетенций, формируемые при обучении деловому общению студентов-лингвистов

© кандидат педагогических наук А.В. Литвинов, 2005

Проблема обучения филологов и лингвистов «деловому английскому» не только важна и актуальна, но и в достаточной степени специфична, так как в конкретной ситуации обучения она трансформируется в проблему приобретения специальных знаний, ориентированных на социальную адаптацию в процессе профессиональной деятельности после прохождения образовательного курса. Сложности, которые возникают при реализации образовательной программы делового общения, обусловлены многими факторами, и в частности, тем, что при обучении иностранному языку часто смешиваются понятия «деловое общение» и «профессиональное общение в деловых сферах», а между тем они являются различными. Об этом свидетельствует и определение понятия «деловое общение», данное в Словаре методических терминов Э.Г. Азимова, А.Н. Щукина: «Вид общения, целью которого является коммерческая и некоммерческая деятельность (обмен продуктами материального, интеллектуального характера и др.). В ходе д.о. каждый из коммуникантов стремится решить прежде всего актуальные для своей профессии задачи» [1, 67]. Приведенная дефиниция является скорее лингвистической, а не методической, так как из нее вытекает смысловая близость таких словосочетаний, как *обучение деловому общению и обучение языку специальности*.

Эти понятия естественно рассматривать как идентичные при обучении иностранному языку студентов экономических специальностей. Именно в данном значении используется и заимствованное из западноевропейской лингводидактики понятие бизнес-курс. Применительно к студентам-лингвистам «профессиональное общение» рассматривается как коммуникация в научно-филологической и педагогической сферах.

Этот фактор создает дополнительные сложности в плане методического обеспечения курса, так как пособия по обучению деловому общению на иностранном языке насыщены узко специальной экономической лексикой, сложными терминами из сферы финансов, микро- и макроэкономики, отдельных разделов гражданского права. Очевидно, что в подобных учебниках и учебных пособиях овладение нормами делового общения на иностранном языке подменяется овладением узких терми-

носистем различных, в основном экономических или юридических, областей знания.

Следует предположить, что содержание данного курса должно определяться на основе множества критериев, основным из которых является потребность в формировании профессиональной компетенции переводчика, специалиста в области межкультурной коммуникации, преподавателя иностранного языка. Не менее важен учет и интеграция межпредметных связей, в ходе которых возможно формирование положительной мотивации и сознательного подхода к обучению деловому общению, к резкому повышению работоспособности студента при получении знаний, умений и навыков делового общения. При определении содержательных основ данного курса следует использовать компетентностный подход.

Понятие «деловая сфера общения» является очень широким, затрагивающим как административно-правовую, так и профессионально-трудовую сферы. Бесспорно лишь то, что эта сфера является в высшей степени социально значимой, протекающей на основе исчислимого количества целей и характеризующейся определенным набором действий, наиболее частотными из которых следует признать речемыслительные действия, направленные на побуждение адресата речи к каким-либо действиям. Очевидно, что в основе деловой сферы общения находится управление (государственно-правовое, межгосударственные отношения, бизнес-администрирование и др.). Высокая степень социальной ориентации данного вида деятельности приводит к обязательности ее социальной регламентации. Номенклатура и исследование сфер общения, в том числе и деловой, во многом зависят от детального изучения поведения языкового коллектива. Существует определенная связь между сферами человеческой деятельности и сферами общения, которым соответствует определенная номенклатура речевых ситуаций, социальных ролей, стратегий и тактик общения. Потенциальный запас социального опыта включает в структуру сферы общения типовую, наиболее частотную модель ситуации общения в качестве "универсальной формы функционирования процесса общения, существующей как интегративная диалектическая система социально-статусных, ролевых, деятельностных и нравственных взаимоотношений субъектов общения" [2, 38]. Такой подход предполагает наличие как универсальных, так и национально-специфичных постоянных и переменных в деловом дискурсе. Следовательно в данном случае представлена определенная связь с практическими аспектами изучения межкультурной коммуникации.

В современных технологиях обучения иностранному языку доминирует принцип коммуникативности, который предполагает использование изучаемого языка с самых ранних стадий обучения в естественных

для общения целях и функциях. «Коммуникативность подчиняет себе все стороны обучения – соотношение знаний с умениями и навыками, выбор приемов обучения, способ преподнесения, содержание общеобразовательных и воспитательных задач, а также меру и характер использования данных других наук и многое другое» [3, 10-11]. В процессе коммуникативно ориентированного обучения деловому общению на иностранном языке важнейшая роль принадлежит содержанию обучения, которое не является величиной постоянной, а зависит от множества факторов, но в первую очередь – от целей обучения и от ситуации обучения. Содержание обучения, являясь центральным элементом технологии обучения, представляет собой основной источник поддержания мотивационной базы учебного процесса, служит показателем качественных и количественных характеристик уровня умений и знаний учащихся, выступает важным ориентиром для студента и преподавателя в ходе всего процесса обучения. Постановка целей обучения осуществляется в виде определенной компетентностной шкалы, или описания определенного набора компетенций, которые не только определяют содержание обучения, но и стратегию действий всех участников процесса обучения, студентов и преподавателей.

Выбор в качестве основной цели обучения формирования коммуникативной компетенции обучаемых является общепризнанным. М.Н. Вятютнев так определяет данную категорию: «Выбор и реализация программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в той или иной обстановке общения, умение классифицировать ситуации в зависимости от темы, задач коммуникативных установок, возникающих у учеников до беседы, а также во время беседы в процессе взаимной адаптации, то есть способность вступать в коммуникацию» [4, 25]. Данный термин – коммуникативная компетенция – довольно широко используется не только среди методистов, но и среди лингвистов. Ученые не только стремятся уточнить содержание термина, но и представить его в виде многоуровневой структуры. Так, В.А. Звегинцев пишет о том, что коммуникативная компетенция «может быть представлена в разных видах. В наиболее компактной форме она включает в себя: 1. Социальные знания. 2. Лингвистические знания. 3. Интерпретирующую способность» [5, 36]. Представленные ученым уровни соответствуют используемым сегодня в методической практике понятиям: языковая компетенция, прагматическая компетенция, речевая компетенция и рассматривают коммуникативную компетенцию как высший уровень компетенции, языковую способность учащегося осуществлять все виды речевой деятельности на иностранном языке.

Во многих работах, посвященных проблемам обучения иностранному языку, проблемам межкультурной коммуникации, можно встретить

еще и следующие виды компетенций: предметную, профессиональную, лингвострановедческую, страноведческую, культурологическую, поведенческую, – и все они рассматриваются как определенные уровни коммуникативной компетенции, представляющей собой определенную систему знаний, умений и навыков. Применительно к обучению иностранным языкам понятие коммуникативной компетенции получило детальную разработку в рамках исследований, проводимых Советом Европы для установления уровня владения иностранным языком [6], и определяется как способность к выполнению какой-либо, в том числе и профессиональной деятельности на основе приобретенных в ходе обучения знаний, умений, навыков, опыта работы. Согласно документу «Общеввропейская компетенция владения иностранным языком. Проект» (1996) коммуникативная компетенция включает в свой состав следующие виды компетенций:

- лингвистическая (языковая), предполагающая владение знаниями о системе языка;
- социолингвистическая (речевая), предполагающая умения формулирования мыслей с помощью языка;
- социокультурная, предполагающая знание национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка;
- социальная (прагматическая), проявляющаяся в желании и умении вступать в коммуникацию с другими людьми;
- стратегическая (компенсаторная), определяющая способность корректировать речь, совершенствовать другие виды компетенций, восполнять пробелы в коммуникации;
- дискурсивная, позволяющая использовать стратегии для конструирования и интерпретации текста;
- предметная, определяющая способность ориентироваться в содержании информации.

Интерпретация понятия «коммуникативная компетенция» в работах отечественных методистов существенно не отличается от узко лингвистического толкования данного термина, но поскольку в методике она рассматривается не столько как компонент языковой способности, сколько в качестве основной цели обучения, то ее понимание более приближено к прикладным задачам лингвистической практики и может значительным образом трансформироваться под влиянием потребностей изучающих язык. Так, в работах Д.И. Изаренкова представлено несколько иное понимание данного термина. Ученый пишет: «Коммуникативная компетенция – это способность человека к общению в одном, нескольких или всех видах речевой деятельности, которая представляет собой приобретенное в процессе естественной коммуникации или специально организованного обучения особое качество речевой личности»

[7, 55]. Существенным для данного определения является то, что ученый предполагает возможность формирования коммуникативной компетенции в одном или нескольких видах речевой деятельности, так как методисты обычно рассматривают данное понятие как комбинацию четырех отдельных компетенций в соответствии с основными видами речевой деятельности. Ученый предлагает следующие конфигурации объема коммуникативной компетенции: «1) говорящего и слушающего; 2) слушающего; 3) пишущего и читающего; 4) читающего; 5) говорящего, слушающего и читающего; 6) слушающего, пишущего и читающего; 7) слушающего и читающего; 8) говорящего, пишущего и читающего» (Там же, 55). Очевидно, что исследователь ставит знак равенства между коммуникативной и речевой компетенцией.

В работах О.Д. Митрофановой и В.Г. Костомарова представлена несколько иная точка зрения на исследуемый объект: «...Коммуникативная компетенция с очевидностью включает языковую, или лингвистическую, и речевую; она же обязательно вбирает в себя и знание культуры страны изучаемого языка, что составляет предмет страноведческого и лингвострановедческого аспектов занятий иностранным языком, или лингвострановедческую и страноведческую компетенции» [8, 15]. В данном случае авторы рассматривают прагматические параметры общения как часть страноведческой и лингвострановедческой компетенций.

Полагаем, что поведенческие особенности речевой коммуникации включают в себя не только национально специфические, но и культурно специфические, и универсальные свойства, следовательно, только часть их может составлять определенный объем страноведческой и лингвострановедческой компетенции при условии владения универсальными качествами коммуникации в какой-либо сфере на родном языке. Личный опыт и отзывы специалистов говорят об обратном: зачастую студенты, овладевающие умениями и навыками делового общения на иностранном языке, не имеют таковых в родном языке. Следовательно, необходимо включить в состав формируемой коммуникативной компетенции еще и прагматическую компетенцию, связанную с умениями и способностями выбирать соответствующие речевые стратегии и тактики, опираясь на анализ ситуации и целей общения.

Из этого следует, что важнейшими компетенциями, которые должны формироваться в данном курсе, являются социальная и социокультурная компетенции, которые многие исследователи не различают. Так, например, в статье «Типология социокультурных ошибок в англоязычной письменной речи русских обучаемых» авторы Кузьмина Л.Г., Сафонова В.В. [9, 31-33; 10-14] выделяют следующие типы:

- 1) неадекватная интерпретация национально-культурной и социально-стратификационной информации;
- 2) некорректное употребление социокультурно маркированной лексики;
- 3) ошибки в речевом этикете;
- 4) ошибки в соблюдении надлежащего уровня официальности;
- 5) ошибки в выборе языковых средств;
- 6) ошибки в передаче социокультурных стереотипов речевого поведения;
- 7) ошибки, допускаемые вследствие неразвитости общекультурных умений письменной речи.

Анализ приведенных ошибок свидетельствует о том, что только первые два типа ошибок относятся к собственно социокультурным, связанным с формированием когнитивной базы, приближенной к когнитивной базе носителя языка. Ошибки второй группы (3-6) являются собственно социальными, так как, очевидно, они связаны с социолингвистической и социальной компетенциями. Они обусловлены не только незнанием правил и стереотипов общения на данном языке, но и неумением анализировать дискурс, неразвитостью внимания к дискурсу и в родной речи. И, наконец, ошибки последнего типа являются дискурсивными.

Приведенный пример призван продемонстрировать не недостатки статьи, а во-первых, несовпадение терминологического аппарата российской и европейской методики в плане освещения компетенций, и во-вторых, неразрывную связь всех типов компетенций, реализующихся при построении и восприятии иноязычного дискурса.

Таким образом, согласно компетентностному подходу, содержание обучению языку должно включать в себя несколько базовых компонентов: единицы языка, формирующие языковую компетенцию; роли, стереотипы, стратегии, тактики общения, составляющие прагматическую компетенцию; речевой материал, представленный в виде монологических и диалогических текстов в устной и письменной форме, предназначенный для формирования речевой компетенции; а также необходимый страноведческий материал, представляющий особенности коммуникации в данной культуре или субкультуре. Следовательно, методическая интерпретация коммуникативной компетенции может быть представлена в качестве основной потребности как общества, так и обучаемых. Ее достижение должно сопровождаться приобретением и профессиональной компетенции, которая включает в себя знания, умения и навыки, необходимые для осуществления профессиональной деятельности в рамках получаемой специальности, и предметной компетенции, то есть необходимых знаний, достаточных для коммуникации. Обучение деловому общению студентов-лингвистов в этом плане мы рассматриваем не как один из видов коммуникативной компетенции, а как важ-

ную составляющую коммуникативной и профессиональной компетенции. Полагаем, что профессиональная компетенция «специалиста переводчика», «специалиста в области межкультурной коммуникации», «преподавателя иностранного языка» основывается на его коммуникативной компетенции, поэтому следует различать профессиональную компетенцию специалиста в различных областях бизнеса и управления, которая неразрывно связана с коммуникативной компетенцией в сфере профессиональной деятельности, и профессиональную компетенцию лингвиста, основанную на владении нормами литературного языка в его устной и письменной форме, в том числе и в деловых сферах общения. Будущий специалист в области перевода или обучения языку не обязан владеть профессиональной речью финансистов, менеджеров, специалистов в области торговли, маркетинга и др. Доказательством этому служит, в частности, и то, что перевод, реферирование и аннотирование узкоспециальных профессиональных изданий обычно осуществляется специалистами в данной области деятельности. Однако нельзя не принимать во внимание и потребности общества, и преимущественные сферы использования переводчиков и преподавателей, многим из которых по окончании вуза нужны не только общие, но и специальные знания в области перевода или преподавания языка.

Обратим внимание на следующее: при обучении иностранному языку специалистов в области менеджмента, финансовой деятельности, юриспруденции и т.д. процесс обучения языку строится на основе двух составляющих: базовый курс и профессионально ориентированный курс. При этом имеются отдельные примеры изначальной профессиональной ориентации курса, то есть ведется планомерная работа по формированию коммуникативной компетенции в виде языковой, речевой и профессиональной компетенции на материале специфического языкового и речевого материала, исключающего практическое применение знаний иностранного языка в других областях и сферах общения. При подготовке специалиста-переводчика и специалиста-преподавателя основное внимание уделяется формированию коммуникативной компетенции в области литературного языка в целом, а также профессиональной компетенции, которая рассматривается как определенный объем теоретических знаний и практических умений в области анализа и интерпретации фактов языка и речи в сочетании с коммуникативной компетенцией.

Деловое общение как объект изучения занимает определенное место и в составе коммуникативной компетенции, и в составе профессиональной компетенции, следовательно, при отборе содержания обучения необходимо учитывать эти моменты. Так, в частности, прагматические параметры, стилистические свойства, лингвострановедческий аспект

деловой речи в плане их теоретического освещения составляют важный блок знаний, формирующих профессиональную компетенцию студента-лингвиста; языковые и речевые единицы, определяющие умения и навыки владения деловой речью, составляют важный компонент коммуникативной компетенции будущих лингвистов. Таким образом, построение учебной модели содержания обучения деловому общению студентов-лингвистов значительным образом отличается от подобных моделей при обучении бизнесменов, юристов, управленцев и др. При подготовке последних специализация обучения начинается на ранних этапах в формах специфической тематики, формирования лексикона, изучения грамматических конструкций, употребляющихся преимущественно в книжной (научной, профессиональной) речи. Коммуникативная компетенция специалиста в области лингвистики складывается из знаний, умений и навыков, охватывающих все разновидности литературного языка и все виды речевой деятельности, в сочетании с профессиональной компетенцией, которая полностью включает в себя коммуникативную.

Формирование языковой компетенции традиционно исследуется и описывается в плане лингвистических основ обучения. Этапы данного процесса представлены в лексических и грамматических минимумах для студентов различных специальностей. При овладении лексикой и грамматикой языка учащийся должен: усвоить значение и форму лексического минимума единиц; правильно строить иноязычную речь; правильно понимать иноязычные высказывания; «уметь сознательно контролировать построение высказывания и сознательно выбирать требуемые (или наиболее уместные) грамматические формы и конструкции» [10, 69]. Языковое содержание обучения является одной из важнейших составляющих учебного материала. Но определению формального минимума должна предшествовать работа по формированию коммуникативного минимума: сфер, тем, ситуаций общения, речевых действий, обслуживающих актуальные сферы общения. В этом плане лингвистическая компетенция в совокупности с речевой могут рассматриваться лишь как базовый компонент коммуникативной компетенции.

При исследовании содержания курса «деловое общение» для студентов-лингвистов лингвистическая и речевая составляющая не имеют большого значения, так как, овладевая в процессе базового практического курса всеми видами речевой деятельности, всеми функциональными разновидностями литературного языка, в том числе и официально-деловым стилем, студенты в принципе подготовлены к восприятию собственно языковых особенностей делового общения, которые заключаются не столько в знании особых грамматических правил употребления тех или иных новых лексических единиц, сколько в частотности

или преимущественном выборе уже известных им единиц и правил их функционирования. На основании этого следует предположить, что разработка специфического грамматического материала в рамках обучения деловому общению студентов-филологов малоэффективна: в данном случае речь может идти о составлении необходимого лексического минимума слов, выступающих в особых, стилистически связанных значениях, и о перечне синтаксических конструкций, свойственных данной функциональной разновидности речи, то есть речь должна идти о дискурсивной, предметной и социальной компетенции. Овладение ими составляет задачу формирования определенного уровня профессиональной компетенции.

Наряду с понятийной базой в процессе подготовки студенты овладевают и определенными методами лингвистического анализа, они различают семантическую, формальную и функциональную сторону единиц языка и речи, умеют обобщать факты языка в модели при анализе их внутренних свойств, определять системные отношения между единицами и т. д. Подобные умения являются востребованными в таком виде компетенции, как компенсаторная, которая в максимальной степени реализуется при самостоятельном овладении деловым общением.

Особыми элементами коммуникативного содержания обучения являются прагматический, включающий в себя сферы общения, темы и ситуации, типы коммуникативных задач, речевые действия, актуальные для выделяемых типов ситуаций; и дискурсивный, включающий в себя тексты и высказывания, которые демонстрируют решение актуальных коммуникативных задач, представляют функционирование языковых единиц, отражают предметно-содержательный план общения, составляют один из элементов профессиональной компетенции. Как отмечают Е.И. Пассов, В.П. Кузовлев и В.С. Коростелев, «проблема коммуникативного минимума рассматривается в современной методике в ракурсе следующих вопросов: характер и структура КМ, определение его места и значения среди других компонентов учебного процесса, разработка критериев отбора необходимого и существенного для него материала.» [11, 89].

Речевой минимум обучения деловому общению представляет собой концентрированное отражение специфических особенностей коммуникативного содержания изучаемого материала. Для лингвистического профиля обучения характерны свои специфические задачи, вытекающие из практической деятельности обучаемого, что находит отражение не только в выборе доминирующих сфер общения, доминирующего языкового материала, но и способах его презентации, включающих в себя не только частные цели усвоения речевых конструкций, но и лингвистический, а также лингвостилистический анализ и интерпретацию.

В реальной практике обучения студентов-лингвистов деловому общению происходит усвоение стереотипов общения, стратегий и тактик речевого поведения лиц, реализующих определенные социальные роли. Поэтому при обучении деловому общению в рамках специально организованного курса возможно принципиально иное построение материала, основанное на ролевом принципе. Такой способ построения содержательного материала представляется нам более эффективным по следующим причинам. 1. Доказано, что деловое общение в высокой степени стереотипично и речевые клише и формулы связаны, в данном случае, не с тематикой общения, а с конкретными ролями участников коммуникативного акта. 2. Ролевое представление речевого материала в наибольшей степени способствует его активизации и закреплению на стадии углубления и активизации знаний. 3. Ролевой принцип структуризации речевого материала не исключает, а предполагает изучение тем, так как он связан с ситуациями общения.

Для делового общения как специфического дискурса наиболее репрезентативны следующие роли и ролевые конфигурации: юридическое лицо (государство и предприятие любой формы собственности и любой сферы деятельности); физическое лицо (руководитель, подчиненный, представитель юридического лица, проситель). Общение между юридическими лицами осуществляется только в письменной документальной форме (различные жанры документов); общение между юридическими и физическими лицами также осуществляется в письменной документальной форме, но в этом случае используются несколько иные жанры документа; общение между физическими лицами может производиться как в письменной документальной форме, так и в устной форме. Устное общение в данном случае может быть моностилевым, а может включать различные стилевые элементы, что определяется параметрами ситуации общения (адресатом, условиями, отправителем информации).

Л и т е р а т у р а

1. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). – СПб., 1999. – 472 с.
2. *Пассов Е.И.* Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М., 1989. – 276 с.
3. *Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д.* Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. – М., 1988. – 155 с.
4. *Вятюннев М.Н.* Теория учебника русского языка как иностранного. – М., 1984. – 144 с.
5. *Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. – М., 1976. – 306 с.
6. Common European Framework of Reference for Language Learning and Teaching. Draft 1 of a Framework proposal. Language Learning for European Citizenship. – Strasbourg, 1996.

7. *Изаренков Д.И.* Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом. – 1990. – № 4. – С. 54-60.
8. *Митрофанова О.Д., Костомаров В.Г.* Методика преподавания русского языка как иностранного. – М., 1990. – 267 с.
9. *Кузьмина Л.Г., Сафонова В.В.* Типология социокультурных ошибок в англоязычной письменной речи русских обучаемых // Иностранные языки в школе. – 1998. – № 5. С. 31-33; № 6. С. 10-17.
10. *Леонтьев А.А.* Содержание обучения // Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включенное обучение) / Под ред. *А.Н. Щукина.* – М., 1990.
11. *Пассов Е.И., Кузовлев В.П., Коростелев В.С.* Цель обучения иностранному языку на современном этапе русского общества // Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия / Сост. *А.А. Леонтьев.* – М., 1991. – С. 83-92.

О необходимости создания учебного словаря-тезауруса лингвистических терминов

© кандидат филологических наук И.И. Богатырева, 2005

В последнее время в нашей стране довольно активно обсуждаются проблемы среднего и высшего образования, предлагаются разного рода реформы в этой области, которые, по мнению их создателей, должны как качественно поднять уровень наших достижений, так и приблизить нас к лучшим зарубежным образцам и традициям. Нам же представляется, что нет острой необходимости в подобных реформах (по крайней мере, в сфере языкознания и, наверное, филологии в целом), но всегда есть что улучшить в уже существующей и вполне сложившейся отечественной традиции преподавания различных лингвистических дисциплин, и особенно целесообразным представляется совершенствование базового курса – курса «Введение в языкознание».

Вышеназванная дисциплина должна давать студентам-первокурсникам (как будущим лингвистам, так и литературоведам) представление о языке как о реальном объекте научного исследования, об основных проблемах и методах его изучения и описания. Следует отдавать себе отчет в том, что именно данный курс, с одной стороны, является вводным (и на третьем-четвертом годах обучения студенты-филологи еще прослушают курсы общего языкознания и истории лингвистических учений), но, с другой стороны, именно он во многом определяет формирование научного мировоззрения начинающих филологов. Изучение «Введения в языкознание» осуществляется в разных формах: по данному курсу читаются лекции и ведутся практические занятия, но не менее важной формой работы студентов является самостоятельное изучение оригинальной научной лингвистической литературы – текстов, оказавших влияние на развитие науки о языке. Читая оригинальные сочинения лингвистов, молодые люди непосредственно из первых рук, а не в пересказе, получают информацию об актуальных научных проблемах, а также (и это чрезвычайно важно) знакомятся с существующей лингвистической терминологией, с особенностями научного лингвистического стиля, усваивают способы доказательства научных положений и приемы ведения научной полемики.

Учебный процесс в этих случаях осуществляется как за счет читаемых лекционных курсов, так и во многом при поддержке учебников, методических разработок, сборников задач, хрестоматий, изданий энциклопедического характера и т. п. Безусловно, велика роль учебников и учебных пособий по курсу «Введение в языкознание». К счастью, в

последнее время были как переизданы классические учебники по данному курсу (напр., учебники А.А. Реформатского, Ю.С. Маслова и др.), так и изданы многочисленные новые учебники. Число существующих в области общего языкознания учебных хрестоматий невелико, причем большинство из них предназначено скорее для курса «История лингвистических учений». Тем не менее, силами коллектива преподавателей кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ была составлена и в 1996 г. издана хрестоматия, рассчитанная именно на первокурсников, изучающих «Введение в языкознание». В ней были представлены классические работы Ф. де Соссюра, Ф.Ф. Фортунатова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, А. Мейе, Э. Сепира и др., и в целом этот том отражал развитие науки о языке до середины XX века. В настоящее время подготовлен и сдан в печать второй том хрестоматии по курсу «Введение в языкознание», в который включены в основном тексты либо более поздние, либо ставшие доступными только ближе к концу XX века, но при этом сохранившие свое значение для современной лингвистики (напр., работы Р.И. Аванесова, Н.И. Жинкина, И.А. Мельчука, Н. Хомского, Р.О. Якобсона и др.). Композиционно оба тома хрестоматии строятся таким образом, что их разделы непосредственно соотносятся с разделами читаемого лекционного курса и с основными классическими учебниками по данному предмету, а также дополняют их и расширяют представления студентов о лингвистике как о вечно живой созидательной деятельности.

Но, к сожалению, как показывает практика чтения курсов и приема зачетов и экзаменов¹, усвоить многие разделы и программные положения курса «Введение в языкознание» оказывается достаточно сложно, даже опираясь на всевозможные учебные пособия. Безусловно, наличие хрестоматий облегчает жизнь студентов, хотя бы в том отношении, что избавляет их от зачастую непростых поисков нужных им текстов, в ряде случаев либо отсутствующих в библиотеках, либо разбросанных по труднодоступным изданиям. Кроме того, в хрестоматии могут содержаться необходимые уточнения, комментарии, отсылки, переводы авторских примеров на русский язык (достаточно часто это отсутствует в целом ряде работ переводного характера) и т. п. Но следует не забывать о том, что с этой сложной дисциплиной вчерашний школьник сталкивается с первых же дней своего пребывания в университете и что он еще живет школьными представлениями о языке и мыслит также по-школьному. И на наш взгляд, одной из самых серьезных проблем, с

¹ Автор данной статьи в течение 14 лет ведет семинарские занятия (как на дневном, так и на вечернем отделениях филологического факультета МГУ) и восьмой год читает лекционный курс по «Введению в языкознание» (на вечернем отделении).

которой сразу же сталкивается первокурсник, является не просто содержательная сложность и большие объемы текстов, подлежащих обязательному прочтению и конспектированию, но и наличие в них огромного количества незнакомых терминов.

Эти многочисленные термины и терминологические сочетания усложняют ситуацию тем, что они употребляются в работах разных ученых непоследовательно, очень развито их дублирование, нельзя также не обратить внимание и на склонность различных ученых вводить новые термины без достаточных на то оснований. Можно, конечно, посетовать по этому поводу, выразить неудовольствие тем, что лингвисты, занимаясь терминологией других областей научного знания, никак не обратятся к упорядочению терминологии своей собственной науки. Но необходимо понимать, что *упорядочение* терминологии предполагает ее *унификацию*, т. е. приведение в систему в соответствии с некими объективными требованиями к идеальному термину. Нам представляется, что подобная унификация, скорее всего, невозможна, хотя бы потому, что существует многообразие различных лингвистических направлений, школ, концепций, что в свою очередь и создает вышеназванное изобилие терминов: ведь термины не только входят в систему понятий соответствующей отрасли знания, но и определенным образом ее структурируют, а следовательно, разные концепции могут требовать и существование разных терминосистем.

Представляется, что актуальной проблемой, которая требует по возможности скорейшего разрешения, является не унификация терминологии в области языкознания (это, вероятно, утопия), а создание обучающего терминологического словаря, адресованного именно студентам, изучающим курс введения в языкознание (что на самом деле пригодится и при прохождении курсов общего языкознания и истории лингвистики). Нельзя сказать, что такие словари в принципе отсутствуют: так в Ростове-на-Дону в 1976 г. был издан «Краткий лингвистический словарь» Г.А. Нечаева, а в 1999 г. в Санкт-Петербурге – «Краткий словарь-справочник современных лингвистических терминов в цитатах» В.А. Шаймиева. Первый из названных словарей был составлен именно как словарь учебного типа и адресован именно первому курсу для прохождения введения в языкознание. Там около 800 терминов и около 160 статей, посвященных языковым семьям, группам языков и отдельным языкам. Автор его утверждает, что дефиниции этого словаря адаптированы к уровню знаний начинающего филолога. Нам кажется, что в ряде случаев они *слишком* адаптированы: такая «адаптация» либо обедняет содержание термина, либо даже искажает его. Второй вышеупомянутый словарь содержит *цитатные* толкования приблизительно 400 терминов, широко используемых в современной лингвистической литературе, и

представляет собой, по выражению автора, своеобразную «хрестоматию дефиниций», извлеченных из авторитетных источников. Нам же хочется видеть хрестоматийные тексты отдельно, а терминологический учебный словарь – отдельно².

Более того, нам этот терминологический словарь видится как словарь *идеографический*, или *тезаурус*³: такой способ подачи материала лучше всего соответствует задачам учебного процесса. Следует отметить, что подобная мысль приходила в голову не только нам, и даже была попытка эту задумку реализовать: она представлена в книге И.С. Куликовой и Д.В. Салминой «Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии)» (СПб.: САГА, 2002). В конце этой монографии ее авторы предлагают подобный тематический словарь лингвистических терминов. Но, во-первых, хотелось бы видеть такого рода словарь как самостоятельное издание, а не как некий довесок к монографии. Во-вторых (и это более существенный упрек в его адрес), вышеназванный словарь имеет довольно сложную структуру, которая, по мнению самих авторов, проявляется и в словнике, и в расположении материала, и в определениях. Безусловно, достоинством этого словаря является различная шрифтовая подача терминов: авторы подразделили все термины на несколько групп в зависимости от того, какие понятия ими именуется и насколько эти термины нужны для активного использования или же рекомендуются скорее для пассивного усвоения. Это может помочь студентам в создании очень важного для них умения: отделять главное от второстепенного, сознательно формировать свой активный и пассивный профессиональный лексикон. К очевидным (для нас) недостаткам данного словаря следует отнести прежде всего то, что его авторы очень часто не предлагают никаких дефиниций, а отсылают к целому ряду либо других словарей, либо к учебникам и учебным пособиям. Самообразование в вузе – это, конечно, очень важная и нужная составляющая всего учебного процесса, но ведь не всегда все эти издания могут оказаться под рукой (это первое), да и задача перед нами – не заставить первокурсника найти нужное место в нужной книге, а, приведя грамотное и понятное определение какого-либо важного понятия, освободить студенту время для более содержательных занятий – например, чтения и понимания (в том числе, за счет владения профессиональ-

² Это исключительно *наше* видение ситуации: не хочется смешивать разные жанры. Однако это ни в коей мере не умаляет достоинств вышеназванного словаря.

³ Мы используем термин *тезаурус* именно как синоним к термину *идеографический словарь* и не имеем в виду его понимание как словаря, где максимально полно представлена вся лексика данного языка с исчерпывающим списком всевозможных контекстов для каждого слова.

ной терминологией) специальных текстов (это второе). Поэтому нам представляется недопустимым оставлять какие-либо важные термины без дефиниций.

Как уже было сказано выше, учебный словарь лингвистических терминов должен быть структурно устроен по типу тезауруса, где слова собраны в гнезда по смыслу и группируются вокруг некоторого понятия (идеи), с которым они связаны чаще всего родо-видовыми или причинно-следственными отношениями. Гнезда в свою очередь группируются в подразделы и т. д. Совмещение идеографического словаря с толковым является научно обоснованным, но, несомненно, создаст определенные проблемы и трудности как практического, так и технического характера. Но при этом идеографическая классификация лексики окажет значительную помощь в выработке оптимальных толкований значений слов. Ведь в основе построения идеографических словарей лежит логическая классификация всего понятийного содержания лексики. Смысловое содержание слова раскрывается путем его последовательного включения в классы понятий разного уровня обобщения. Словари тезаурусного типа помогают структурировать, классифицировать, моделировать понятия и связи, относящиеся к какой-либо предметной области⁴.

Наличие подобного словаря существенно облегчит жизнь филолога-первокурсника, подготовит его к адекватному восприятию других лингвистических дисциплин, а также научит его системно мыслить и видеть в зеркале данного словаря структуру лингвистического научного знания.

⁴ Более подробно о всевозможных достоинствах и особенностях подобных словарей см.: Морковкин В.В. Идеографические словари. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970.

Методические аспекты преподавания видов русского глагола иностранным учащимся

© кандидат филологических наук А.А. Караванов, 2005

Как известно, преподавание видов глагола иностранным учащимся сопряжено с большими трудностями. Однако проблема, как нам кажется, состоит не в самой категории вида, а в выборе оптимальной методики преподавания видов иностранцам. Категория вида очень сложна, но она устроена таким образом, что работа над ней может быть чрезвычайно интересной и эффективной не только в плане изучения собственно видов: при выборе оптимальной модели преподавания работа над видами может очень благоприятно сказываться на развитии речи учащихся в целом, на повышении уровня их языковой компетенции в самых разнообразных аспектах языка.

Полагаем, возможны два принципиально различных подхода к преподаванию видов глагола иностранцам:

1) подход «от теории», при котором в основу практического преподавания видов глагола иностранцам положена какая-либо общелингвистическая теория;

2) подход, ориентированный на формирование языкового чувства учащихся, на развитие их языковой интуиции; естественно, при таком подходе никакой общелингвистической теории не отдаётся решающего предпочтения; все существующие теории вида при этом подходе по возможности должны быть учтены, но целью обучения является не знакомство с вопросами теории вида, а формирование у учащегося того интуитивного языкового знания, которым обладают носители языка¹.

Между этими двумя подходами к преподаванию видов иностранцам имеются очень существенные различия:

1) при первом подходе изучение вида состоит в том, чтобы как можно точнее и полнее отразить в преподавании используемую лингвистическую теорию, чтобы донести до учащегося её содержание по возможности без потерь; при втором же подходе изучение вида состоит **в развитии речи на материале вида**. Это различие является очень важным. Мы не можем представить себе прогресса учащегося в употреблении видов глагола вне прогресса в развитии речи в целом: бывает, что иностранец очень хорошо говорит по-русски, но при этом допускает ошибки в употреблении видов, но не бывает, чтобы иностранец говорил по-

¹ Принципы такого подхода изложены в [2].

русски плохо, но при этом употреблял виды правильно. Свободное владение видами невозможно вне свободного владения языком. Поэтому попытка обучить иностранцев употреблению видов вне работы по развитию речи на самом широком языковом материале представляется просто нереальной;

2) при первом подходе предлагается очень компактный и ограниченный по времени курс изучения вида (объем курса определяется объемом изучаемой теории), тогда как при втором подходе курс изучения вида потенциально является бесконечным, и это тоже связано с необходимостью развития речи: прочные и устойчивые навыки правильного употребления видов формируются только в результате медленной, постепенной и регулярной работы, совершаемой в течение длительного времени: чем дольше и чем медленнее совершается работа, тем более прочными оказываются навыки. Курс, строящийся «от теории», фактически является закрытым, замкнутым: он кончается там, где кончается теория, а теория стремится к компактности; курс же, ориентированный на формирование языковой интуиции, не может быть ограничен никакими содержательными и временными рамками. Работа над частными значениями видов – это «штучная», «ручная», «ювелирная» работа, которая требует очень много времени и которая не может быть «поставлена на конвейер». Полагаем, подход «от теории» даёт общее представление о системе частных видовых значений, но не раскрывает всей яркости деталей этих значений, а при работе над употреблением видов именно работа над деталями частных видовых значений является наиболее важной работой, непосредственно направленной на формирование у учащихся языковой интуиции;

3) при подходе «от теории» курс по изучению видов фактически оказывается **изолированным** от изучения других аспектов языка: вид изучается ради самого вида, вид является «самоцелью». Это вполне естественно: поскольку теория вида посвящена, конечно же, прежде всего виду, то другие аспекты языка, с которыми так или иначе связано употребление видов глагола, интересуют теорию вида только во вторую очередь: она занимается ими лишь постольку, поскольку это необходимо для анализа употребления вида; естественно, что никакого самостоятельного интереса (т. е. безотносительного к виду) эти другие аспекты для теории вида не представляют.

Совершенно иначе обстоит дело при подходе, ориентированном на формирование языковой интуиции: ведь в этом случае, строго говоря, мы изучаем не вид, а язык, тогда как вид является лишь подспорьем для изучения языка; мы занимаемся **развитием речи на материале вида**. Естественно, аспекты, с которыми связано употребление вида, не являются в данном случае второстепенными: эти аспекты интересуют нас не

меньше, чем сами виды, и вполне могут представлять для нас самостоятельный (т. е. отдельный от видов) интерес. А поскольку работа над видами теснейшим образом связана с работой практически над всеми аспектами преподавания языка (лексикой, грамматикой, синтаксисом, фонетикой, фразеологией, словообразованием), то виды, притягивая, как магнит, эти разнообразные аспекты, аккумулируя их вокруг себя, позволяют сделать грамматическую работу очень гармоничной². Поясним сказанное на примерах.

1. Виды и лексика. Поскольку употребление видов тесно связано с лексическим значением глаголов, работа над видами требует вовлечения в её орбиту всё новых и новых глагольных лексем. Например, одни глаголы могут употребляться в конструкции типа *Он решил, но не решил задачу*, другие глаголы в этой конструкции употребляться не могут (например, нельзя сказать: **Он видел, но не увидел этого человека*). Понятно, что анализ употребления глаголов в приведённой конструкции требует знания самих этих глаголов. Кроме того, следует отметить, что тема «Вид и лексика» охватывает не только собственно глагольную лексику: изучая употребление видов, иностранец должен знать слова, с которыми сочетаются или не сочетаются виды, например: *часто, редко, всегда* и т. д. (ср. правильность *Он часто опаздывал* при неправильности **Он часто опоздал*); *вредно, бесполезно, невыносимо* и т. д. (ср. правильность *Курить вредно* при неправильности **Покурить вредно*); естественно, список этих слов может быть продолжен практически до бесконечности. Как можно научиться правильному употреблению видов, не зная этих слов? И разве не очевидно, что обучение употреблению видов неотделимо от развития речи в целом?

2. Виды и грамматика. Выделяя тему «Виды и грамматика», мы имеем в виду те грамматические значения, которые являются «внешними» по отношению к видам (в отличие от «внутренних», собственных грамматических значений вида, таких, как однократность, процессность, повторяемость и др.), т. е. это значения, тесно связанные с видом, но в то же время не являющиеся видовыми. Это прежде всего значение времени. Хотя иностранцы уже над подфаке знакомятся с очень простым правилом, согласно которому глагол совершенного вида имеет форму будущего времени и не имеет формы настоящего, а глагол несовершенного вида имеет форму будущего, и форму настоящего (при этом форма настоящего – простая, а форма будущего – сложная, со

² Строго говоря, ни один аспект и не существует в чистом виде; работа по аспектам – это в значительной степени условность; правильная работа по аспектам состоит, как нам кажется, в том, чтобы, занимаясь выбранным аспектом, найти оптимальную форму его сочетания с другими аспектами, а отнюдь не в том, чтобы, занимаясь выбранным аспектом, совершенно не касаться других.

вспомогательным глаголом *быть*), тем не менее даже хорошо говорящие по-русски иностранцы могут допускать ошибки в употреблении этих форм, например: «буду написать» или «звоню» в значении 'позвоню' и т. д. Таким образом, даже самое простое правило употребления видов оказывается неэффективным вне развития речи.

3. Виды и синтаксис. Синтаксическая конструкция **Дательный падеж субъекта + не + инфинитив совершенного вида** выражает значение невозможности достижения результата, а аналогичная конструкция с инфинитивом несовершенного вида выражает значение ненужности действия, например: *Тебе не поступить в университет* (значение невозможности достижения результата); *Тебе не поступать в университет* (значение ненужности действия) (указанная оппозиция значений совершенного и несовершенного вида имеет место в тех случаях, когда в этой конструкции употребляется глагол с результирующей семантикой). Изучая эту конструкцию с иностранцами, мы занимаемся не только видом, но и синтаксисом.

4. Виды и фонетика. На первый взгляд, употребление видов никак не связано с фонетикой. Однако бывают ситуации, когда значение предложения зависит не только от формы вида, но и от места центра интонационной конструкции. Например, предложение **Ты взял мой зонт?**, в котором глагол имеет форму совершенного вида, а место центра интонационной конструкции находится на местоимении, выражает значение упрека, тогда как то же самое предложение, в котором место центра интонационной конструкции находится на глаголе, выражает значение ожидаемости действия, например: *Ты **взял** мой зонт из ремонта? Ты же обещал!*

5. Виды и фразеология. Многие значения видов, особенно в разговорной речи, оказываются фразеологически связанными, например: *Подумать только!* (при невозможности **Думать только!*), *Скажете тоже!* (при невозможности **Говорите тоже!*), *Вы только посмотрите на него!* (при невозможности **Вы только смотрите на него!*) и т. д.

6. Виды и словообразование. Поскольку категория вида не имеет чисто грамматических средств выражения и в роли видовых формантов выступают префиксы и суффиксы, являющиеся не грамматическими, а словообразовательными аффиксами, и при этом разные глаголы образуют видовые формы по разным моделям, с участием разных префиксов и суффиксов, и к тому же некоторые видовые пары являются супплетивными, и, кроме того, в русском языке имеется очень много одновидовых глаголов как совершенного, так и несовершенного вида, а также и двувидовых глаголов, данная тема представляется практически безграничной.

Таким образом, употребление видов очень тесно связано с самыми разными аспектами преподавания языка, и это совершенно естественно: виды есть везде, где есть глагол, а глагол в языке есть почти везде. Виды пронизывают язык насквозь, виды – как кровеносные сосуды языка. Можно сказать, что, изучая виды, мы изучаем всё. Поэтому очень важно, преподавая виды иностранцам, совмещать работу над видами с работой над другими аспектами. **Изолированный** курс по видам, идущий «от теории», фактически разрывает естественные связи вида с другими явлениями языка; отказываясь от детального изучения смежных с видом языковых явлений, этот курс обедняет и изучение самого вида, делая его неполным и фрагментарным. Суть проблемы вида в РКИ состоит в том, что проблема вида – это проблема не только вида. Поэтому мы предлагаем вместо **изолированного** («от теории») курса по видам совершенно другой курс, который можно определить как **комбинированный, комплексный**, сочетающий работу над видами с углублённой работой над другими аспектами языка. Нам представляется, что курс по видам должен быть неотделим от общего курса по развитию речи – от **базового курса**; он должен быть «встроен», «вписан», «вмонтирован» в этот курс; вид и развитие речи должны тесно переплетаться и составлять единое целое. Курс по видам должен быть достаточно продолжительным; пытаться выучить виды быстро, «интенсивно» – задача невыполнимая (виды следует изучать не «интенсивно», а «экстенсивно», идя не «вглубь», а «вширь»). Изучение видов не может опережать развитие речи в целом – это просто невозможно (тогда как подход «от теории» фактически предполагает, что можно выучить виды, не владея свободно языком, поскольку подход «от теории» оказывается автономен от курса по развитию речи).

В традиционной методике преподавания видов подход «от теории» реализован в многочисленных сборниках упражнений по видам глагола для иностранцев, опирающихся на теорию О.П. Рассудовой³. Мы считаем теорию видов О.П. Рассудовой очень ценной и эффективной в плане преподавания видов глагола иностранцам, однако нам кажется, что в этих сборниках упражнений теория О.П. Рассудовой переносится в практическое преподавание несколько прямолинейно: эти сборники упражнений являются классическим примером подхода к преподаванию видов «от теории», т. е. в отрыве от обширного и разветвлённого речевого курса. Эти сборники очень малы по объёму и рассчитаны на краткосрочный период обучения; фактически они являются не столько самостоятельными пособиями по виду, сколько иллюстрацией теории О.П. Рассудовой.

³ Теория О.П. Рассудовой изложена в [3].

Предлагая использовать подход, ориентированный на развитие языковой интуиции учащихся, мы тоже опираемся на теорию О.П. Рассудовой, однако мы считаем, что практическое пособие по видам не должно «механически» переносить теорию в практическое преподавание: пособие должно быть самостоятельным, самодостаточным и автономным от теории, оно должно сочетать теорию с курсом по развитию речи; теория должна быть усвоена и «растворена» в нём (см. [1]).

Важно иметь в виду, что задачи построения лингвистической теории и задачи практического преподавания языка существенно различаются: построение теории – это абстрагирование от деталей, это движение от частного к общему, т. е. как бы движение «вверх»; претворение же теории в практическое преподавание – это, напротив, движение от общего к деталям, к частностям, т. е. как бы движение «вниз». В связи с этим может создаться впечатление, что построение лингвистической теории – это важная и самодостаточная задача, тогда как претворение лингвистической теории в практическое преподавание – это задача «техническая», «прикладная», второстепенная. Между тем, как нам кажется, претворение теории в практическое преподавание – это такая же самодостаточная и самостоятельная задача, как и построение теории.

Л и т е р а т у р а

1. *Караванов А.А.* Виды русского глагола: значение и употребление. Практическое пособие для иностранцев, изучающих русский язык. М.: Русский язык. Курсы, 2003.
2. *Караванов А.А.* Описание категории вида русского языка как иностранного // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1997, № 6. С. 27-37.
3. *Рассудова О.П.* Употребление видов глагола в русском языке. М.: Изд-во Московского ун-та, 1968.

Программа семинара для иностранных стажеров «Употребление видов глагола в русском языке»

© кандидат филологических наук А.А. Караванов, 2005

Категория глагольного вида традиционно является одной из самых трудных для иностранцев. Это связано с тем, что разнообразные конкретные значения видов представляют собой очень пеструю картину и оказываются не сводимы к каким-то «общим» значениям. Вид – это именно **картина**, а не схема и не формула. Вид не поддается «упорядочению»: все конкретные видовые значения очень тесно связаны между собой, однако эта связь не носит строгого иерархического характера. Попытки дать иерархическую классификацию видовых значений (с выделением так называемых «общих» и «частных» значений) возможны только в области теории вида, но они абсолютно неэффективны в плане практического преподавания видов глагола иностранцам. Не только преподаватели РКИ, но даже лингвисты-теоретики единодушны в том, что понятие «неделимой целостности действия» (признаваемое «общим», универсальным значением совершенного вида), являющееся одним из основных понятий видовой теории, оказывается совершенно бесполезным в практическом преподавании видов иностранцам.

Полагаем, всем преподавателям РКИ, занимающимся преподаванием видов, из собственного опыта известно, какая пропасть отделяет теорию вида от практического преподавания видов иностранцам: для изложения теории вида достаточно двух лекций, тогда как для того, чтобы научиться правильно употреблять виды глагола, иностранцам часто не хватает и многих лет. Нам известны случаи, когда иностранцы, много лет изучавшие виды, в конце концов бросали их изучение, объясняя это тем, что они уже очень хорошо усвоили все, что им говорили преподаватели на занятиях по видам, но тем не менее так и не научились правильно их употреблять.

Поэтому актуальная задача методики РКИ в области преподавания видов в настоящее время состоит, как нам кажется, в том, чтобы перекинуть «мостик» от теории к практическому преподаванию видов в иностранной аудитории.

Для решения этой задачи мы попытались разработать методику, ориентированную именно на тех иностранцев, которые говорят: «Знаю теорию видов, но все равно не могу их употреблять». Эта методика была апробирована на семинаре для иностранных стажеров «Употребление видов глагола в русском языке», который ведется автором на филологическом факультете МГУ с 1995 года.

Цель семинара – формирование у иностранных учащихся навыков правильного употребления видов русского глагола.

Лингвистической основой концепции, применяемой на семинаре, является теория видов О.П. Рассудовой [2].

Методической основой семинара является разрабатываемая автором концепция, согласно которой выделяются четыре типа употребления видов в соответствии с четырьмя универсальными типами видовых значений («нулевыми», аспектуальными, модальными и модусными) [1].

Практическим пособием, используемым на семинаре, является пособие: *Караванов А.А.* Виды русского глагола: значение и употребление. Практическое пособие для иностранцев, изучающих русский язык. М.: Русский язык. Курсы, 2003.

Семинар адресован иностранным учащимся среднего и продвинутого этапов обучения и рассчитан на 12 занятий (24 академических часа).

Особенность применяемой на семинаре методики состоит в том, что лингвистическая теория оказывается переведена на язык простых и понятных правил. Правило, конкретное, ясное, «прозрачное», – это основная единица, основной «инструмент» при работе над видами глагола с иностранными учащимися. Пособие, используемое на семинаре, содержит 70 таких правил. Конечно, предлагаемый список правил не является полным и законченным (поскольку в принципе этот список может быть бесконечным: всех правил употребления видов в одном пособии дать невозможно). Цель данного пособия состоит в том, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия для развития у учащихся собственной языковой интуиции, поскольку, как нам кажется, употреблению видов вообще невозможно **научить**: употреблению видов можно только **научиться**. Поэтому задача преподавателя состоит в том, чтобы включить мощные механизмы языковой интуиции, заложенные в самих учащихся. Главная идея, положенная в основу методики семинара, состоит в том, что обучение иностранцев употреблению видов – это не столько передача информации, сколько развитие их собственного языкового чувства, формирование у них того интуитивного языкового знания, которым обладают носители языка.

В соответствии с используемой на семинаре методической концепцией все случаи употребления видов сгруппированы в пять типов (четыре универсальных и один лексически обусловленный) в зависимости от характера выражаемого видами значения:

1) ограничения в сочетаемости видов, когда замена вида на противоположный оказывается абсолютно невозможной, и этому нельзя дать четкого и непротиворечивого объяснения (случаи, о которых можно сказать: «сочетается, потому что сочетается» или «не сочетается, пото-

му что не сочетается» (например, можно сказать: *Не надо опаздывать* (НСВ), но нельзя сказать: **Не надо опоздать* (СВ). Поскольку в этих случаях возможна только одна форма вида и, таким образом, противопоставление видовых форм отсутствует, здесь виды не выражают никакого значения (так как значение есть только там, где есть противопоставление как минимум двух форм);

2) ограничения в сочетаемости видов, связанные с их аспектуальными значениями, когда замена вида на противоположный оказывается невозможной, но при этом причины, по которым замена невозможна, являются достаточно ясными и простыми и со всей очевидностью вытекают из аспектуальных значений видов (например, можно сказать: *Он часто приходил* (НСВ) *на урок неподготовленным*, но нельзя сказать: **Он часто пришел* (СВ) *на урок неподготовленным*, поскольку значение однократности, выражаемое глаголом СВ *пришел*, не сочетается со значением повторяемости, выражаемым словом *часто*);

3) контексты, в которых виды выражают аспектуальные значения; случаи, когда замена вида на противоположный оказывается возможна, но при этом меняется аспектуальная картина события, т. е. изменяется аспектуальное значение предложения (например, в предложении *Когда он обедал* (НСВ), *он смотрел* (НСВ) *на часы* выражаются одновременные действия, а в предложении *Когда он пообедал* (СВ), *он посмотрел* (СВ) *на часы* выражаются последовательные действия);

4) контексты, в которых виды выражают модальные и модусные значения; случаи, когда замена вида на противоположный оказывается возможна, но при этом меняется либо модальное значение предложения (значение возможности / невозможности, разрешения / запрещения и под.), либо модусное значение предложения (значение темы и ремы и другие субъективные значения) (например, в предложении *В аудиторию нельзя входить* (НСВ): *там идёт экзамен* выражается значение запрещения, а в предложении *В аудиторию нельзя войти* (СВ): *она закрыта на ключ* выражается значение невозможности совершения действия (т. е. при замене формы вида меняется модальное значение предложения); в предложении *Тебе купить* (СВ) *мороженое?* глагол СВ *купить* выражает значение ремы, а в предложении *Тебе покупать* (НСВ) *мороженое?* глагол НСВ *покупать* выражает значение темы (т. е. при замене формы вида меняется модусное значение предложения));

5) контексты, в которых выражаемые видами значения являются лексически обусловленными, т. е. свойственными не всем глаголам, а только глаголам определенной лексической семантики (речь идет о глаголах с результативным значением) (например, в предложении *Он решал* (НСВ), *но не решил* (СВ) *задачу* глагол НСВ *решал* выражает значение попытки, а глагол СВ *решил* выражает значение результата).

Наряду с правилами употребления видов на семинаре также рассматриваются способы образования видовых пар (эти способы представлены в таблице, помещенной в конце пособия).

Л и т е р а т у р а

1. *Караванов А.А.* Описание категории вида русского глагола в целях преподавания русского языка как иностранного // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1997, №6. С. 27-37.
2. *Рассудова О.П.* Употребление видов глагола в русском языке. М.: Изд-во Московского ун-та, 1968.